

В.В. Дементьева

РИМСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ МЕЖДУЦАРСТВИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Издательство
ИНФО-МЕДИА
Москва
1998

ББК 63.3(0)32+67.3

Д30

Монография подготовлена в рамках исследовательского проекта,
разрабатываемого автором при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект №98-01-00344

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор И.Л. Маяк,
кандидат исторических наук В.Н. Токмаков

Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как
политический институт. М.: Инфо-Медиа, 1998. — 137 с.

Монография посвящена всестороннему исследованию римского
интеррегнума как элемента республиканской политической системы,
применявшегося при чрезвычайных обстоятельствах. Изучаются пра-
вовые основы и политический механизм функционирования инсти-
тута междуцарствия, вопросы его происхождения, причины перехода
к нему от ординарного правления. Анализируется характер полномо-
чий интеррекссов как должностных лиц и проведение ими консульс-
ких выборов.

Книга предназначена для специалистов по античной истории и
римскому государственному праву, студентов и всех, интересующих-
ся Римской республикой.

ISBN 5-901026-06-3

В. В. Д е м е н т ь е в а

**РИМСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ
МЕЖДУЦАРСТВИЕ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

**Москва: Инфомедиа
1998**

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНСТИТУТА INTERREGNUM. ПЕРЕХОД К МЕЖДУЦАРСТВИЯМ В РЕСПУБЛИКАНСКУЮ ЭПОХУ	31
1.1 Концепции происхождения римского интеррегнума	31
1.2 Причины наступления республиканского междуцарствия	43
ГЛАВА 2 ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА INTERREGNUM.	53
2.1 Сакрально-правовые нормы перехода к междуцарствию: возвращение ауспиций к patres.	53
2.2 Политико-правовой порядок назначения интерреков	67
ГЛАВА 3 INTERREX КАК НОСИТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	82
3.1 Характер полномочий интеррекса.	82
3.2 Проведение интеррексом консульских выборов	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
Литература	120
Указатель античных имен	129
Указатель латинских терминов	131
Указатель греческих терминов.	132
Zusammenfassung	133

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение государственного устройства Римской республики включает в себя широкий круг политико-правовых проблем, к числу которых относятся, в первую очередь, вопросы функционирования органов управления гражданской общиной (*civitas*). Политическая система *civitas* имела три основополагающих звена: народные собрания (комиции), сенат и магистратуры. Первое из них было связано с осуществлением законодательных и избирательных функций, второе – распорядительных и контролирующих. Третий же элемент – совокупность магистратур – представлял исполнительную власть. Формирование, деятельность и структура органов исполнительной власти республиканского Рима имели свою специфику. Выборные должностные лица в нем, в отличие от других полисов античного мира, не были просто исполнительным органом народного собрания. Римские высшие магистраты являлись носителями делегированного государственного суверенитета, предоставлявшегося им от имени граждан (*cives*) и «отцов» (*patres*). С этой особенностью, на наш взгляд, следует связать и неоплачиваемость должностей, и наличие *cursus honorum* (почетного должностного пути), и, конечно, своеобразные процедуры наделения полномочиями. В Риме именно магистраты, в которых персонифицировался принцип полисного самоуправления, и которые осуществляли право гражданской общины жить по собственным законам, обладали законодательной инициативой, тогда как, например, в классических Афинах она принадлежала всем членам гражданского коллектива. Специфика организации исполнительной власти у римлян проявилась еще и в том, что наряду с обычными, ординарными магистратурами, их конституция предполагала введение в критической ситуации экстраординарных должностей. Структуры чрезвычайной власти Римской республики заслуживают особого исследовательского внимания и специального анализа; одна из них – институт *in terreatum* – является непосредственным объектом изучения в предлагаемой монографии.

Написание и издание этой книги оказались возможными при благоприятном сочетании необходимых факторов: научной заинтересованности коллег, финансовой поддержки фондов, организационной помощи, участия и внимания самых разных людей. В первую очередь, я выражаю глубокую благодарность всему коллективу кафедры истории древнего мира Московского государственного университета, особенно профессорам Ие Леонидовне Маяк и Василию Ивановичу Кузищину, за их содействие моему профессиональному росту, квалифицированные рекомендации и советы. Ие Леонидовне я адресую также слова искренней признательности за подробный анализ этой монографии в ходе ее рецензирования. За положительный отзыв приношу благодарность и второму рецензенту данной книги, Валерию Николаевичу Токмакову, которому близки и детально знакомы проблемы изучения политических отношений ранней Римской республики. Сердечно благодарю также преподавателей кафедры древних

языков исторического факультета МГУ, прежде всего Наталью Геннадьевну Майорову, за филологические консультации. Я очень признательна за сотрудничество и информационное обеспечение немецким коллегам: профессорам Йохену Бляйкену, Густаву Адольфу Леманну (Геттинген), Михаэлю Веррле (Мюнхен), доценту Лоретане де Либеро (Гамбург).

Подготовке монографии весьма способствовала научная стажировка в Германии, вторично, по итогам конкурса, организованная для меня в 1996/97 гг. Немецкой службой академических обменов (DAAD). Создание и публикация книги осуществлены во многом благодаря финансированию данного проекта Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) в рамках предоставленного мне исследовательского гранта.

*В. Дементьева.
Май 1998 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Междущарствие как элемент республиканской политической системы, казалось бы невозможное сочетание понятий, соединение несоединимого. Однако в этой противоречивой с точки зрения абстрактной государственно-правовой теории, но нисколько не противоречащей конкретным историческим реалиям развития римской конституции формулировке, как в фокусе отразилась специфика римской государственности. И дело не только в «смешанном» характере политического устройства Римской республики, но и в путях ее эволюции, и в том консерватизме, который был столь свойственен ее институтам. Междущарствием античные авторы называют хронологический промежуток между двумя последовательно приходившими к власти царями архаического времени; междущарствием был период вакантности высшей ординарной магистратуры в эпоху Республики; даже в III в. н. э. перерыв между правлениями принцепсов, на что обратил внимание А. В. Коптев¹, именовался междущарствием. Вместе с тем, междущарствие – это не только временной отрезок без обычных органов власти, это еще и способ их восстановления. Междущарствие республиканского периода – это государственный институт для конкретных чрезвычайных обстоятельств. Было ли его сохранение простой формальной данью традиции, и, соответственно, роль его декоративна, или же, наоборот, был он реально значимой структурой, действенным политическим инструментом? Каков был характер полномочий междущаря, объем его власти, порядок назначения, влияние на исход консульских выборов? Кто контролировал политическую ситуацию в период междущарствия, в чьих руках находился в это время государственный механизм римской общины? Эти вопросы и стали центральными в предлагаемом исследовании.

Будучи своеобразным связующим звеном между царской и республиканской эпохами (отнюдь не переходной, на наш взгляд, ступенькой, а звеном, свидетельствующим о генетической связи римских государственных форм), институт *interregnum* должен рассматриваться также в контексте проблемы континуитета между ними. Оставляя пока в стороне вопрос о преемственности высшей власти республиканских магистратов от царской, представим точки зрения о названии, количестве и компетенции высших должностных лиц в первые шестьдесят лет существования Республики. Нам это необходимо сделать, так как к проблеме перехода от примитивных «монархических» государственно-правовых форм к республиканским имеют непосредственное отношение вопросы о происхождении интеррегнума, времени его появления и сущностных характеристиках.

Вопрос о титуле носителей высшей исполнительной власти в первые шестьдесят лет Республики оказался остро дискуссионным по причине про-

¹ Коптев А. В. *Princeps et dominus*. К вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 187.

тиворечивости сведений источников² От того же, какое название должности признается исходным, часто зависит понимание исследователями ее характера и числа одновременных носителей.

Согласно концепции Теодора Моммзена, в 509 г. до н. э., после упразднения царской власти, высшими должностными лицами римской общины стали два консула³ Что же касается понимания им титула *praetor maximus*, ставшего главным объектом дискуссий, то Т. Моммзен рассматривал его не как название отдельной самостоятельной должности, а как обозначение приоритетности функций любого высшего (ординарного или чрезвычайного) магистрата: консула, диктатора или интеррекса. На близких данной точке зрения позициях стояли в трактовке *praetor maximus* Пьетро Де Франчиши⁴, Арнальдо Момильяно⁵, Андре Магделен⁶, Жан-Клод Ришар⁷ и некоторые другие авторы. При этом А. Магделен и Ж.-К. Ришар отмечали, что титулом *praetor maximus* именовался ведущий должность консул до того, как консульская власть была ограничена правом провокации, а А. Момильяно обращал внимание на то, что греческое обозначение должности римского консула *στρατηγός υλάτος* – является естественным переводом термина *praetor maximus*. В целом, гипотеза Т. Моммзена признавала содержательную преемственность властных полномочий республиканских магистратов от царского империя, но не оставляла места для переходного периода, поскольку консулат появлялся изначально практически в «готовом виде».

В противоположность этому, Вильгельм Ине усматривал фазу «среднего положения» между царской и республиканской формами правления, во время которой, по его мнению, руководство общиной осуществлял диктатор как ординарный магистрат. Иначе говоря, переходный период понимался как сочетание уходящего и зарождавшегося принципов высшего управления: единоличности и годичности. В соответствии с его теорией, в 449 г. до н. э. по законам Валерия - Горация эта единоличная должность была заменена двойным консулатом⁸ Видел диктатуру первой годичной республиканской должностью Д. У Шwegлер⁹ Разделял точку зрения В. Ине и Д. У Шwegлера

² Подробнее о разногласиях в письменной традиции по этому поводу см.: Токмаков В. Н. Некоторые аспекты генезиса консульской власти в конституции Рима ранней республики // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. М., 1996. № 1. С. 34.

³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Leipzig, 1874. B. 2. S. 74.

⁴ De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959. P. 743-766.

⁵ Momigliano A. *Praetor Maximus e questioni affini* // Momigliano A. *Quarto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Roma, 1969. P. 409-415.

⁶ Magdelain A. *Praetor Maximus et Comitatus Maximus* // Magdelain A. *Jus imperium auctoritas. Etudes de droit Romain*. Roma, 1990. P. 313-339.

⁷ Richard J.-C. *Les origines de la plebe romaine. Essai sur la formation du dualisme patricio-plebeien*. Roma-Paris, 1978. P. 466-472.

⁸ Ihne W. *Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte*. Frankfurt am Main. 1847. S. 42-53.

⁹ Schwegler D. U. *Römische Geschichte*. B. 3. Tübingen, 1958. S. 125.

Карл-Юлиус Белох, подчеркивая, что должность диктатора называлась *magister populi*¹⁰

Франческо Де Мартино полагал, что диктатор был единоличным носителем высшей магистратской власти до 450 г. до н. э.¹¹ Затем, по его трактовке, власть *magister populi* была ограничена правом провокации, должность стала называться *praetor maximus* и просуществовала до 367 г. до н. э., когда на основе законов Лициния - Секстия была заменена двумя консулами. Предвосхищая изложение концепции Ф. Де Мартино о возникновении института *integrum*, обратим внимание на то, что этот исследователь рассматривал первый республиканский год как время существования ординарной магистратуры интеррекса, занимаемой сменяемыми каждые пять дней патрициями. Следовательно, Ф. Де Мартино не просто выделял переходную фазу от царского периода к Республике, но усматривал на ее протяжении отдельные этапы становления высшей должности (наполняя их своеобразным содержанием), то есть понимал характер перехода как ступенчатый.

Хотя теория ординарной диктатуры как переходной формы от царского периода к республиканскому вызвала критическое отношение подавляющего большинства специалистов¹², довольно живучей оказалась та ее разновидность, в соответствии с которой годичный диктатор отождествлялся с *praetor maximus*. Даже в работах 90-х гг. XX в. она иногда принимается без всяких сомнений. Так, Дитер Флах, разделяя данную точку зрения, считает, что римляне раннего времени называли своего верховного командующего как *praetor maximus*, так и *magister populi*¹³. В представлении Д. Флаха, в первый раз на один год полководца с такими титулами избрали после изгнания Тарквиния. В сущности, в длительном сохранении этой теории в историографии не трудно усмотреть устойчивое стремление исследователей интерпретировать переходный период от царской архаики к ранней Республике как постепенную деградацию царской власти¹⁴. Проявлением той же тенденции является и гипотеза о коллегии как минимум трех преторов на начальном этапе Республики, идущая от Гаэтано Де Санктиса¹⁵, который рассматривал *praetor maximus* как руководителя этой коллегии¹⁶. Соглашавшиеся с таким выводом исследователи находили параллели этому в республиканских жреческих коллегиях, чей

¹⁰ Beloch K.-J. *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. Berlin und Leipzig, 1926. S. 231-236.

¹¹ De Martino F. *Intorno all' origine della repubblica romana e della magistrature* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin- New York, 1972. P. 233-246.

¹² См.: Дементьева В. В. *Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.)*. Ярославль, 1996. С. 26-28.

¹³ Flach D. *Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar*. Darmstadt, 1994. S. 14-15.

¹⁴ Linke B. *Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte*. Stuttgart, 1995. S. 141.

¹⁵ De Sanctis G. *Storia dei Romani*. Editrice Firenze, 1956. P. 407.

¹⁶ Критику этой концепции см.: Токамаков В. Н. *Некоторые аспекты...* С. 34-35.

руководитель также именовался *praetor maximus*¹⁷ Многие сторонники этой теории подчеркивали, что создание преторской коллегии было не следствием, а предпосылкой ликвидации царской власти.

Этим объясняется, что представление о преторской коллегии как переходной властной структуре было активно поддержано теми исследователями, которые предлагали изменить датировку начала Республики, полагая, что царское управление римской общиной сохранялось и в V в. до н. э. При этом преторы рассматривались как должностные лица, появившиеся в царскую эпоху. Так, К. Ханель, хронологически определяя переход к Республике, называл 449 г. до н. э.¹⁸ В период от 509 по 449 г. до н. э. военное руководство, по его мнению, осуществлялось коллегией, состоявшей из *praetor maximus* и не менее чем трех *praetores minores*. После 449 г. до н. э. был ликвидирован древний куриатный порядок, упразднена царская власть, введена центуриатная организация и создана новая трехместная коллегия (следы которой К. Ханель усмотрел в консульском военном трибунате), замененная в 367 г. до н. э. двойным консулатом. Подобной же логике анализа переходной фазы от царского периода к Республике следовал и Э. Гьерстад¹⁹ Идея о появлении *praetor maximus* уже в царскую эпоху была близка и Р. Вернеру, который однако доводил существование царской власти не до 449 г. до н. э., а до 471 г. до н. э.²⁰ Именно в этом году, на его взгляд, был введен консулат, и тем самым создана республиканская государственная организация.

Попытки хронологически сместить начало Республики имеют в основе глубокое недоверие к античной традиции и потому на данном этапе развития науки не могут быть нами приняты. Другое дело, – признание *praetores* как коллегии из двух человек высшими должностными лицами первых шестидесяти лет существования Республики при отсчете ее начала в соответствии с античной традицией²¹ Согласно такой точке зрения (а она находит опору в сочинениях Цицерона, Авла Геллия, Плиния Старшего и Феста), роль *praetor maximus* может быть определена, как это делает В. Н. Токмаков, в качестве обладателя инсигний в каждый конкретный момент²² Развивая точку зрения об изменении названия высшей должности (вместо претуры – консулат) в середине V в. до н. э. после децемвирата и второй сецессии плебеев, В. Н. Токмаков аргументированно рассматривает претуру «как первый этап складыва-

¹⁷ Wesenberg G. *Praetor Maximus* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1947. B. LXV. S. 325-326.

¹⁸ Hanell K. *Das altrömische Eponyme Amt*. Lund, 1946. S. 165.

¹⁹ Gjerstad E. *The Origins of the Roman Republic* // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1967. Vol. 13. P. 22-27.

²⁰ Werner R. *Der Beginn der römischen Republik*. München-Wien, 1963. S. 219-239.

²¹ Историографию данного подхода см.: Токмаков В. Н. *Некоторые аспекты...* С. 34.

²² Там же. С. 35. Собственно, такой взгляд на *praetor maximus* в принципиальном плане смыкается с трактовкой его у Т. Моммзена, А. Магделена, А. Момильяно, Ж.-К. Ришара (см. выше), видевших в данном титуле не название определенной должности, а акцентирование верховенства полномочий либо у коллег по магистратуре, либо вообще в иерархии должностных лиц.

ния выборной магистратуры в условиях становления гражданского общества»²³

Поддерживая данную точку зрения и признавая первое шестидесятилетие существования республиканского устройства переходной фазой, мы полагаем, что сущностной характеристикой этого периода была не деградация царской власти, понимаемая как трансформация собственно царской должности в республиканскую магистратуру (сохранение единоличности верховной власти при сочетании с таким новшеством как годичность полномочий), а изначальное введение республиканского принципа коллегиальности и развитие его, как и самой, базировавшейся на нем, должности. Мы имеем в виду, что высшая магистратура не только совершенствовалась в направлении утверждения равноправия занимавших ее лиц, но и постепенно формировала свой статус по отношению к комициям, сенату и гражданскому коллективу. Премущественность магистратской власти от царской, бесспорно, существовала, но она, на наш взгляд, не должна пониматься как сохранение институционального ее оформления в виде наличия постоянного в течение административного года единственного должностного лица, осуществлявшего верховное управление общиной. Связь эта была более глубокой, заключалась, прежде всего, в сохранении представлений об *imperiū*, но введение Республики, – это, в первую очередь, именно отказ от единоличной власти. Исходя из такого видения переходного периода, мы не можем вписать в его реконструкцию в качестве ординарной магистратуры единоличную должность интеррекса. Поэтому попытку Ф. Де Мартино и У фон Любтова (о ней речь подробно пойдет в первом параграфе главы I) рассмотреть интеррегнум как переходную ступень между царской и республиканской эпохами мы не относим к числу аналитических удач этих, безусловно, выдающихся антиковедов. Политический институт междоцарствия действовал и на протяжении этой переходной фазы, но действовал как экстраординарная структура. В течение первого шестидесятилетнего отрезка становления Республики, по 449 г. до н. э. включительно, как свидетельствуют античные авторы, к междоцарствию прибегали пять раз, и каждый раз интеррексы были чрезвычайными магистратами. Серьезных оснований переносить годичный интеррегнум после смерти Ромула на период после изгнания последнего Тарквиния в аргументации уважаемых авторов мы не находим. Поэтому в предлагаемой монографии рассматриваем *interregnum* только и исключительно как чрезвычайный политический институт на протяжении всей длительной истории его существования.

Выводя *interregnum* как структуру экстраординарной власти из царского периода и прослеживая его применение на протяжении всей республиканской

²³ Токмаков В. Н. Некоторые аспекты... С. 40.

эпохи, мы должны уточнить, какое хронологическое содержание мы вкладываем в понятия «ранняя Республика», «классическая Республика», «поздняя Республика». Нашим взглядам соответствует периодизация, традиционно принимаемая в отечественной историографии и нередко встречающаяся в трудах зарубежных исследователей. Наиболее четко она сформулирована Карлом Христом²⁴ Первый период – от конца VI в. до н. э. до 287 г. до н. э., – эпоха ранней Республики и сословной борьбы. Второй этап – классической Республики – ограничивается рамками 287 г. до н. э. – 133 г. до н. э. Третий этап – время, по определению К. Христа, «римской революции» – от 133 г. до н. э. до 30 г. до н. э. Соглашаясь с таким хронологическим делением республиканского времени, мы отметим, что период ранней Республики должен ограничиваться завершением сословной борьбы потому, что именно оно привело к оформлению гражданского коллектива классической римской *civitas*. Следовательно, это рубежная веха социально-политической истории, открывшая новый ее этап. К тому же, как отмечают исследователи-юристы, в частности В. А. Савельев, в III в. до н. э. начинается особый, самостоятельный период развития римского права²⁵

Таким образом, отрезок по начальное десятилетие III в. до н. э. мы относим к Республике ранней. При этом, как уже отмечалось, мы согласны с теми исследователями, которые выделяют первые шестьдесят лет ранней Республики в особый этап формирования римской государственности²⁶ Время с последней трети II в. до н. э. до принципата мы называем Республикой поздней. На классическую Республику, следовательно, приходится полтора столетия между ними.

Конечно, говоря о республиканском Риме, историки вынуждены оперировать большими хронологическими отрезками; материал не позволяет нам детально проследивать эволюцию государственных структур во времени и отмечать все рубежные точки. При реконструкции же системы для нескольких столетий, одного века или даже его половины неизбежно возрастает роль моделирования на основе обобщающих категорий, что, в свою очередь, стимулирует использование правовых подходов к описанию политических реалий. Разумеется, главные наши помощники в осмыслении римских форм общественной жизни сами римляне; мы пользуемся понятиями, выработанными их политико-юридической мыслью. При этом мы должны учитывать, что для римлян вопросы жизненных форм их коллектива были, как отметил Раймар Мюллер, «еще меньшей чисто теоретической проблемой, чем для греков эллинистического времени»²⁷ Это были вопросы «непосредственной практиче-

²⁴ Christ K. Die Römer. Eine Einführung in ihre Geschichte und Zivilisation. 2. Auf. München, 1984. S. 11.

²⁵ Савельев В. А. Римское частное право. М. 1995. С. 46.

²⁶ Ferenczy E. From the Patrician State to the Patrician-Plebeian State. Budapest, 1976. P. 15.

²⁷ Müller R. Polis und Res publica. Studien zum antiken Gesellschafts- und Geschichtsdenken. Weimar, 1987. S. 2.

ской морали, полемики с неписаными законами *mos maiorum* или сословной этики». С одной стороны, данное обстоятельство позволяет исторически более рельефно воссоздавать элементы государственной практики римлян, но, с другой стороны, привносит некоторые затруднения в определении адекватности применения тех или иных категорий к весьма значительным промежуткам времени и выявлению изменений их содержания.

Вслед за римлянами историки привыкли определять характер организации их социальных связей на уровне всей общины как *res publica*, переводя этот термин словом «государство», но одновременно уточняя его смысловые оттенки. Действительно, *res publica* – публичное дело, своеобразная антитеза *res privata*, делам частным, семейным²⁸ *Res publica* – не только государство, но вся совокупность общих интересов, отношений, состояний, прав²⁹, это совместное существование, конституция и политика³⁰ Цицерон определял *res publica* как *res populi* (*Resp. I. 25. 39*), понимая под *populus* множество людей, связанных согласием в вопросах права и общностью интересов. Августин Блаженный не принимал такое определение по причине несправедливости *res publica*³¹ Для историков же куда важнее понять, кого включал в себя римский *populus*, и изменялся ли его состав с течением времени. Эта проблема подвергнута подробному анализу в работах И. Л. Маяк³², делающей вывод, что «плебеи первоначально, включая раннюю Республику, не входили в *populus*»³³; Цицерон же, отражая представления своего времени, использовал «слово *populus* для обозначения народа в целом, без выделения патрициев и плебеев»³⁴ Отмечая эволюцию смыслового содержания *populus*, И. Л. Маяк видит лежавший в ее основе «длительный процесс борьбы плебса за экономическое и политическое равноправие с патрициями, т. е. за фактическое и полное включение в *populus Romanus*, что можно датировать начальными десятилетиями III в. до н. э.»³⁵ Исследователи, не разделяющие трактовку состава раннереспубликанского *populus* как чисто патрицианского, указывают обычно на этимологическое родство этого понятия с греческим *πολεμος*, усматривая основную смысловую нагрузку термина в значении «военный народ», «вооруженный народ», а, следовательно, понимая под ним всех гражд-

²⁸ De Francisci P. *Civiltà Romana*. Roma, 1939. P. 47.

²⁹ Drexler H. *Politische Grundbegriffe der Römer*. Darmstadt, 1988. S. 1-30.

³⁰ Barcelo P. *Altertum*. B. 1. Weinheim, 1994. S. 197.

³¹ Siniscalco P. *Res publica e populus nel De civitate Dei* (XI. 21 e XIX. 21 ss.) di Agostino D'Ippona // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. № 1. М., 1996. С. 178-181.

³² Маяк И. Л. *Populus, cives, plebs* начала Республики // *Вестник древней истории* (в дальнейшем – ВДИ). 1989. № 1. С. 75-77. Она же. *Римляне ранней Республики*. М., 1993.

³³ Маяк И. Л. *Римляне ранней Республики*... С. 83.

³⁴ Там же. С. 65.

³⁵ Маяк И. Л. О переводе термина *tribunus plebis* // *Власть, человек, общество в античном мире*. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 69.

дан, патрицианского и плебейского происхождения³⁶ При этом иногда подчеркивается, что популос и патриции, будучи соответственно военной организацией и социальным коллективом, совпадали до эпохи Сервия Туллия, а со времени его центуриатной реформы понятие *populus* стало постепенно распространяться и на плебеев³⁷

Больше единодушия у антиковедов в определении понятия *cives*, которое воспринимается как граждане римской общины в целом, включая оба архаических сословия. Соответственно, нет сомнений и в том, что гражданская община римлян – *civitas* – вариант античной полисной организации, при всей неоднозначности употребления данного термина в латинских текстах и сложностях дефиниции полиса как феномена греко-римской цивилизации³⁸ Количество квиритов возрастало, хотя из-за кровопролитных войн изменение их численности не всегда шло по восходящей. По данным Ливия, граждан при Сервии Туллии насчитывалось 80 тыс. (Liv. I. 44.2), в 219 г. до н. э. – 270 тыс. (Liv. Per. 20), в 208 г. до н. э. – 137 тыс. (Liv. XXVII. 36. 7), в 204 г. до н. э. 214 тыс. (Liv. XXIX. 37. 6), в 69 г. до н. э. – 450 тыс. (Liv. Per. 98). *Cives*, объединенные в три вида комиций, выступали как законодатели римской общины и избирательные коллегии, то есть были важной политической силой. Но на протяжении всей республиканской эпохи значение самостоятельной политической силы сохраняли влиятельные и знатные граждане, так называемые «отцы», *patres*, роль которых была особенно велика в первые два ее века. Это сохранение существенных государственных функций *patres* наглядно видно именно при изучении интеррегнума, поэтому мы уделим в нашей работе пристальное внимание как проблеме содержания понятия *patres*, так и проявлениям определяющего влияния данной группы в конкретных обстоятельствах междоусобицы.

Независимо от того, как характеризовать *patres* (все патриции, главы патрицианских семей, весь сенат или сенаторы-патриции), любой дефиниции не будет противоречить утверждение, что они своим авторитетом определяли политическую позицию и решения такого важного государственного органа римской *civitas* как сенат. *Auctoritas patrum*, авторитет «отцов», неизбежно покоился на традициях обычая предков, *mos maiorum*, и воздействие его на практике означало меньше, чем принуждение, но больше, чем принятие об-

³⁶ Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. Berlin, 1995. S. 395.

³⁷ Токова В. Н. Методика изучения эволюции понятия «популос» в раннем Риме (VI-V вв. до н. э.) // Методология и методика изучения античного мира. Докл. конф. М., 1994. С. 48-53.

³⁸ Маяк И. Л. Взаимодействие властей в раннем Риме: источниковедческие заметки к трактату Цицерона *De re publica* // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 28-33; Она же. К вопросу о понимании термина *civitas* в современной науке // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Тезисы юбилейной конф. Ярославль, 1995. С. 173-174; Проблемы методологии изучения античного мира (Доклад Бюро Российской Ассоциации антиковедов) // Методология и методика изучения античного мира. Докл. конф. М., 1994. С. 1-21.

ществом мнения *patres* в силу их популярности³⁹ Это был весьма гибкий способ политического решения вопросов, имевший, впрочем, в том числе и правовое оформление в виде сенатских постановлений. В сенате, благодаря тому, что там преемственно находились бывшие магистраты, полководцы, умудренные жизнью и познавшие груз ответственности в критические моменты государственные мужи, «кумуляровались опыт, способности, знания», являвшиеся предпосылкой для того, что сенат должен был стать «центральный орган политического, военного, стратегического планирования, принятия решений и управления»⁴⁰

Сенат оказывал огромное влияние на деятельность римских магистратур, особенно чрезвычайных. Представляя в Риме исполнительную власть, должностные лица не были в нем лишь исполнительным органом народного собрания, как это было в Афинах; они всегда являлись носителями делегированного суверенитета, государственного верховенства, переданного им на определенный срок от лица *cives* и *patres*. Причем, роль *patres* как суверенного обладателя государственной компетенции была наиболее ощутима в V-IV вв. до н. э., но не сошла на нет и в период классической Республики, когда на первый план в этом отношении выдвинулся *populus Romanus*. До конца Республики *patres* оставались той инстанцией, которая обеспечивала непрерывность, законность и преемственность государственного порядка, в том числе и путем санкционирования своим авторитетом деятельности магистратов.

Олицетворяя и персонифицируя принцип самоуправления римской гражданской общины (и, в конечном счете, *res publica* в целом), магистрат являлся как политическим руководителем, наделенным специфическими правами, так и харизматическим вождем коллектива. Он был, по выражению Александра Демандта, «больше, чем гражданин»⁴¹, поскольку *magister*, по его мнению, происходит от *magis* – «больше», тогда как, например, *minister* – от *minus* («меньше»), т. е. «меньше, чем правитель». Не вдаваясь в проблемы этимологии термина (по поводу происхождения которого существуют различные мнения), согласимся с данным автором, что в Римской республике была создана в виде магистратуры и *cursus honorum* весьма совершенная по сравнению с другими античными примерами система осуществления властных полномочий и наделения ими⁴²

Краеугольным понятием, отражавшим функции высших магистратов в области верховного управления, был *imperium*, распространявшийся на гражданскую сферу (*domi*) и военную (*militiae*). На протяжении предлагаемого ис-

³⁹ Demandt A. Op. cit. S. 400.

Hölkeskamp K.-J. Senat und Volkstribunat im frühen 3. Jh. // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart. 1990. S. 450.

⁴¹ Demandt A. Op. cit. S. 400.

⁴² Ibid. S. 402.

исследования мы многократно будем анализировать эту категорию, ибо нам необходимо определить, характеризуются ли через нее полномочия интеррекса; сейчас же обратим внимание только на тенденцию изживания в современной историографии некоторых стереотипов, связанных с трактовкой империя, и приведем хотя бы один, иллюстрирующий этот процесс, пример. Так, начиная с историко-правовых исследований XIX в., в научной литературе долго существовало представление, что своеобразной территориальной границей сферы *domi* был *romerium*. Однако в начале 80-х гг XX в. Адальберто Джованнини сделал вывод, что *romerium* нигде в источниках не упоминается в качестве разделительной линии для объема полномочий магистрата, а термин *domi* связан не с собственно городской территорией, а с мирным положением государства и представлениями о родине⁴³. Хотя в ряде обобщающих монографий, изданных после опубликования названных положений А. Джованнини, по-прежнему разделение сфер *domi* и *militiae* понимается как внутреннее и внешнее по отношению к померию⁴⁴, его выводы находят поддержку в трудах, посвященных формам государственной организации раннего Рима⁴⁵. Еще важнее в принципиальном плане новые взгляды на соотношение магистратского империя и компетенции *patres*, на правовые основы функционирования империя и др., но о них речь будет идти в основной части нашего исследования.

В последнее десятилетие в романистике явно усилился также интерес к изучению внешних атрибутов и символов власти должностных лиц. Поскольку с инсигниями были неразрывно связаны, в первую очередь, представления об империи, то при определении характера полномочий должностного лица (в нашем случае – интеррекса) привлечение подобного материала необходимо, и новые историографические наблюдения, безусловно, помогают нам использовать его более эффективно. Например, начиная с Т. Моммзена, было принято считать, что появление *sella curulis* в Риме связано с конституированием Республики: с ликвидацией царской власти отказались от царского трона (*solium*). Однако Томас Шефер, детально исследовав этот вопрос, убедительно показывает, что источники относят введение *sella curulis* к царскому времени, сообщая о заимствовании этого почетного кресла у этрусков всегда в связи с *toga praetexta* и *fascēs*, т. е. другими первоначально царскими инсиг-

⁴³ Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel, 1983. S. 1-30. (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. Heft. 16).

⁴⁴ Nippel W. *Aufbruch und „Polizei“ in der römischen Republik*. Stuttgart, 1988. S. 11; Nippel W. *Public order in Ancient Rome*. Cambridge, 1995. P. 4; Demandt A. *Op. cit.* S. 394.

⁴⁵ Linke B. *Op. cit.* S. 144.

ниями. Смена *solium* на *sella* произошла, по его аргументированному мнению, еще в царский период⁴⁶

Вильфред Ниппель подробно охарактеризовал вспомогательный персонал магистратов⁴⁷, из которого для нас особый интерес представляют *lictors*. Ликторы несли *fascēs*, т. е. пучки прутьев (*virgae*) с топором (*securis*). В. Ниппель обращает внимание на то, что функции ликторов были так недвусмысленно связаны с ношением этих инсигний, что *fascēs* и *lictors* употреблялись как синонимы. Магистрат не показывался публично без ликторов; ликторы, со своей стороны, могли выполнять служебные обязанности только в присутствии магистрата. Ликторы не использовались для поручений и сопровождения арестованных в тюрьму, эти задачи осуществляли *viatores*. В. Ниппель также делает вывод, что ликторы не предназначались для выполнения функций личной охраны магистрата (как это часто трактуется в литературе). Они выступали последовательно друг за другом перед должностным лицом «гусиным шагом»; между последним ликтором и магистратом мог идти только несовершеннолетний сын магистрата. Таким образом, основная идея В. Ниппеля по поводу ликторов и фасок сводится к тому, что они служили именно символом «возвышения магистратуры с ее институционализированным, независимым от персоны носителя должности правом на послушание со стороны граждан»⁴⁸. Признавая доводы данного автора в пользу того, что ликторы предоставлялись магистрату не как его личная охрана (которую он, кстати, мог иметь как частным образом привлекаемый вспомогательный персонал, например, из своих клиентов) убедительными, отметим все же, что, на наш взгляд, практическая функция принуждения граждан, выполнявшаяся ликторами, им недооценивается. Ликторы и фаски, безусловно, символы власти магистрата, олицетворение его права наказывать и казнить граждан, но в том, что с их помощью он мог это право реализовать, сомнений античные авторы у нас не оставляют.

Римляне всячески стремились подчеркнуть руководящую роль магистрата, а также сохранить и оптимизировать систему магистратур, заботясь о функциональной способности исполнительной власти. Но, вместе с тем, они не переставали опасаться чрезмерного усиления роли магистрата, особенно чрезвычайного, которое могло привести к узурпации им власти и возвращению единоличного правления. Для того, чтобы этого не произошло, постоянно осуществлялся своеобразный контроль над деятельностью должностных лиц со стороны сената. Вопрос об усилении или ослаблении власти сената в

⁴⁶ Schäfer Th. *Imperii insignia. Sella curulis und fascēs. Zur Repräsentation römischer Magistrate.* Mainz, 1989. S. 26-27; Рецензию на эту книгу см.: Gabelmann H. Thomas Schäfer. *Imperii insignia.* Mainz, 1989. –457 s. // *Gnomon.* 1993. В. 65. S. 239-247.

⁴⁷ Nippel W. *Aufuhr und «Polizei»*... S. 19-26.

⁴⁸ *Ibid.* S. 26.

тот или иной период (в том числе и в соотношении с политическим весом магистратов) представляет отдельную проблему, которую разные авторы по-разному решают. Так, в работах 90-х гг. XX в. некоторые исследователи датируют «увеличение власти сената как института планирования и принятия решений и его авторитета в качестве центрального органа новой элиты» второй половиной IV в. до н. э.⁴⁹ Другие же историки видят начало этого процесса только в середине III в. до н. э.⁵⁰ Мы предоставим решать этот вопрос авторам специально посвященных ему работ, полагая, однако, что систематизация материала о междущарствиях может пролить на него дополнительный свет. Сейчас же только отметим наше согласие с Карлом-Йоахимом Хельке-скампом, что увеличение роли сената создавало «структурное напряжение» между ним и высшей ординарной магистратурой, но оно «оставалось, как правило, латентным и редко переходило порог открытого конфликта»⁵¹. Добавим со своей стороны, что одним из способов снятия этого напряжения для сената была возможность прибегнуть к экстраординарной магистратуре (ввести диктатуру или интеррегнум).

Попытки исследователей проанализировать соотношение в государственной практике римлян реальной роли трех основополагающих структур их политической организации – комиций, сената и магистратур – привели к дискуссии о возможности применения понятия «демократия» к их республиканскому устройству. Дискуссию начал в 1984 г. Фергюс Миллар⁵², который, отталкиваясь от изображения римской конституции у Полибия и, в частности, характеристики им народных собраний, попытался подчеркнуть демократические черты их политической системы. Собственно, он не классифицировал эту систему как демократию, но делал вывод, что она значительно ближе стояла к демократическим Афинам, чем это обычно принято считать. Полагая, что при характеристике классического периода Римской республики не стоит уклоняться от параллелей с V в. в истории афинского полиса, Ф. Миллар развивал «концепцию демократического элемента» в римской системе и находил, что за римлянами следует признать подобающее им место в истории формирования демократических ценностей.

Публикация статьи Ф. Миллара вызвала оживленные отклики, среди которых преобладало стремление уточнить трактовку и применение понятия «демократия». Так, Джон Норт говорил о необходимости «классифицировать демократию по видам», подчеркивая, что следует отличать радикальную демократию V в. до н. э. по афинской модели от эллинистического смысла это-

⁴⁹ Hölkeskamp K.-J. Senat und Volkstribunat... S. 451.

⁵⁰ Hackl U. Krieg und Politik im republikanischen Rom // Klassisches Altertum. Spätantike und frühes Christentum. Würzburg, 1993. S. 102.

⁵¹ Hölkeskamp K.-J. Senat und Volkstribunat... S. 451.

⁵² Millar F. The Political Character of the classical Roman Republic 200-151 B. C. // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74. P. 1-19.

го слова при использовании его Полибием, которое «означало не многим больше, чем не тирания»⁵³

Разумеется, историки античности задумывались над употреблением по отношению к римскому государству таких обобщающих понятий как «демократия», «олигархия», «аристократия» задолго до работы Ф. Миллара⁵⁴. Стремилась подвести под использование этих категорий серьезную теоретическую базу крупные антиковеды, в том числе Мозес Финли, Антонио Гуарино, Джузеппе Бранка⁵⁵. Если М. Финли подчеркивал, что Рим никогда не был демократией, хотя в его олигархической системе присутствовали народные институты, то А. Гуарино, наоборот, находил признаки народного правления в римском конституционном устройстве и его предрасположенность к демократическому. При этом он считал, что демократия не есть уникальный феномен, проявившийся в афинском образце, ее воплощение было многообразно, идеального же типа демократии не существует. Д. Бранка, предварительно сформулировав критерии демократии (участие всего гражданского коллектива в управлении государством; возможность для всех достигать высших государственных должностей и др.), отмечал, что, на первый взгляд, Рим среднереспубликанского времени может показаться демократией. Но, если присмотреться к тому, как функционировали структуры государственной власти, насколько эффективным и реальным было участие всего народа в управлении государством, то, делал вывод Д. Бранка, окажется, что это была лишь формальная демократия, за внешней юридической стороной которой не стояло фактического ее осуществления.

Вернемся непосредственно к публикациям, последовавшим после дискуссионной статьи Ф. Миллара. Более склонными к поиску демократических черт в римской политической системе оказались итальянские историки⁵⁶, делавшие однако при этом достаточно осторожные выводы. Франческо Казавола, например, отмечал для IV-III вв. до н. э. сильные импульсы демократичности, считая олигархию и демократию пересекающимися тенденциями развития римской государственности, а Маттео Мароне усматривал в Риме контролируемую демократию⁵⁷. Немецкая историография была еще сдержаннее в оценках степени демократичности функционирования римских органов государственной власти, свидетельством чему служит изданный Мартином Йе-

⁵³ North J. A. Democratic Politics in Republican Rome // *Past and Present. A Journal of historical studies*. Oxford, 1990. № 126. P. 3-21.

⁵⁴ См., например: Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. С. 41; Ehrenberg V. *Polis und Imperium*. Zürich und Stuttgart, 1965. S. 624.

Подробные библиографические сведения об этих работах и анализ взглядов их авторов см. в опубликованной на русском языке статье Л. Лабруны: Лабруна Л. Некоторые размышления о современной юридической историографии в связи с так называемой «римской демократией» // ВДИ. 1995. С. 131-139.

См. например: *Roma tra oligarchia e democrazia*. Napoli, 1989.

См. Лабруна Л. Указ. соч. С. 131-133.

не сборник статей, специально написанных в русле обсуждения сформулированных Ф. Милларом положений⁵⁸ В частности, Эгон Флаиг, рассматривая голосование в комициях предложений магистратов, делал вывод, что о независимости воли народа в этом акте говорить не приходится: ни один из серьезных законопроектов не был отклонен; в общей же сложности только 8 предложений должностных лиц не были приняты (сведения о четырех из которых, по его мнению, не надежны)⁵⁹ Карл-Йоахим Хелькескамп, в свою очередь, изучая характер римской избирательной системы, подчеркивал значение патронажных связей, отмечал выбор именно персон, а не программ, систему «подарков» кандидата избирателям, что, в совокупности, снижает значение комиций как выразителя подлинно народного мнения при выборах магистратов⁶⁰

В целом, анализ характера политической системы Римской республики, сделанный историками в публикациях как в рамках проведенной дискуссии, так вне и задолго до нее, свидетельствует о признании решающим фактором управления римской общиной деятельность не всего гражданского коллектива, а его элиты. Вместе с тем, *civitas*, являясь разновидностью полисной организации, конституировалась в качестве государственного образования на основе принятия принципов, регулирующих общественную жизнь, всем гражданским коллективом. Каждая полисная община вырабатывает собственные способы поддержания стабильности своего существования, политические механизмы выполнения организаторских функций государства и методы согласования интересов различных социальных групп. Иначе говоря, в каждом полисе политико-правовой уклад есть результат коллективного принятия его массой граждан. В этом смысле, на наш взгляд, фундаментом при строительстве полисного государства всегда является решение народа (согласие его на определенные правила политической жизни), но само это устройство может быть не демократическим. Гражданский коллектив общины вполне может самым демократическим путем договориться о таких принципах государственного управления, которые наиболее адекватно следует назвать олигархическими. При этом процесс формирования «общественного договора» не есть единовременный акт, а, чаще всего, весьма длительный процесс. Как нам кажется, полис, будучи коллективом граждан, всегда поддерживает в своей идеологии представления о верховенстве народа, о его праве принимать основополагающие решения, и в этом состоит демократическая посылка его государственной организации. Следствием этого является постоянное сохране-

⁵⁸ *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik.* (Hg. M. Jehne). Stuttgart. 1995.

⁵⁹ Flaig E. *Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // Demokratie in Rom?...* S. 77-127.

⁶⁰ Hölkeskamp K.-J. *Oratoris maxima scaena: Reden vor dem Volk in der politischen Kultur der Republik // Demokratie in Rom?...* S. 11-49.

ние, если не реально-политического, то хотя бы формально-юридического значения народных собраний. И в этом, по нашему мнению, заключается то, что И. Л. Маяк называет существованием в Риме «значительных элементов прямой, а не представительной демократии»⁶¹. Но это не исключает того обстоятельства, что принятые гражданским коллективом правила политической игры позволяют иметь определяющее влияние в государственной практике не народному собранию, а сравнительно узкой группе знатных семей. Судя по всему, это и имело место в Риме.

Не трудно разглядеть в описании конкретных событий римской истории античными авторами ту огромную роль, которую играла римская аристократия в принятии важнейших государственных решений и в ежедневной общественной жизни. В первые два века Республики это были представители около двадцати пяти патрицианских семей⁶², имевших по этрусскому образцу gentilное имя и ведших по греческому примеру свое происхождение от божественных предков⁶³; после завершения сословной борьбы (которое мы можем рассматривать как окончание процесса выработки гражданским коллективом государственных устоев) количество семей правящей элиты примерно удвоилось за счет принятия в нее плебейской верхушки. Именно принадлежавшие к этому узкому кругу политики задавали тон римской публичной жизни: они баллотировались на высшие должности, определяли сенатские решения, руководили народными собраниями. Как оценить на фоне их государственной активности позицию рядовых граждан? Мнения историков по этому поводу не совпадают. Одни авторы, как, например, Вернер Дальхайм, подчеркивают пассивность масс, а роль комиций видят в простом «обслуживании аристократии»⁶⁴. Кейт Хопкинс и Грехем Бартон, наоборот, считают, что народ не был только объектом манипуляций римской аристократии; составляя электорат, он выступал в роли арбитра для нее⁶⁵. Нам представляется, что и то, и другое имело место в разных ситуациях. Нет сомнений, что правящая элита манипулировала общественным мнением, но это не исключает того, что ее представители искали поддержки у народа в борьбе политических группировок и заручались этой поддержкой не только благодаря неблагоприятным действиям (подкуп и пр.) но и потому, что им удавалось убедить его в общественной пользе своих намерений. Конечно, *res publica* была для аристократов ареной персональной и клановой конкуренции, но мы считаем

⁶¹ Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней республики) // *Античность и средневековые Европы*. Вып. 3. Пермь, 1996. С. 124.

⁶² Demandt A. *Op. cit.* S. 390.

⁶³ Werner R. *Der Beginn...* S. 228.

⁶⁴ Dalheim W. *Die Antike. Griechenland und Rom von Anfängen bis zur Expansion des Islams*. 2. Aufl. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1994. S. 339, 347.

⁶⁵ Hopkins K., Burton G. *Political succession in the Late Republic (249-50 B. C.)* // Hopkins K. *Death and Renewal*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1983. P. 31-119.

очень глубоким замечание Натана Розенштейна, что следует акцентировать внимание и на оборотной стороне этого явления: Республика непосредственно зависела от сохранения и развития этой конкуренции⁶⁶ В Риме не было профессиональной бюрократии, оплачиваемых должностей; большая политика делалась руками «заинтересованных аристократических добровольцев». Борьба отдельных личностей, даже если велась она за славу и почет, была необходимым условием функционирования римской республиканской системы. В этой конкуренции соблюдались традиции политического соревнования и определенные моральные нормы, которые не позволяли развиваться в ее ходе разрушительным для государства тенденциям. Йохен Бляйкен даже считает, что в период поздней Республики этика нобилитета обеспечивала гегемонию Рима в течение более столетия⁶⁷ Не рискуя ошибиться, можно с уверенностью сказать, что и в период ранней Республики аристократическая этика обуславливала (вероятно, даже в большей степени) допустимые приемы политической конкуренции и помогала поддержанию государственных механизмов в работоспособном состоянии.

Как мы видим, исторический анализ римского междуцарствия находится в тесной связи с исследованием самых различных вопросов республиканского периода. Это и не удивительно: интеррегнум был неотъемлемым элементом государственного устройства *civitas* и теперь является составной частью проблемы изучения ее политической организации. Однако при всем постоянном и глубоком интересе к этой крупной проблеме в мировой историографии, следует сказать, что внимание историков непосредственно к теме римского междуцарствия нельзя назвать особенно пристальным. Оно проявлялось, прежде всего, в обобщающих трудах историко-правовой тематики, перечень авторов которых представлен блестящими именами. Открывает этот ряд исследователь, с чьим вкладом связано формирование подлинно научной романистики, – Бартольд Нибур, интерес к творческому наследию которого не только не уменьшается с течением времени, но, наоборот, возрастает⁶⁸ Будучи общественным деятелем и считая необходимым для историка наличие интеллекта государственного человека, Б. Нибур много внимания в своей «Римской истории» уделил политической сфере⁶⁹ И, хотя междуцарствие он рассматривал, главным образом, как институт царской эпохи, Б. Нибур заложил первый кирпичик в создание исследовательского фундамента для целостной реконструкции этой структуры.

⁶⁶ Rosenstein N. *Imperatores victi. Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1990. P. 2-3.

⁶⁷ Bleicken J. *Gedanken zum Untergang der Römischen Republik*. Stuttgart, 1995. S. 10.

⁶⁸ Heuß A. *Nähers zu Niebur* // Heuß A. *Gesammelte Schriften in 3 Bänden*. B. 3. Stuttgart, 1995. S. 1625-1657; Возникновение германского антиковедения. XVIII – первая половина XIX. в. Казань, 1991. С. 41-64.

⁶⁹ Niebuhr B. *Römische Geschichte*. B. 1. Berlin, 1833.

В первой половине XIX в. интерес к римскому междоусобию проявили также такие авторы общих трудов как Й. Рубино и В. Беккер⁷⁰. Оба они, вслед за Б. Нибуром, анализировали, в первую очередь, роль интеррекса в царский период. Но, если марбургский профессор Й. Рубино обращал внимание на полномочия, ауспиции и инсигнии междоусобицы, то Вильгельм Беккер – на его происхождение и порядок избрания.

Вторая половина XIX в. в историографии римской истории может быть, без преувеличения, названа «эпохой Теодора Моммзена», ибо трудно переоценить его исследовательский вклад. Вполне естественно, что на протяжении всего XX в. антиковеды постоянно обращаются к его концепциям, идеям и наблюдениям⁷¹. При этом ему, разумеется, брошено немало критических, отчасти справедливых, отчасти излишне суровых, замечаний. Т. Моммзен упрекали в том, что его представление о римской конституции проистекало из конституционализма XIX в.⁷², что он оперировал вневременными и внеисторическими категориями⁷³, что его интерпретация понятия римского закона в основных посылах вытекала менее из источников, чем из его времени и его идей⁷⁴. Для нас же Т. Моммзен великолепный пример органичного сочетания исторического и правового подходов к изучению римских политических институтов, поскольку он, как никто, «был юристом в той же мере, как историком, или историком в равной мере, как и юристом»⁷⁵. Эдуард Мейер в некрологе Т. Моммзена написал, что «каждое предложение «Римской истории» несет на себе печать индивидуальности ее создателя»⁷⁶; проверка временем показала, что это была гениальная индивидуальность. Разбросанные по разным его трудам⁷⁷, характеристики римского интеррегнума, дают нам обильную пищу для размышлений. Далеко не со всеми его положениями, как частными, так и принципиальными, мы можем согласиться, что нашло отражение на страницах предлагаемой монографии. Тем не менее, историко-юридический анализ, проведенный Т. Моммзеном, для нас образец соединения тщательной проработки конкретного фактического материала и теоретических обобщений на уровне научной гипотезы.

⁷⁰ Rubino J. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel, 1839; Becker W. A. Handbuch der Römischen Alterthümer. B. 1. Leipzig, 1844.

⁷¹ Heuß A. Theodor Mommsen als Geschichtsschreiber // Heuß A. Gesammelte Schriften in 3 Bänden. B. 3. Stuttgart, 1995. S. 1744-1802.

⁷² Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senats Herrschaft // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. I. 2. Berlin-New-York, 1972. S. 16.

⁷³ Bleicken J. Lex Publica. Gesetz und Recht in der Römischen Republik. Berlin – New-York, 1975. S. 516.

⁷⁴ Behrends O. Der römische Gesetzesbegriff und das Prinzip der Gewaltenteilung // Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzesbegriff. Göttingen, 1987. S. 67.

⁷⁵ Neumann K. J. Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte. Strassburg, 1910. S. 17.

⁷⁶ Meyer Ed. Nekrologe Theodor Mommsen // Meyer Ed. Kleine Schriften. Halle, 1910. S. 547.

Mommsen Th. Römische Forschungen. B. 1-2. Berlin, 1864-1879; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. B. 1. Leipzig, 1871; B. 2. Leipzig, 1874; Mommsen Th. Abriss der römischen Staatsrecht. Leipzig, 1893; Моммзен Т. Римская история. Т. 1. М., 1877.

Труды Т. Моммзена, при всем блеске таланта их автора, не могут полностью затмить результаты исследований его современников. Плеяда выдающихся немецких антиковедов этого времени, написавших общие работы, посвященные римскому государственному устройству, и касавшихся вопросов междоусобия, представлена также именами Людвига Ланге, Вильгельма Ине, Эрнста Херцога, Отто Карловы и Адольфа Ниссена⁷⁸. К их мнению по различным аспектам междоусобия мы неоднократно будем обращаться в главах основной части нашей работы, также как к точкам зрения тогда же опубликовавших свои обзоры римских государственных структур П. Виллемса и И. В. Нетушила⁷⁹.

Традиция написания обобщающих трудов по римской истории и римскому праву была продолжена и в XX в. Ряд их авторов не обошли в той или иной степени вниманием и римский интеррегнум. Среди них назовем коллектив «Кембриджской древней истории»⁸⁰, Винченцо Аранжио-Рюица⁸¹, Генриха Зиберга⁸², Герхарда Дулькайта⁸³, Йозефа Фогта⁸⁴, Вольфганга Кункеля⁸⁵, Ульриха фон Любтова⁸⁶, Франческо Де Мартино⁸⁷, Фрэнка Эббота⁸⁸, Антонио Гуарино⁸⁹, Эрнста Корнеманна⁹⁰, Макса Казера⁹¹, Альфреда Хойса⁹², Йохена Бляйкена⁹³. Однако более пристально междоусобие рассматривалось в специальных работах по отдельным крупным проблемам изучения римской политической системы. К их числу следует отнести труды по царской и республиканской эпохам, написанные исследователями, представляющими ведущие национальные школы антиковедения. Кроме работ уже названных авторов⁹⁴,

⁷⁸ Lange L. *Römische Alterthümer*. B. 1. Berlin, 1876; Ihne W. *Römische Geschichte*. B. 4. Leipzig, 1876; Herzog E. *Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung*. B. 1. Leipzig, 1884; Karlowa O. *Römische Rechtsgeschichte*. B. 1. Leipzig, 1885; Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht*. Strassburg, 1885.

⁷⁹ Виллемс П. *Римские государственные и правовые древности*. Киев, 1890; Нетушил И. В. *Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима*. Вып. 1. Харьков, 1894.

⁸⁰ *The Cambridge Ancient History*. Vol. VII. Cambridge, 1928.

⁸¹ Arangio-Ruiz V. *Storia del diritto romano*. Napoli, 1940.

⁸² Siber H. *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Lahr, 1952; Siber H. *Römisches Recht in Grundzügen für die Vorlesung*. B. 1-2. Darmstadt, 1968.

⁸³ Dulckeit G. *Römische Rechtsgeschichte*. München und Berlin, 1952.

⁸⁴ Vogt J. *Römische Geschichte*. 4. Aufl. Basel-Freiburg-Wien, 1959.

⁸⁵ Kunkel W. *Römische Rechtsgeschichte*. Köln, 1956.

⁸⁶ von Lübtow U. *Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht*. Frankfurt am Main, 1955.

⁸⁷ De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli, 1958.

⁸⁸ Abbot F. F. *A history and description of Roman political institutions*. 3. Ed. New-York, 1963.

⁸⁹ Guarino A. *Storia del Diritto Romano*. Quinta Edizione. Napoli, 1975.

⁹⁰ Kornemann E. *Römische Geschichte*, B. 1. Stuttgart, 1970.

⁹¹ Kaser M. *Römische Rechtsgeschichte*. 2. Aufl. Göttingen, 1978.

⁹² Heuß A. *Römische Geschichte*. Braunschweig, 1977.

⁹³ Bleicken J. *Staatliche Ordnung und Freiheit in der Römischen Republik*. Kallmünz, 1972; Bleicken J. *Staat und Recht in der Römischen Republik*. Wiesbaden, 1978; Bleicken J. *Geschichte der Römischen Republik*. 4. Aufl. München, 1992; Bleicken J. *Die Verfassung der Römischen Republik*. 6. Aufl. Paderborn-München-Wien-Zürich, 1993.

⁹⁴ См., например: Arangio-Ruiz V. *Instituzione di diritto romano*. Napoli, 1946; Kunkel W. *Magistratische Gewalt*... S. 3-22; Heuß A. *Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt*. Göttingen, 1983.

к этой группе принадлежат монографии Ховарда Скалларда⁹⁵, Филиппо Кассолы⁹⁶, Р. М. Огилви⁹⁷, Роберта Палмера⁹⁸, Пьера-Шарля Рануиля⁹⁹, Эндре Ференчи¹⁰⁰, Ии Леонидовны Маяк¹⁰¹, Карла-Йоахима Хелькескампа¹⁰², Рольфа Рилингера¹⁰³, Ричарда Митчела¹⁰⁴, Бернхарда Линке¹⁰⁵. Наряду с монографическими исследованиями нужно отметить и статьи, посвященные вопросам социально-политических отношений в Римской республике и затрагивающие, так или иначе, сюжеты междоусобия. Они принадлежат как перечисленным выше авторам, так и Арнальдо Момильяно¹⁰⁶, Стюарту Стэвели¹⁰⁷, Эйнару Гьерстаду¹⁰⁸, Адальберто Джованнини¹⁰⁹, и другим. Нельзя не упомянуть и о справочном издании Т. Р. Броутона, в котором выстроен хронологический ряд (хотя и не полный) междоусобий республиканского времени и приведены имена интеррекс¹¹⁰.

Обратимся теперь к работам, в которых римский интеррегнум был непосредственным объектом изучения. Таковых в мировой историографии удалось обнаружить десяток, и исследовались в них, главным образом, отдельные вопросы функционирования междоусобия. Начальный момент интеррегнума, а именно возвращение ауспий к *patres*, был проанализирован в

(*Nachrichten der Akademie der Wissenschaft in Göttingen. I. Philologisch-Historische Klasse*, 1983. S. 376-454.); Bleicken J. *Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium-potestas-imperium*. Göttingen, 1981.

⁹⁵ Scullard H. H. *Roman politics. 220-150 B. C.* Oxford, 1951; Scullard H. H. *A history of the Roman World from 753 to 146 B. C.* London, New-York, 1964.

⁹⁶ Cassola F. *I gruppi politici Romani. Nel III secolo a. C.* Trieste, 1962.

⁹⁷ Ogilvie R. M. *Commentary on Livy*. Oxford, 1965; Ogilvie R. M. *Early Rome and Etruscans*. Oxford, 1976.

⁹⁸ Palmer R. E. A. *The Archaic Community of the Romans*. Cambridge, 1970.

⁹⁹ Ranouil P. *Ch. Recherche sur le patriciat (509-366)*. Paris, 1975.

¹⁰⁰ Ferenczy E. *From the Patrician State...*

¹⁰¹ Маяк И. Л. *Рим первых царей*. М., 1983.

¹⁰² Hölkeskamp K.-J. *Die Entstehung der Nobilität*. Stuttgart, 1987.

¹⁰³ Rilinger R. *Der Einfluß des Wahlleiters bei den römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr.* München, 1976. (*Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte*. B. 24.)

¹⁰⁴ Mitchell R. E. *Patricians and Plebeians. The origin of the Roman State*. Ithaca and London, 1990.

¹⁰⁵ Linke B. *Op. cit.*

¹⁰⁶ Momigliano A. *Osservazioni sulla distinzione fra patrizie e plebei // Entretiens sur l' antiquite classique*. 1967. Vol. 13. P. 197-222.

¹⁰⁷ Staveley E. Stuart. *The Significance of the consular tribunate // The Journal of Roman Studies*. 1953. B. 43. P. 30-36; Staveley E. S. *The Constitution of the Roman Republic // Historia*. 1956. B. 5. P. 74-122; Staveley E. S. *The Nature and Aims of the Patriciate // Historia*. 1983. B. 32. P. 24-57.

¹⁰⁸ Gjerstad E. *The Origins of the Roman Republic // Entretiens sur l' antiquite classique*. 1967. Vol. 13. P. 1-30; Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. B. 1. 1. Berlin- New-York, 1972. S. 136-188.

¹⁰⁹ Giovannini A. *Consulare imperium...* Giovannini A. *Les origines des magistratures romanes // Museum Helveticum*. Basel, 1984. Vol. 41. Fasc. 1. P. 15-30; Giovannini A. *Auctoritas patrum // Museum Helveticum*. Basel, 1985. Vol. 42. Fasc. 1. P. 28-36; Giovannini A. *Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S. 406-436.

¹¹⁰ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. *The magistrates of the Roman Republic 509 B. C. - 31 B. C.* Vol. 1-2. 1951-1952; Vol. 1-3. Scholars Press reprint. 1986.

статьях Андре Магделена¹¹¹ и Иржи Линдерски¹¹² Две статьи, Е. Фризера¹¹³ и Ханса Юлиуса Вольфа¹¹⁴, посвящены интеррегнуму и *auctoritas patrum* как патрицианским привилегиям. Влияние междоусобия на административный год стремился проследить в своей журнальной публикации Георг Фридрих Унгер¹¹⁵ Предметом исследования статьи Стюарта Стэвели стало проведение выборов в течение интеррегнума¹¹⁶ Ханс Фолькман сравнивал римское междоусобие с персидской аномией¹¹⁷ Только в трех работах была предпринята попытка дать всестороннюю характеристику интеррегнуму как особой структуре в системе римской государственной власти. Первой из них (и, в целом, первой специальной работой по проблеме римского междоусобия) стала статья Эрнста Херцога¹¹⁸, в которой были даны некоторые источниковедческие наблюдения и намечены отдельные сюжеты дальнейшего изучения темы. Накопленный к началу XX в. материал об интеррегнуме был сведен и на хорошем уровне обобщен в энциклопедическом очерке В. Либенама¹¹⁹ Наконец, самым крупным вкладом в комплексное исследование римского междоусобия стали главы монографии Йохима Яна¹²⁰ Талантливый ученик Й. Бляйкена, рано ушедший из жизни и не оставивший других сочинений по проблеме, Й. Ян смог, собирая по крупицам разрозненный материал источников и тонко его осмысливая, определить примерное количество интеррегнумов, о которых они прямо или косвенно сообщают. Его безусловной заслугой является конкретное изложение событий каждого из известных междоусобий, их датировка и, по возможности, реконструкция последовательности интеррекссов. Мы не будем повторять эту, сведенную им хронологически, информацию, определяя для себя несколько иные исследовательские задачи и отсылая читателя за этими фактами к специальной части его монографии. В целом же, подход Й. Яна к анализу института *interregnum* разностороннен, поэтому мы в нашей работе часто делаем ссылки на его выводы, стараясь максимально их привести, соглашаясь или не соглашаясь с ними

¹¹¹ Magdelain A. «Auspicia ad patres redeunt» // Magdelain A. *Ius imperium auctoritas. Etudes de droit Romain.* Roma, 1990. P. 341-383.

¹¹² Lindersky J. *The Auspices and struggle of the Orders* // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik.* Stuttgart, 1990. P. 34-48.

¹¹³ Friezer E. *Interregnum and patrum auctoritas* // *Mnemosyne.* 1959. Series IV. Vol. XII. P. 301-329.

¹¹⁴ Wolf H. J. *Interregnum und auctoritas patrum* // *Bulletino Dell' Istituto di diritto Romano.* Milano, 1961. Vol. LXIV. (Terza serie. Vol. III.) P. 1-14.

¹¹⁵ Unger G. F. *Interregnum und Amtsjahr* // *Philologus. Zeitschrift für das Klassische Alterthum.* Göttingen, 1884. B. IV. S. 281-333.

¹¹⁶ Staveley E. Stuart. *The Conduct of Elections during an Interregnum* // *Historia.* 1954/55. P. 193-207.

¹¹⁷ Volkman H. *Das Römische Interregnum und die persische Anomia* // *Reinische Museum für Philologie.* Frankfurt am Main, 1967. B. 110. S. 76-83.

¹¹⁸ Herzog E. *Das Institut des Interregnums in System der römischen Staatsverfassung* // *Philologus. Zeitschrift für das Klassische Alterthum.* Göttingen, 1876. B. 34. S. 498-515.

¹¹⁹ Liebenam W. *Interregnum* // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft.* B. IX. 2. Stuttgart, 1916. S. 1713-1720.

¹²⁰ Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur.* Kallmünz, 1970.

Таким образом, историографический обзор дает основание утверждать, что подавляющее большинство работ, в которых отведено место для характеристики римского междуцарствия, являются либо обобщающими трудами по истории Римской республики, права, конституции и политической системы, либо исследованиями по частным проблемам римского государственного устройства, в которых вопросы механизма функционирования интеррегнума далеко не являются центральными. Специальных трудов по теме римского междуцарствия за все время существования науки об античности и ее различных национальных школ написано явно немного. При этом политико-правовые аспекты интеррегнума в обобщающих трудах подаются, естественно, предельно кратко, а в специальных работах остаются на периферии внимания исследователей. К тому же, чаще всего анализируется междуцарствие эпохи первых царей, а о республиканском упоминается вскользь. Работы, конкретно описывающие институт *interregnum*, носят, в основном, статейный характер; только монография Й. Яна наполовину посвящена ему. Однако после выхода в свет этой интересной книги прошло уже около тридцати лет, за которые в мировой историографии накопились многочисленные наблюдения о способах осуществления власти в республиканском Риме, о процессах, имевших место в его государственной системе, о традициях и правовых нормах, определявших его политическую практику. Появилось также немало работ, отличающихся определенной новизной теоретических представлений о специфике римской *civitas* как варианте полисной организации, об эволюции римского социума на протяжении царской и республиканской эпох, о существенных чертах римской политической системы и др., которые корректируют представления историков, и должны, так или иначе, учитываться и при изучении конкретных властных структур. Все это позволяет нам считать задачу написания монографического исследования по проблеме римского республиканского междуцарствия, при приоритетном освещении политико-правовых и сакрально-правовых основ функционирования данного института, научно актуальной.

Возможности историка, занимающегося античностью, тем более политико-правовыми проблемами ранней Римской республики (подавляющее большинство случаев применения междуцарствия приходится на V-III вв. до н. э.), весьма серьезно детерминированы источниковой базой. Как верно заметил Альфред Хойс, историк конституции, обращаясь к Риму, находится в нелегком положении, ибо многое из того, что составляет «эликсир жизни» его темы не имеет явных свидетельств и тем более их юридической фиксации¹²¹ Исследователи не устают горько сокрушаться по поводу невосполнимой утраты в огне галльского пожара как официальных, так и частных доку-

¹²¹ Heuß A. Eugen Täubler Postumus // Heuß A. Gesammelte Schriften... B. 3. S. 1918.

ментов и материалов¹²², и вынуждены по крупицам собирать сведения, часто весьма косвенные, позволяющие сделать вместо уверенных выводов всего лишь предположения. Нам приходится разделить эту участь.

Эпиграфический материал, при всей его «вопиющей бедности»¹²³, дает нам золотые песчинки информации, ценные не только сами по себе, но и как индикатор для проверки античной историко-литературной традиции. Составленных собственно во времена ранней Республики надписей с указанием на междуцарствия до нас не дошло. Для периода поздней Республики прямо фиксирует интеррегnum эпиграфический памятник I в. до н. э., опубликованный в 1928 г. известным французским историком и нумизматом Э. Бабелом: «Octavius sp(ectavit) id(ibus) Iun(is) Q. Met(ello) int(er)ge»¹²⁴. Эта тессера дает два исключительно важных свидетельства, – об интеррексе как магистрате-эпониме, и об интеррексе-плебее. Другие надписи, непосредственно упоминающие интеррегnum, – элогии, то есть перечни заслуг, преимущественно должностей, умерших предков. В нашем распоряжении элогии Аппия Клавдия Цека¹²⁵, Квинта Фаbia Максима¹²⁶, Луция Эмилия Павла¹²⁷, Марка Валерия Мессаллы¹²⁸. Составленные много позже и к тому же с целью прославления своего рода, элогии далеко не безукоризненный источник. Указанное в них количество назначения интеррексом того или иного лица может вызывать сомнения, и, во всяком случае, требует выяснения датировки этих интеррегnumов. Однако элогии дают основание с уверенностью говорить о том, что должность интеррекса была почетной, входила в число высших достижений карьеры государственного деятеля. Более того, порядок перечисления должностей в них наводит нас на мысль о том, что для IV-III до н. э. данная должность была более политически значима, чем в I в. до н. э.

Привлекаемые для изучения темы римского междуцарствия эпиграфические памятники не ограничиваются теми, в которых содержатся непосредственные указания на интеррегnumы. Необходимо, например, при определении возможности интеррегnumа в том или ином случае, обращаться к консульским фастам¹²⁹. Представляющие собой списки высших римских магистратов, сведенные на основе летописи понтификов и анналистической tradi-

¹²² Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt, 1994.

¹²³ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 5.

¹²⁴ Цит. по Jahn J. Op. cit. S. 14. Публикация Э. Бабелона осуществлена в издании: Arethuse. 1928. Vol. 5.

¹²⁵ Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL). Vol. 1. Berolini, 1863. Elogia. P. 192; Degrassi A. Inscriptiones Italiae. Vol. XIII. Roma, 1937. Fasc. III. Elogia. 13. 3. 79.

¹²⁶ CIL. Vol. 1. P. 193; Degrassi A. Inscr. It. 13. 3. 80.

¹²⁷ CIL. Vol. 1. P. 194; Degrassi A. Inscr. It. 13. 3. 81.

¹²⁸ CIL. Vol. 1. P. 201; Degrassi A. Inscr. It. 13. 3. 77.

¹²⁹ CIL. Vol. 1. P. 16-29.

ции¹³⁰, датировка которых составляет отдельную проблему¹³¹, фасты не содержат имен интерреков, в отличие от других чрезвычайных должностных лиц, — диктаторов и начальников конницы. Однако капитолийские фасты в ряде случаев дают нам возможность понять, две или одна консульских пары приходились на тот или иной год, а, следовательно, мог ли иметь место интеррегнум. Данные эпиграфики, казалось бы не имеющие прямого отношения к междуцарствиям, позволяют также составить «послужной список» отдельных интерреков или прояснить политическую ситуацию, предшествовавшую интеррегнуму, а также вытекавшую из него. Но основной фактический материал для построения исторической модели римского междуцарствия мы черпаем в сочинениях античных авторов.

По объему сообщаемого материала для изучения интересующей нас темы никто из античных писателей не может соперничать с Титом Ливием. Названный историками XIX в. «римским Ксенофонтом»¹³² из-за беспристрастности изображения истории, Ливий констатирует факты междуцарствий, пытается определить причины перехода к ним, отмечает их продолжительность, называет действовавших лиц. Конечно, Ливий не воссоздает «юридический каркас» интеррегнума, не дает четких характеристик полномочий интеррекса, он стремится следовать событийной канве. При этом, говоря о первых веках Республики, Тит Ливий вполне может нарисовать политические отношения такими, какими он знал их по последним республиканским годам; подвелили Ливия иногда и его первоисточники. Вопросы, связанные с источниковедческим изучением «*Ab urbe condita*», породили немало литературы, лейтмотивом которой были попытки вычленить ядро древней традиции от более поздних дополнений и интерпретаций¹³³. В основном, признается использование Ливием сочинений как старших, так и младших анналистов, но выводы о степени опоры на тех и других далеко не всегда у исследователей совпадают. Так, Герман Тренкле считал, что в первой декаде своего труда Ливий преимущественно зависел от анналистов сулланского и цезарианского времени, то есть от того поколения историков, которые особенно бесцеремонно перекладывали традицию, но, отталкиваясь от их изображения, он принимал трактовку древних анналистов при описании героического прошлого¹³⁴. Йозеф Георг Вольф видит двух главных информаторов Ливия: представителя сред

¹³⁰ См.: Федорова Е. В. Ранняя латинская письменность VIII-II вв. до н. э. М., 1991. С. 17; Маяк И. Л. Религия ранней Республики... С. 6; Пирогов В. Исследования по римской истории. преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 155.

¹³¹ См., например: Stiehl R. Die Datierung der Kapitulinischen Fasten. Tübingen, 1957.

¹³² Bermann U. Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin, 1833. S. 262.

¹³³ von Fritz K. The Reorganisation of the Roman Government in 366 B. C. and the so-called Licinio-Sext Laws // *Historia*. 1950. № 1. P. 4.

¹³⁴ Tränkle H. Der Anfang des Römischen Freistaats in der Darstellung des Livius // *Hermes*. 1965. B. 93. S. 337.

ней анналистики Кальпурния Пизона и поздней – Лициния Мацера¹³⁵ Так или иначе, признавая недостоверность в передаче Ливием отдельных событий, неадекватность некоторых его оценок, следует, тем не менее, отметить, что о большей части известных нам римских междуцарствий мы знаем только из его труда. Наиболее «темные» для нас хронологические отрезки в отношении применения интеррегнума, – это именно те, которые были описаны Ливием в утраченных частях его «Истории». Лишь в одном случае цитирование несохранившегося фрагмента 41-й книги Ливия грамматиком VI в. Присцианом (Priscian. *Institutiones grammaticae*. XVII. 29, 150) позволяет сделать вывод о наличии междуцарствия в 175 г. до н. э.

Об отдельных фактах междуцарствия свидетельствует Цицерон. Например, в трактате «Брут, или о знаменитых ораторах» (*Brut.* XIV 55) он сообщает об исполнении должности интеррекса Аппием Клавдием Цеком, а в трактатах «О природе богов» (*Nat. deor.* II. 4. 10) и «О дивинации» (*Div.* II. 35. 74) – об интеррегнуме 162 г. до н. э. В письмах и речах Цицерон комментирует события современных ему междуцарствий 53 и 52 гг. до н. э. Но истинная значимость сочинений Цицерона для нашей темы состоит, в первую очередь, в его замечаниях о римском государственно-правовом механизме. В этом плане для нас особенно важны диалоги «О государстве» и «О законах», речи «О своем доме», «Вторая речь о земельном законе», «В защиту Тита Анния Милона», а также письма Цицерона, особенно к Бруту (*Ep. ad Brut.* I. 5. 4) и к Гаю Требацию Тесте (*Ep. ad fam.* VII. 11.1), в которых содержатся исключительно ценные сведения о компетенции междуцаря, обстоятельствах возникновения интеррегнума и сакральных нормах перехода к нему. Хотя вопрос о подлинности писем к Бруту не закрыт¹³⁶, они традиционно используются историками, и мы также привлекаем их информацию.

Удачно дополняет Цицерона его комментатор I в. н. э. Асконий Педиан, ученый-филолог¹³⁷, из сохранившихся пяти сочинений которого по поводу произведений оратора нас интересует его комментарий к речи в защиту Милона (*Asc. in Mil.* 29-38). Наличие исторических деталей функционирования института *interregnum*, понимание политических отношений Республики, оригинальность и недублированность материала (при неоспариваемой антиковедомы общей достоверности сведений Аскония) ставят его труд в ряд первостепенных источников для изучения римского междуцарствия.

Современник (и политический противник) Цицерона Гай Саллустий Крисп в своих исторических повествованиях дает нам информацию двоякого

¹³⁵ Wolf J. G. *Die literarische Überlieferung der Publikation der Fasten und Legisaktionen durch Cnaeus Flavius*. Göttingen, 1980. S. 20.

¹³⁶ См.: Доватур А. И. *Античные сборники писем Цицерона // Письма Марка Туллия Цицерона*. Т. 1. М. 1994. С. 411.

¹³⁷ Wissowa G. *Asconius // Pauli / Wissowa Real-Encyclopädie*. B. 2. Stuttgart, 1896. S. 1524-1527.

рода: фрагмент «Югуртинской войны» (Iug. 37–2) позволяет предполагать междуцарствие в 109 г. до н. э., а вложенная им в уста Луция Марция Филиппа речь (Hist. II. 22) свидетельствует о военных полномочиях интеррекса.

Римский писатель II в. н. э., создатель «Аттических ночей» Авл Геллий донес до нас скрупулезно собранные им выписки и цитаты, хотя объем их по интересующему нас предмету не велик. «В бессистемном ворохе его сообщений»¹³⁸ мы можем обнаружить данные о сакральной компетенции магистратов и о принадлежности ауспий (N. A. XIII. 15. 4).

Из произведений поздней античности о республиканском междуцарствии (и даже об интеррегнуме эпохи первых царей) речь идет в известном сборнике под названием «Писатели истории Августов», а именно в биографии императора Тацита (SHA. Vita Taciti. I. 1–6), приписываемой Флавию Вописку Сиракузянину. Хотя качество приводимых здесь сведений об интеррегнуме сомнительно, и они расходятся с показаниями других источников, тем не менее, их можно использовать при выяснении характера искажений. Так, например, идущие вразрез с сообщениями других античных авторов утверждения о двух-трех дневном сроке полномочий интеррекса можно интерпретировать как неверно истолкованную информацию первоисточников о том, что от начала междуцарствия до назначения первого интеррекса проходило 2–3 дня. В условиях дефицита источников по проблеме, все крупницы информации, в том числе и добытые на основе исторической критики, построенной на догадках, не лишние.

Греческие авторы также вносят свой вклад в нашу источниковую копилку. Наиболее существенен он у Дионисия Галикарнасского. По количеству приводимых о римских междуцарствиях фактов его «Римскую археологию» нужно поставить второй после труда Ливия. Однако он был явно менее Ливия осведомлен о деталях ранней римской государственности и хуже понимал ее специфику. К тому же, как подчеркивает Эмилио Габба в монографии «Дионисий и история архаического Рима»¹³⁹, сочинение Дионисия было ближе к моделям, принятым в поздней анналистике, чем текст Ливия. Исходя из принципа античной историографии описывать то, «что достойно исторического интереса» (на это обращает особое внимание Чарльз Форнара¹⁴⁰), Дионисий рассказывает об интеррегнумах царского и республиканского периодов и даже называет интеррегнум при основании Республики, о котором не упоминают ни Ливий, ни другие древние авторы. Вместе с тем, в трактовках осуществления междуцарствия Дионисий иногда совершает явные ошибки

¹³⁸ Маяк И. Л. Римские боги в сочинении Авла Геллия // ВДИ. 1998. № 1. С. 263.

¹³⁹ Gabba E. Dionysius and the History of Archaic Rome. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 1991. P. 95.

¹⁴⁰ Fornara Ch. W. The Nature of History in Ancient Greece and Rome. Berkeley, Los Angeles, London, 1983. P. 97.

или демонстрирует путаность своих представлений о механизмах римской власти.

Остальные сообщения греческих авторов об интеррегнуме, по выражению Т. Моммзена, «малочисленны и малообстоятельны»¹⁴¹, что, впрочем, не свидетельствует об их малоценности. Замечания Диона Кассия, относящиеся к междуцарствию поздней Республики, проливают дополнительный свет на условия и порядок назначения интеррекса и проведение им консульских выборов (Dio. Cass. XXXIX. 32. 2; XL. 49. 5; XLVI. 45. 3). Упоминания о римском междуцарствии в двух книгах «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (Diod. Sic. XXXIX. 27. 3; 31. 1; XL. 45. 3) помогают уточнить греческую терминологию для описания интеррегнума. Биографии Ромула, Марцелла, Помпея, написанные Плутархом, позволяют детализировать ситуации как самого первого междуцарствия, так и интеррегнумов III и I вв. до н. э. Фрагмент «Гражданских войн» Аппиана (App. B. C. I. 98) дает возможность представить в конкретных очертаниях интеррегнум 82 г. до н. э. и глубже понять компетенцию интеррекса.

Прочие источники, привлекавшиеся при написании данного исследования (сочинения латинских авторов: Варрона, Овидия, Евтропия; византийского писателя Иоанна Зонары и др.) использовались не для характеристики собственно междуцарствия, а в контексте рассмотрения сопредельных вопросов.

Состояние источниковой базы все же позволяет нам (может быть, конечно, не в той степени приближения, как хотелось бы) дать характеристику римского междуцарствия как политического института. При этом предметом нашего исследования является именно республиканский интеррегнум, хотя необходимы и обращения к сведениям источников о более ранних междуцарствиях. Мы предпринимаем попытку рассмотреть интеррегнум как составную часть государственной системы Римской республики, во всех его политических взаимосвязях и совокупности правовых основ функционирования. Приоритетные задачи своей работы мы, таким образом, формулируем как изучение политико-правового механизма междуцарствия. Естественно, что мы не оставим в стороне вопросы происхождения интеррегнума, времени его возникновения, причин перехода к нему от ординарного правления. Анализируя характер полномочий интеррекса и осуществление им главной целевой задачи, – проведения консульских выборов, мы неизбежно будем затрагивать вопросы сословной борьбы, конкуренции политических группировок, обратимся к конкретным фигурам римской истории. Иначе говоря, мы постараемся рассмотреть интеррегнум, при всем внимании к государственно-правовой его стороне, не в отвлеченной схеме, а в исторических реалиях Римской республики.

¹⁴¹ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 224.

Г л а в а I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНСТИТУТА INTERREGNUM.

ПЕРЕХОД К МЕЖДУЦАРСТВИЯМ В РЕСПУБЛИКАНСКУЮ ЭПОХУ

1.1 Концепции происхождения римского интеррегнума

Институт *interregnum*, бесспорно, относился к числу тех политических механизмов, которые были необходимы для осуществления регулирующей функции римской общины, поддержания ее стабильного существования. Чрезвычайная должность, сохранявшаяся с архаических времен до середины I в. до н. э., то есть чуть ли не всю республиканскую эпоху, имела название монархическое – *interrex* («междуцарь»). Греческие авторы передавали обозначение этой должности и ее носителя терминами *μεσοβασιλεια* (Diod. Sic. XXXIX. 31 1), *μεσοβασιλειος αρχη* (Dionys. II. 57 1, III. 1 1, III. 36. 1), *μεσοβασιλευς* (Dionys. IV. 8. 2; Diod. Sic. XXXIX. 27 3; XL. 45. 3; Plut. Marc. 6; Plut. Pomp. 54), *μεταξυ βασιλευς* (App. B. C. I. 98), *αντιβασιλευς* (Dionys. IX. 69. 1). Алпиан использовал также и транслитерацию: *ιντερρηξ* (App. B. C. I. 98). Принадлежа, по характеристике Эрнста Херцога, к «основополагающим отношениям, на которых покоилось введение Республики»¹⁴², эта политическая структура была вызвана к жизни, согласно практически единодушному мнению исследователей, потребностями обеспечения непрерывности и преемственности верховного государственного управления. Значение института, отмечал Йохен Бляйкен, состоит «в восстановлении... разрушенного ряда носителей высшей власти»¹⁴³. Некоторые историки подчеркивали, наряду с политическими потребностями, роль религиозных мотивов в возникновении этого чрезвычайного средства для обеспечения континуитета руководства общиной. Так, Е. Фризер обращал внимание на то, что не только взгляды римлян на управление общиной, но и их религиозные представления, исходили из недопустимости перерыва в высшем авторитете власти, поскольку в этом они видели свою ответственность перед *рах деонум*¹⁴⁴. Этот второй момент (значение религиозных целей введения чрезвычайной должности *интеррекса*) был абсолютизирован в работе Е. Кагарова¹⁴⁵. Введение междуцар-

¹⁴² Herzog E. *Das Institut...* S. 508.

¹⁴³ Bleicken J. *Zum Begriff...* S. 261.

¹⁴⁴ Friezer E. *Op. cit.* P. 301.

¹⁴⁵ Кагаров Е. О царской власти в древнем Риме. Воронеж, 1910. С. 38.

ствия, по его трактовке, имело исключительно цели обеспечения непрерывности богослужения во избежании гнева духов-покровителей общины. На наш взгляд, политические и религиозные мотивы учреждения интеррегнума отрывать друг от друга и абсолютизировать один из них не следует, так как в мировосприятии римлян они существовали в неразрывном единстве.

Если основополагающие причины введения института междуцарствия в римскую государственную систему для исследователей в принципиальном плане и самом общем виде понятны (речь в данном случае не идет о конкретных предпосылках и обстоятельствах, по которым прибегали к его практическому применению), то время возникновения его является дискуссионной проблемой.

Античная традиция (а мы располагаем только нарративными источниками для изучения проблемы возникновения междуцарствия) единодушна в отнесении первого интеррегнума ко времени после смерти Ромула (Liv. I. 17. 5-6; Dionys. II. 57; Cic. Resp. II. 23; Plut. Num. II. 7; SHA. Vita Taciti. I. 1). Однако два важнейших для изучения темы древних авторов – Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский – по-разному перечисляют последующие интеррегнумы царского периода. Ливий отмечает еще междуцарствия после смерти Нумы Помпилия (I. 22. 1) и Туллы Гостилия (I. 32. 1), а Дионисий фиксирует четыре их случая: после Нумы (III. 1. 1), Туллы Гостилия (III. 36. 1), Анка Марция (III. 46. 1) и Тарквиния Суперба (IV 75. 1; IV 76. 1; IV 84. 5).

Источниковедческие наблюдения историков прошлого и нынешнего столетий позволили им оценить сведения античной традиции следующим образом. Теодор Моммзен призывал различать ретроспективную информацию об интеррегнуме после смерти царей и сообщения о действительно имевших место междуцарствиях более позднего времени¹⁴⁶. Эрнст Херцог определял подробное описание первого интеррегнума как очевидную реконструкцию, проведенную на основе последующей эпохи¹⁴⁷, подчеркивая, что далеко не все черты этого института царских времен могут быть описаны через республиканские его формы. Э. Херцог усомнился также в полноте данных Тита Ливия, сопоставив содержащуюся в его труде информацию об интеррегнумах Аппия Клавдия Цека, Фабия Максима и Эмилия Павла с элогиями этих государственных деятелей. Так, например, в элогии Аппия Клавдия Цека¹⁴⁸ указаны три его интеррегнума. Один из них упомянут у Ливия (X. 11. 10), второй – у Цицерона (Brut. XIV 55), о третьем других упоминаний нет¹⁴⁹. Стоит однако заметить, что по надежности данных элогии отнюдь не превосходят сочинения античных авторов, а часто уступают им в силу известной тенденции

¹⁴⁶ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 218.

¹⁴⁷ Herzog E. Das Institut... S. 498.

¹⁴⁸ CIL Vol. I. P. 192; Degraffi A. Inscr. It. 13. 3. 79. P. 59.

¹⁴⁹ Herzog E. Das Institut... S. 500.

изобразить заслуги умершего предка в максимально выгодном (не исключено, что и в преувеличенном) свете.

Октавиус Классон, анализируя источники, исходил из того, что древний интеррегнум при избрании царя изображался античными писателями поздней Республики также, как в их время осуществлялось избрание консула или диктатора¹⁵⁰. Так, данный автор отмечал, что сообщение об избрании Нумы не оригинально, принадлежит не к описываемым временам, а к позднереспубликанским и не является ключом для понимания первоначальных государственных структур. Близкой была почти столетие спустя и точка зрения Е. Фризера¹⁵¹, который полагал, что рассказ об учреждении первого интеррегнума был сфабрикован антикварами. Вместе с тем, из этого утверждения Е. Фризера не следовало, что все факты, сообщаемые античной литературой об интеррегнуме, являются фикцией. Антиквары знали интеррегнум как из собственного опыта, так и из устной и письменной традиции. Во всяком случае, их стремление восстановить ход событий после смерти Ромула, по мнению Е. Фризера, не выглядит как умышленная попытка модернизации архаического времени. Данный подход следует признать вполне приемлемым и согласиться с тем, что сведения об интеррегнуме царской эпохи являются более поздней реконструкцией, но она не произвольна, а потому в определенной степени отражает исторические реалии. В целом же, гиперкритическое отношение к сведениям античной традиции о возникновении института междуцарствия в основном преодолено, но общее состояние источниковой базы раннего времени таково, что Альфред Хойс вполне точно назвал его «не богатым на выводы об интеррегнуме»¹⁵².

Немудрено, что это положение с источниками имело следствием складывание различных точек зрения о времени возникновения интеррегнума как политического инструмента государственной жизни римлян. Первое направление – относящее появление интеррегнума к царской эпохе (в соответствии с передачей античной традиции) – представлено подавляющим большинством исследователей, когда-либо писавших о возникновении римского междуцарствия¹⁵³.

При этом, по вопросу о том, был ли интеррегнум в царский период неизменным условием перехода власти к другому лицу после смерти предше-

¹⁵⁰ Classon O. Kritische Erörterungen über den Römischen Staat. B. 1. Rostok, 1871. S. 62, 66.

¹⁵¹ Frieser E. Op. cit. P. 304.

¹⁵² Heuß A. Gedanken... S. 39 (419).

¹⁵³ Rubino J. Op. cit. S. 84; Becker W. A. Handbuch der Römischen Alterthümer. B. 2. Leipzig, 1846. S. 296; Lange L. Römische Alterthümer... S. 295; Herzog E. Das Institut... S. 498; Вегнер В. Рим. История и культура римского народа. СПб., 1902. С. 141; Пассек Е. В. Пособие к лекциям по истории римского права. Юрьев, 1906; Боголепов Н. Учебник истории римского права. М., 1907; Кагаров Е. Указ. соч. С. 30; Liebenam W. Interregnum... S. 1717; Санчурский Н. Римские древности. М. 1995. С. 44; Dulckeit G. Römische Rechtsgeschichte... S. 31; Staveland E. S. The Conduct of Elections during an Interregnum // Historia. 1954/55. P. 193-207; Abbot F. F. A history... P. 14; Jahn J. Op. cit. S. 12; Rilinger R. Der Einfluß... S. 15; Heuß A. Gedanken... S. 413-414; Giovannini A. Magistratur... S. 436; Radke G. Fasti Romani. Betrachtungen zur Frühgeschichte des römischen Kalenders. Aschendorf-Münster, 1990. S. 53. и др.

ственника, мнения антиковедов разделились. Т. Моммзен отвечал на него утвердительно¹⁵⁴ Поддерживал такой взгляд Э. Херцог, рассматривавший сведения античных авторов о том, что два последних царя пришли к власти без интеррегнума, как искусственное построение традиции¹⁵⁵ Противоположной точки зрения придерживался Генрих Зибер¹⁵⁶, делавший различия между латино-сабинскими крестьянскими царями, провозглашенными интеррексом, и этрусскими военными царями, приходившими к господству не через междуцарствие, а при помощи силы. Современный исследователь Катарина Мустакаллио полагает, что без интеррегнума и ауспиций пришел к власти Сервий Туллий¹⁵⁷ Определенную опору представления о приходе к власти двух последних царей без интеррегнума находят в сообщениях Дионисия, но следует учитывать, что в отношении механизма действия римских политических институтов Дионисий мог и ошибаться.

В историографии проблемы возникновения римского интеррегнума имеются также различные трактовки, связанные с вопросом о том, мог ли быть преемник царя определен еще в момент нахождения у власти предшественника (и в таком случае не требовалось междуцарствия), или же такая практика исключалась. Г. Зиберу принадлежит четко сформулированный тезис, что в период выборных царей преемник не мог быть определен при жизни предшественника¹⁵⁸ Диаметрально противоположную позицию высказал В. М. Хвостов, полагавший, что нормальным порядком было назначение царем себе преемника¹⁵⁹ В. М. Хвостов исходил из того, что «остатки» царской власти в лице диктатора и тех *sacerdotum* назначались соответственно консулом и верховным понтификом. Но это рассуждение спорно, поскольку никогда диктатор не назначался другим диктатором, а рассматривать консула его предшественником не вполне корректно. По мысли В. М. Хвостова, в случаях же, если назначение царем себе преемника почему-либо не состоялось, сенат организовывал для этой цели интеррегнум. Возражение В. М. Хвостову лежит на поверхности: нормальный, с его точки зрения, порядок преемственности царской власти не зафиксирован в источниках. Проведя их анализ, И. Л. Маяк пришла к выводу, что избрание нового царя делалось «всякий раз при помощи интеррегнума»¹⁶⁰ Как было показано в ее работе, мнение относительно избрания нового царя вырабатывал предварительно сенат и «затем с помощью интеррекса созывал комиции, где предложенная сенаторами кандидатура баллотировалась»¹⁶¹ В предшествовавшей историографии Фрэнк

¹⁵⁴ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... S. 648.

¹⁵⁵ Herzog E. *Das Institut*... S. 507-508.

¹⁵⁶ Ziber H. *Römisches Verfassungsrecht*... S. 30.

¹⁵⁷ Mustakallio K. *Death and Disgrace. Capital Penalties with Post Mortem Sanctions in Early Roman Historiography*. Helsinki, 1994. P. 75.

¹⁵⁸ Ziber H. *Römisches Verfassungsrecht*... S. 23.

¹⁵⁹ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 23.

¹⁶⁰ Маяк И. Л. *Рим первых царей*... С. 238.

¹⁶¹ Там же. С. 239.

Эббот также подчеркивал, что реальный выбор царя осуществлялся сенатом¹⁶² В целом, мнение В. М. Хвостова сторонников не нашло.

Таким образом, несмотря на различия (иногда существенные) в трактовке деталей интеррегнума царской эпохи, названные авторы при определении времени возникновения должности интеррекса безоговорочно относили ее появление к царскому периоду. Однако в мировой историографии данной проблемы существует и иное направление, представленное концепцией интеррегнума как переходной формы от царского периода к Республике. Эта теория развивалась, главным образом, Ульрихом фон Любтовым и Франческо Де Мартино¹⁶³

Согласно их концепции, порядок междуцарствия возникает после изгнания Тарквиния Суперба, в самом начале Республики, как промежуточная ступень, призванная осуществить переход от старого царского правления к новому (тоже царскому в основе, но в реформированном виде). В трактовке У фон Любтова, наступив первый раз после смерти последнего царя, интеррегнум просуществовал год в качестве «нормальной магистратуры». Соперничество знатных родов друг с другом, римская аристократическая этика не позволяли, чтобы один из патрициев правил долгое время, поэтому такой способ правления (пятидневный срок полномочий одного человека) в течение года устраивал сенаторов. Но затем сенат все-таки решил отказаться от регулярного междуцарствия как способа организации власти, так как очень краткий срок полномочий был неадекватен внешнеполитической ситуации. Поэтому большинство сенаторов пришло к решению, что войско нуждается в командующих, облеченных властью на достаточно длительное время. Таким образом, интеррегнум из постоянной магистратуры превратился в средство временного замещения высшей должности для провозглашения ее законного обладателя на положенный (весьма длительный) срок. По У фон Любтову, дальнейшая схема развития высшей магистратской власти Рима выглядит следующим образом. Последний интеррекс первого республиканского года на основании сенатского решения (сам он из собственных властных полномочий не мог изменять существовавшую форму правления) провозгласил первого *praetor maximus*. Затем годичный и единоличный *praetor maximus* уступает место годичной коллегии двух консулов с неодинаковыми полномочиями (после *lex Valeria Horatia*), которую затем (после *lex Licinia Sextia*) сменяет равнозначный консулат.

Гипотеза У фон Любтова и Ф. Де Мартино, как мы видим, не базируется на данных античной традиции (относящей институт междуцарствия ко времени первых царей), хотя, как считали эти исследователи, читается в ней

¹⁶² Abbot F F A History P 14.

¹⁶³ von Lübtow U. Die lex curiata de imperio // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1952. B. LXIX. S. 154-168; von Lübtow U. Das römische Volk... S. 179-191; De Martino F. Storia... P. 176, 215.

«если не непосредственно, так между строк»¹⁶⁴ По их мнению, перенесение представлений об интеррегнуме с периода после уничтожения царской династии на время после смерти Ромула следует связать с ошибками реконструкции римской истории анналистами. Авторы этой концепции находят следы перехода от интеррегнума к годичному правлению в тексте Дионисия (IV 76. 1), который сообщает, что интеррекс Спурий Лукреций после изгнания царей провозгласил первого консула. Однако этого свидетельства отнюдь не достаточно для построения изложенной схемы (междущарствие могло в этом случае иметь место в качестве чрезвычайной должности); к тому же Ливий называет Спурия Лукреция не интеррексом, а городским префектом (*praefectus urbis* – Liv. I. 60. 4) и отмечает, что он провел на собраниях по центуриям выборы двух консулов. Йоахим Ян, не соглашаясь с трактовкой изначального интеррегнума как переходной формы к Республике (при которой должность интеррекса вводилась в качестве постоянной магистратуры, занимаемой сменявшимися каждые пять дней патрициями) справедливо обращал внимание на то, что при таком толковании интеррегнума остается непонятным, как глава государства, который правил всего пять дней, руководил войском и мог защитить город в условиях, когда Рим повсеместно был окружен враждебными соседями¹⁶⁵

Действительно, концепция У фон Любтова и Ф. Де Мартино имеет очень уязвимые места, поэтому широкой поддержки других исследователей она не получила. Пожалуй, только Роберт Вернер, будучи гиперкритиком, также отрицал историчность интеррегнума царского периода¹⁶⁶, Е. Фризер соглашался, что первое междущарствие имело место в раннереспубликанский период¹⁶⁷, а Вольфганг Кункель осторожно написал, что «возможность такого толкования не может быть полностью оспорена»¹⁶⁸ Разделял взгляд на появление интеррегнума впервые после изгнания царей Р. Огилви, который при этом отмечал, что представление о первом междущарствии, как приходящемся на время после смерти Ромула, возникло уже в IV или в III вв. до н. э., а особенно укоренилось при Сулле¹⁶⁹ Эндре Ференчи признавал наличие интеррегнума после уничтожения «патриархальной царской власти», при переходе к Республике, но считал, что он был введен в качестве временной чрезвычайной должности, а не ординарной формы правления¹⁷⁰ По мнению данного исследователя, интеррекс (представитель сената) назначил первого республиканского магистрата таким же образом, как позднее консул провозгла-

¹⁶⁴ von Lübtow U. *Das römische Volk...* S. 182.

¹⁶⁵ Jahn J. *Op. cit.* S. 12.

¹⁶⁶ Werner R. *Der Beginn...* 1963. S. 256-257.

¹⁶⁷ Friese E. *Op. cit.* P. 305.

¹⁶⁸ Kunkel W. *Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte.* Weimar, 1974. S. 487.

¹⁶⁹ Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy...* P. 87.

¹⁷⁰ Ferenczy E. *Zur Verfassungsgeschichte der Frührepublik // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim.* B. 1. Berlin, 1969. S. 140-141.

шал диктатора. При этом, в трактовке Э. Ференчи, первым высшим республиканским магистратом был либо *magister populi*, либо *praetor maximus*, который управлял общиной в течение годичного срока. Саму же должность интеррекса годичной магистратурой начала Республики он не называл.

Итак, многими антиковедами признано, что интеррегнум как институт чрезвычайной власти появился в римском государственном устройстве еще при царях, во всяком случае, по образному выражению Й. Яна, уже тогда «был набросан в черновике»¹⁷¹. Сам термин для обозначения должности указывает на времена архаического единоличного правления, что, естественно, не осталось незамеченным исследователями. Так, например, еще Вильгельм Беккер отмечал, что «латинское название само собой объясняет, когда появилась должность»¹⁷². Й. Бляйкен неоднократно подчеркивал, что это «институт, который уже своим смыслом названия должен отсылать нас к царскому времени»¹⁷³. Перекликается с этим утверждением и тезис А. Хойса: «интеррегнум мог возникнуть только в царское время, для республиканских ушей его обозначение оставалось чуждым»¹⁷⁴. Глубокую древность института междоцарствия видит также Рольф Рилингер¹⁷⁵, «остатком» предшествующей Республике формы правления рассматривал его Эрнст Корнеманн (полагавший, что таковых было всего два – *rex sacroregum* и *interrex*)¹⁷⁶, а Адальберто Джованнини даже называет его «реликтом изначальной римской конституции»¹⁷⁷.

В самой тесной связи с проблемой времени происхождения интеррегнума стоит вопрос об объяснении пятидневного срока нахождения в должности интеррекса одного лица, ибо, от того, насколько архаичным было это правило и в чем искать его корни, зависит определение древности данного политического института.

О пятидневной продолжительности полномочий каждого интеррекса говорят Ливий (I. 17. 5), Дионисий (II. 57. 2) и Аппиан (B. C. I. 98). Выпадает из общего ряда информация Плутарха (Num. II. 7), где речь идет о двенадцати часах (по шесть часов ночью и днем), которые отводились интеррексам после смерти Ромула на государственные дела и общение с богами. В целом же, пятидневный срок должности интеррекса, твердо фиксируемый в источниках для республиканского времени, практически не вызывает сомнений исследователей в таковой его продолжительности на всем протяжении существования данной структуры. Что же касается объяснения этой пятидневной продолжительности полномочий (не просто их кратковременности, но опреде-

¹⁷¹ Jahn J. Op. cit. S. 12.

¹⁷² Becker W. A. Op. cit. S. 296.

¹⁷³ Bleicken J. Zum Begriff... S. 261; Bleicken J. Geschichte... S. 115.

¹⁷⁴ Heuß A. Gedanken... S. 413-414.

¹⁷⁵ Rilinger R. Der Einfluß... S. 14.

¹⁷⁶ Kornemann E. Römische Geschichte... S. 68-69.

¹⁷⁷ Giovannini A. Magistratur... S. 436.

ленного именно этой цифрой количества суток, а, скажем, не четырьмя и: шестью), то оно породило различные мнения исследователей, в условиях, когда древние авторы своих комментариев по этому поводу нам не оставили.

От Теодора Моммзена и Людвига Ланге идет представление, что число дней исполнения должности одним интеррексом было связано с правовой нормой принесения в пятидневный срок присяги избранным должностным лицом. То, что республиканские магистраты давали клятву в первые пять дней после своего вступления в должность, Л. Ланге считал обобщением ранней практики, берущей начало в VII в. до н. э.¹⁷⁸ Практика же эта заключалась, по его мнению, в том, что царь в первые пять дней после своего избрания вносил в комиции *lex curiata de imperio*. Т. Моммзен, указывая на историческое значение пятидневного срока интеррегнума¹⁷⁹, также принимал во внимание утверждение Тита Ливия (XXXI. 50. 7) при описании им событий 200 г. до н. э., связанных со вступлением в должность курульных эдилов. Согласно этому утверждению, вступить в должность нельзя никому, кто в течение пяти дней после избрания не принес присягу в верности законам. Поскольку в источниках нигде не указывается, когда была введена присяга, то, возражая Т. Моммзену, Е. Фризер считал ее не очень древним условием, полагая, что римляне не были теоретиками и устанавливали правила, когда в них возникала практическая потребность¹⁸⁰. Е. Фризер, таким образом, делал вывод, что интеррегнум древнее присяги. С этим в принципе можно согласиться, но возражение Е. Фризера Т. Моммзену о том, что в законах, известных нам, названы все магистраты, которые должны были давать присягу, включая диктатора, начальника конницы и даже плебейского трибуна, но не упомянут интеррекс¹⁸¹ (а потому отсутствует связь двух пятидневных сроков), – это возражение принять нельзя, оно не корректно, так как Т. Моммзен и не имел ввиду, судя по всему, принесение присяги самим интеррексом. Речь шла о присяге избранных (в том числе и под председательством интеррекса) магистратов.

Й. Ян также придерживался мнения, что срок полномочий интеррекса был установлен ранее, чем срок клятвы должностных лиц, и связывал его с ритуалами архаического времени¹⁸². Собственно, концепция, объясняющая срок нахождения у власти интеррекса древними обрядами, была впервые изложена Е. Т. Мерилом¹⁸³. Он исходил из особенностей римского доцезарианского календаря, в котором эмболосмический месяц (длившийся 22-23 дня) вставлялся не в конце тогдашнего года (28 февраля), а после праздников Тер-

¹⁷⁸ Lange L. *Römische Alterthümer*... S. 295.

¹⁷⁹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... B. I. S. 598, 657.

¹⁸⁰ Friezer E. *Op. cit.* P. 311.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 312.

¹⁸² Jahn J. *Op. cit.* S. 22-23.

¹⁸³ Merrill E. T. *The Roman Calendar and the Regifugium* // *Classical philology the univ. of Chicago press.* 1924. Vol. XIX. P. 20-39.

terminalia (23 февраля). При этом Е. Т. Мерил опирался на исследования Ф. Е. Хушке¹⁸⁴ и В. Золтау¹⁸⁵. Согласно Ф. Е. Хушке, день Терминалий был в очень древние времена самым последним днем римского года, поэтому именно после него вставлялся дополнительный месяц. Действительно, по свидетельству Варрона (L. L. VI. 13), название праздника происходит от его позиции в конце года, а по объяснению Овидия (Fasti. II. 49), праздник связывался с богом Термином и отмечался как окончание года. В. Золтау предложил свою трактовку, почему дополнительный месяц вставлялся после 23 февраля. Он исходил из того, что римляне стремились как можно меньше нарушать нумерацию дней по календам, нонам и идам. Если бы эмболисмический месяц помещали после 28 февраля, то такое нарушение имело бы место.

За дополнительным месяцем следовали остающиеся пять дней года¹⁸⁶. С 24 по 28 февраля проводился обряд *Regifugium* (бегства царя). Если Ф. Е. Хушке и В. Золтау полагали, что он возник как праздник, связанный с бегством Тарквиния, то Е. Т. Мерил сделал вывод о том, что появление обряда бегства царя следует отнести к более раннему периоду. Указания же источников на связь возникновения этого праздника с изгнанием Тарквиния является, по мнению Е. Т. Мерила, неверной реконструкцией, ибо античные писатели плохо были осведомлены об этом ритуале и даже смешивали *Regifugium* с *Poplifugia* (5 июля). Во время процедуры бегства царь терял свою магическую силу, через ауспиции определялся новый царь, который приступал к исполнению должности с началом нового года (1 марта). Следовательно, Е. Т. Мерил принимал годовичность царской власти и обряды ее обновления. В день *Regifugium* совершалось, по-видимому в комициях, жертвоприношение. В нем принимал участие царь (а в последствии *rex sacroregum*), помогали ему салии. После жертвоприношения царь убегал из комиций, как если бы он был изгнан. Полагая эту церемонию очень древней, так как память о ее составных частях утрачена (неизвестно, например, было ли принесение жертвы заключительным актом обряда или за ним следовало что-то еще, действительно ли убивалась жертва или форма жертвоприношения была иной), Е. Т. Мерил считал, что на нее затем наложилось изгнание Тарквиния.

В трактовке обряда *Regifugium* Е. Т. Мерил исходил из анализа, проделанного Джеймсом Джорджем Фрээрером в его «Золотой ветви», вышедшей в Лондоне первым изданием в 1890 г. Изучая ритуал бегства *rex sacroregum*, который ежегодно справляли в Риме 24 февраля, Д. Д. Фрээрер сделал вывод,

¹⁸⁴ Huschke Ph. E. Das Alte Römische Jahr und Seine Tage. Breslau. 1869.

¹⁸⁵ Soltau W. Römische Chronologie. Freiburg. 1889. S. 39.

¹⁸⁶ По вопросу о том, к какому месяцу эти дни причислялись, исследователи не имеют единства взглядов. Сам Е. Т. Мерил считал, что поначалу они формально не включались в февраль, и это продолжалось до тех пор, пока сохранялось значение Терминалий как последнего дня года (Merrill E. T. Op. cit. P. 38). В дальнейшем в историографии была сформулирована также точка зрения о том, что последние пять дней, оставшихся от февраля, причислялись к вставному месяцу, увеличивая его продолжительность до нормальной. (См.: Michels A. K. The Calendar of the Roman Republic. Princeton. New Jersey. 1967. P. 17-18.)

что царь священнодействий просто воспроизводил древний обычай, ежегодно соблюдавшийся его предшественниками-царями¹⁸⁷ По интерпретации знаменитого этнолога и религиоведа, ежегодное «бегство царя» было пережитком тех времен, когда царская власть вместе с рукой царевны давалась на год победившему в «беге за царство». В конце года царь вновь мог участвовать в беге за второй срок царствования, «пока кто-нибудь не наносил ему поражения, не низлагал или не убивал его»¹⁸⁸ Победивший в «беге за царство» и его невеста выступали в роли бога и богини на священном бракосочетании, призванном обеспечить магическим образом плодородие земли. Опираясь на предания о насильственной кончине римских царей, Д. Д. Фрэзер приходил к мысли, что «состязание, посредством которого они завоевывали трон, иногда являлось не столько соревнованием, сколько борьбой не на жизнь, а на смерть»¹⁸⁹ Эти наблюдения Д. Д. Фрэзера и легли в основу рассуждения Е. Т. Мерила об обряде *Regifugium*. Сформулированные затем в историографии представления о том, что *Regifugium* был либо проекцией космических событий на земное бытие древнего царя, либо его искупительной жертвой¹⁹⁰, не меняют сути наблюдений Е. Т. Мерила о соответствии срока полномочий интеррекса длительности этого древнего обряда.

Пятидневный обычай бегства царя связывал с пятидневным сроком интеррегнума вслед за Е. Т. Мерилом и Андре Магделен¹⁹¹, который вместе с тем подчеркивал, что интеррегнум не назван в источниках применительно к правлению этрусских царей. Соглашаясь с тем, что на пять дней, в течение которых продолжался *Regifugium*, царь уходил из общественной жизни по сакральным соображениям, А. Магделен отмечал при этом, что после кратковременного замещения его интеррексом, с началом нового года собственно царь возвращался к своим функциям. Он выделил две формы интеррегнума: сакральную, не связанную с правилом преемственности царской власти, и политическую, регламентировавшую эту преемственность, а затем унаследованную республиканской эпохой.

Поддержали объяснение соответствия срока властных функций интеррекса с периодом *Regifugium* также Эрнст Мейер¹⁹², Арнальдо Момильяно¹⁹³, Антонио Гуарино¹⁹⁴ и Йоахим Ян¹⁹⁵ Последний обратил еще внимание на связь в представлениях римлян царской власти с фазами луны. Именно эти представления были поводом к тому, что последние пять дней лунного года до начала следующего общественная активность замирала.

¹⁸⁷ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 155.

¹⁸⁸ Там же. С. 155.

¹⁸⁹ Там же. С. 156.

¹⁹⁰ Philipp G. B. Politische Wortstudien // *Gymnasium*. 1959. B. 66. S. 111.

¹⁹¹ Magdelain A. Cinq jours epagomenes a Rome? // *Revue des Etudes Latines*. 1962. Vol. 40. P. 201-227.

¹⁹² Meyer Er. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich und Stuttgart, 1961. S. 472.

¹⁹³ Momigliano A. *Osservazioni...* P. 209.

¹⁹⁴ Guarino A. *Op. cit.* P. 91.

¹⁹⁵ Jahn J. *Op. cit.* S. 24.

Согласился с исследователями, видевшими соответствие пятидневных отрезков интеррегнума с обрядом бегства царей, также Ханс Фолькман¹⁹⁶, предложивший оригинальное сопоставление ситуации римского междуцарствия с персидской аномией. После смерти персидского царя на пять дней наступало беззаконие (аномия), а персидский календарь также имел пять дополнительных дней между двумя годами. Если у персов была легальная анархия в течение пяти дней, то у римлян в течение их действовал интеррекс. Х. Фолькман отметил также большое значение цифры 5 у многих народов именно при счете времени (пять дней, пять лет, пять поколений). Он привел также многочисленные примеры использования этого числа в самых различных случаях общественной и частной жизни, в том числе и в государственной практике римлян (пятидневный люструм, пятидневный срок присяги должностных лиц и др.).

Хронологически последней на данный момент работой, в которой ведутся поиски связи срока полномочий римского междуцаря с обрядом *Regifugium*, является исследование Герхарда Радке¹⁹⁷. Автор данной книги отождествляет *Regifugium* с первым днем интеррегнума, найдя при этом противоречие между политическим актом отставки царя и культовым актом бегства царя после принесения жертв. Разделение политических и сакральных функций с появлением специального *rex sacroregis* устранило это противоречие.

Детальный и аргументированный анализ возникновения обряда бегства царей как очень древнего ритуала, проведенный названными исследователями, весьма убедителен. Однако, несмотря на это, в некоторых новейших обобщающих монографиях содержится понимание *Regifugium* как изгнания царей в 510 г. до н. э.¹⁹⁸ Хотя датой изгнания последнего Тарквиния традиция и называет 24 февраля, тем не менее, мы полагаем, что подвергать сомнению тезис Е. Т. Мерила о том, что в данном случае мы наблюдаем ни что иное, как последующее наложение политических событий на древний сакральный обряд, оснований нет. Тем более странно, как это делает А. Демандт, вообще игнорировать имеющиеся в историографии выводы о времени появления *Regifugium* (являющиеся плодом усилий многих историков разных поколений), совсем о них не упоминая.

Таким образом, теория о связи пяти дней исполнения должности интеррексом с обычаем бегства царя оказалась более перспективной, чем концепция о соответствии их сроку принятия присяги избранном магистратом. Рассуждения авторов, отстаивающих точку зрения об изначальном совпадении во времени *Regifugium* и *interregnum*, представляются нам логичными и доказательными. Выводя институт *interregnum* из «примитивных установле-

¹⁹⁶ Volkman H. *Das Romische Interregnum...* S. 76-83.

¹⁹⁷ Radke G. *Op. cit.* S. 50.

¹⁹⁸ Demandt A. *Op. cit.* S. 381, 385.

ний», по выражению Стюарта Стэвели¹⁹⁹, названные исследователи аргументированно показали, что срок полномочий интеррекса был определен не произвольно, а имел в основе весьма архаичные сакрально-политические ритуалы. Это, в свою очередь, свидетельствует об отнесении времени возникновения механизма междуцарствия к периоду первых царей.

Независимо от того, к какой эпохе относит тот или иной исследователь первые случаи применения интеррегнума, некоторые (совсем немногие) из них задаются вопросом, был ли этот политический институт оригинальным, исключительно римским явлением, или он имел аналоги на территории Италии. В отличие от подобной проблемы, касающейся магистратуры диктатора, в данном случае отсутствует столь же заметное количество специальных статей об исторических корнях должности междуцаря с поиском их в иных общинах, но отдельные замечания и формулировки по этому поводу имеются, и в них также можно усмотреть противоположные подходы. По версии Т. Моммзена, в современной историографии поддерживаемой Б. Линке, интеррегнум был общелатинским политическим институтом²⁰⁰. Такой трактовке противоречит свидетельство Цицерона (*Cic. Resp. II. 23*), что учреждение междуцарствия было необычным, неслыханным среди других народов выходом из создавшегося после смерти Ромула положения. Опираясь на данный аргумент, Е. Фризер не согласился с Т. Моммзеном, считая, что, хотя замечание Цицерона может быть излишне патристично, но пока оно не опровергнуто, его следует принять за неимением лучшего²⁰¹. Надписи же, которые приводил в доказательство своего утверждения Т. Моммзен, не могут, по обоснованному мнению Е. Фризера, многого прояснить, поскольку по времени они существенно более поздние.

Таким образом, поиски исторических прототипов римского интеррегнума в латинских, этрусских и других итальянских общинах (в отличие от изучения происхождения римской диктатуры) сколь-нибудь широко не велись, поэтому вопрос о специфичности этой структуры именно для Рима остается, хотя из-за состояния источников его прояснение весьма затруднено. Что же касается причин появления должности интеррекса в римском государственном устройстве, то они в общих чертах практически одинаково понимаются исследователями как стремление сохранить преемственность руководства общиной и непрерывность покровительства ей со стороны богов. Самым же спорным и дискуссионным в проблеме происхождения института междуцарствия оказался вопрос о времени его возникновения. В историографии выработались два принципиально отличающихся подхода: 1. Признание временем возникновения механизма междуцарствия эпоху примитивной «монархии», когда должность интеррекса появилась в качестве чрезвычайной для прове-

¹⁹⁹ Staveley E. S. *The Conduct...* P. 195.

²⁰⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* S. 625; Linke B. *Op. cit.* S. 146.

²⁰¹ Friezer E. *Op. cit.* P. 312.

дения выборов следующего царя. 2. Рассмотрение института *interregnum* как переходной формы от царского периода к Республике, возникшей в первый год после изгнания последнего царя и существовавшей изначально как ординарный способ правления постоянно чередующихся междуцарей. На наш взгляд, более аргументированной и перспективной для дальнейшего изучения является первая концепция. Подтверждением этому служит успешная разработка вопроса о связи срока должности интеррекса с древнейшими ритуалами нерасчлененной религиозно-политической практики.

1.2 Причины наступления республиканского междуцарствия

В самом общем виде формулировка обстоятельств наступления интеррегнума в республиканскую эпоху выглядит так: к междуцарствию прибегали в случаях вакантности высшей ординарной магистратуры. Этим общим тезисом ограничивались большинство авторов, в разное время писавших об интеррегнуме²⁰² Некоторые исследователи уточняли, что под незанятостью высшей должности следует понимать смерть или досрочное прекращение консульских полномочий²⁰³ Р. Огилви добавлял, что причиной междуцарствия могло быть неверное (не имеющее законной силы) избрание консулов²⁰⁴, а В. Либенам и В. М. Хвостов отмечали, что для наступления интеррегнума должны были отсутствовать не только консулы, но и диктатор²⁰⁵ П. Виллемс определял причину перехода к междуцарствию как вакансию всех патрицианских магистратур, а Ф. Де Мартино как отсутствие магистратов *sui imperio*²⁰⁶ Сразу не согласимся с П. Виллемсом и Ф. Де Мартино: для наступления интеррегнума требовалась вакантность именно высшей ординарной магистратуры, а не отсутствие вообще всех патрицианских магистратов или всех магистратов с империем. Наличие, например, патрицианских преторов, обладавших империем, (под претурой здесь мы имеем в виду не название высшей должности в ранний период, а магистратуру, появившуюся, согласно римской традиции, после законов Лициния - Секстия) отнюдь не исключало наступление интеррегнума. Другое дело, что в ситуации, когда не было консулов, преторы и другие магистраты слагали полномочия, но отсутствие низших магистратов – уже не при-

²⁰² См., например: De Francisci P. *Civiltà Romana*... P. 45; Arangio-Ruiz V. *Storia*... P. 40; Dulckeit G. *Römische Rechtsgeschichte*... S. 31; Rilinger R. *Der Einfluß*... S. 14; Linke B. *Op. cit.* S. 146.

²⁰³ Kohn U. *Римские древности*. М., 1868. С. 64.; Siber H. *Römisches Verfassungsrecht*... S. 23; Vogt J. *Römische Geschichte*... S. 40; Kaser M. *Römische Rechtsgeschichte*... S. 53; Giovannini A. *Magistratur*... S. 416; Radke G. *Op. cit.* S. 53; Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation*... S. 156.

²⁰⁴ Ogilvie R. M. *Early Rome*... P. 57.

²⁰⁵ Liebenam W. *Interregnum*... S. 1717; Хвостов В. М. *История*... С. 47.

²⁰⁶ Виллемс П. *Указ. соч.* С. 223; De Martino F. *Storia*... P. 217.

чина, а следствие наступления междуцарствия. Наиболее подробное перечисление причин введения интеррегнума предложил Й. Ян, включив в них: преждевременное прекращение полномочий консулов или консульских военных трибунов; смерть обоих консулов; религиозные основания; постоянное отсутствие консулов в Риме во время той части их срока полномочий, во время которой должны были состояться выборы; долгую интерцессию против проведения выборов, когда полномочия руководителя выборами заканчивались до того, как он проводил избрание²⁰⁷. Все ли названные им причины могли иметь место, и что, например, понимать под религиозными основаниями, мы попытаемся зыяснить, суммируя сведения о конкретных ситуациях междуцарствия при наличии прямых или косвенных сообщений о мотивировках его введения.

Итак, примем как аксиому, что принципиальным (в обобщенной формулировке) обстоятельством, необходимым для запуска механизма междуцарствия, была вакантность всех мест в высшей ординарной магистратуре, и рассмотрим, какими путями эта вакантность могла реально появляться. Незанятость высшей должности может определяться положением, когда административный год истек прежде, чем избраны преемники консулов (новые консулы или, в соответствующий период, военные трибуны с консульской властью). Либо же, административный год продолжается, но нет носителей высшей ординарной должности, и при этом не осуществлен правовым образом переход власти к чрезвычайному магистрату – диктатору. Проанализируем, какие же случаи могут означать, по выражению А. Хойса, восходящему к Ливию, что «государственное руководство осиротело»²⁰⁸, и обеспечить возобновление функционирования высшей магистратуры может только институт междуцарствия.

Разумеется, очевидным таким случаем являлась смерть обоих консулов. Освобождение одного консульского места, согласно Цицерону, не приводило к междуцарствию (Cic. Ep. ad Brut. I. 5. 4). Консулы могли как погибнуть (что было неудивительно в условиях частых войн), так и умереть от болезни (что опять-таки не было чем-то исключительным при нередких эпидемиях)²⁰⁹. Судя по всему, смерть консулов во время исполнения должности автоматически приводила к интеррегнуму. Правда, ситуация 208 г. до н. э., на первый взгляд, может заставить усомниться, что смерть обоих консулов не только необходимое, но и достаточное условие для наступления междуцарствия. В названном году оба консула погибли, но источники ничего не говорят об интеррегнуме, упоминая только диктатуру. Т. Моммзен²¹⁰ и вслед за ним другие авторы полагали, что интеррегнум в этой ситуации все же имел место, а Й.

²⁰⁷ Jahn J. Op. cit. S. 12.

²⁰⁸ Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // Zeitschrift der Savigny – Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar, 1944. B. 64. S. 80.

²⁰⁹ Liv. III. 7. 6 – 8. 2.

²¹⁰ CIL. Vol. 1. P. 289.

Ян для 208 г. до н. э. обозначал *interregnum* под знаком вопроса²¹¹ Однако Тит Ливий вполне определенно сообщает (XXVII. 33. 6), что тяжелораненый консул этого года Тит Квинкий успел провозгласить диктатором Тита Манлия Торквата. Данные консульских фаст подтверждают эту информацию. Поэтому, строго говоря, вакантной высшая исполнительная власть стать не успела, и необходимости в междуцарствии не было. Переход от ординарной высшей магистратуры к экстраординарной не означает «безвластия», а именно оно порождало *interregnum*.

В источниках зафиксирована необходимость введения в действие института *interregnum* в случаях, когда поочередно погибали оба консула, но вместо одного из погибших уже был избран консул-суффект. Консул-суффект не мог провести выборы, а потому требовался *интеррекс*. Ливий сообщает об этом правиле как религиозно освященной традиции: «Опытные в божеском и человеческом праве люди считали, что если оба консула этого года погибли, один от болезни, а другой на поле боя, то консул-заместитель не может проводить выборы» (Liv. XLI. 18. 16. Перевод В. Н. Чемберджи).

Отдельно следует обратить внимание на ситуацию, когда консулы живы, но из-за тяжелой болезни не могут выполнять свои служебные обязанности. Она описана у Ливия применительно к 392 г. до н. э. (V. 31. 7); когда разразился мор, заболевшие консулы сложили с себя полномочия по указанию сената, и был назначен *интеррекс*. При этом Ливий отмечает: *placuit per interregnum renovare auspicia* (решено через *интеррегnum* возобновить ауспиции). Исходя из этого Й. Ян полагал, что тяжелобольные консулы были «религиозно дисквалифицированы»²¹², мы же добавим, что, возможно, они не могли из-за своего физического состояния проводить ауспиции, также как и осуществлять другие должностные функции. Таким образом, при живых, но тяжелобольных консулах, введению *интеррегnum* должна была предшествовать их отставка.

Не столь уж редкой была ситуация, когда консульский год заканчивался, но выборы новых консулов осуществлены не были. Образовавшийся в этом случае «вакуум власти» также должен был заполнить *интеррегnum*. Почему возникал этот перерыв в преемственности высших ординарных магистратов? Один вариант, – тот, который был назван Й. Яном: длительная *интерцессия* против проведения выборов. Дионисий Галикарнасский указывает на эту причину введения междуцарствия в 483 г. до н. э. (Dionys. VIII. 90), Тит Ливий сообщает подобную информацию для 420 г. до н. э. (Liv. IV. 43. 7-8) и 414 г. до н. э. (Liv. IV. 51- 52). При этом совершенно очевидно, что трибунская *интерцессия* являлась инструментом сословной борьбы. Так, в 420 г. конфликт произошел из-за доступа плебеев к должности квестора, а затем, когда сенат решил не увеличивать число квесторов и избрать не военных

²¹¹ Jahn J. Op. cit. S. 135.

²¹² Ibid. S. 62.

трибунов с консульской властью, а консулов, плебейские трибуны оказали серьезное противодействие, что и привело к междуцарствию. Аналогичная картина сложилась и в 414 г. Сенат настаивал на избрании консулов, опасаясь, что народ изберет в военные трибуны плебеев, а плебейские трибуны не допустили выборов (Liv. IV 50. 7-8).

Неспокойные ситуации, приводившие к затягиванию избрания новых магистратов и заканчивавшиеся, в конечном счете, междуцарствием, имели место и в случаях проведения консульских выборов диктатором. Хотя против диктатора, на наш взгляд, не существовало правовым образом оформленной интерессии, тем не менее, плебейские трибуны, не имея законной возможности запретить решения диктатора, демонстрировали свое несогласие с ним. Это моральное давление на диктатора могло привести к тому, что он слагал полномочия, не проведя выборов, как это произошло в 389 г. до н. э. (Liv. VI. 1. 5-8), 352 г. до н. э. (Liv. VII. 21. 2-4), 351 г. до н. э. (Liv. VII. 22. 2) и 320 г. до н. э. (Liv. IX. 7 14-15). Для 351 г. Ливий прямо указывает на причину недовольства диктатором со стороны плебейских трибунов, диктатор Гай Юлий стремился провести в консулы двух патрициев.

Скорее всего, в 300 г. до н. э. также по окончании диктатуры последовал интеррегнум, поскольку Марк Валерий после сложения диктаторских полномочий занял консульскую должность (Liv. X. 5.14), так как маловероятно, что он сам себя провозгласил консулом (тем более, что Ливий в некоторых своих первоисточниках находил сообщения об интеррегнуме).

В период поздней Республики интеррегнум мог быть политически обусловлен тем, что все кандидаты в консулы обвинялись в подкупе избирателей. Так, указывая на это обстоятельство, Цицерон писал Аттику в конце октября 54 г. до н. э.: «Дело идет к междуцарствию и немного пахнет диктатурой...» (Att. IV 18. 3). Прогноз оратора относительно интеррегнума оправдался с наступлением 53 г. до н. э.

Механизм междуцарствия мог быть пущен в ход и по религиозным мотивам. Коллегия авгуров была правомочна «объявить негодными богу выборы того или иного магистрата»²¹³, ссылаясь на ритуальные погрешности при их проведении. При этом могли иметь место как действительно чисто сакральные соображения, так и формально-религиозный повод, когда за внешней благочестивой мотивировкой стояли политические причины. При этом можно, конечно, сказать, что истинная подоплека часто искусно маскировалась, но не забудем, что сакральный элемент был в ранние эпохи имманентен политической жизни Рима. Изложим наиболее характерные примеры, когда интеррегнум вводился по религиозно-политическим причинам.

В 396 г. до н. э. было объявлено, что военные трибуны с консульской властью избраны огрешно, и нарушен священный порядок Латинских тор-

²¹³ Кофанов Л. Л. Роль коллегии авгуров в разработке римского архаического права // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. М., 1997. № 1 (2). С. 18.

жесть (Liv. V 17 2-3). Переход к интеррегнуму при этих обстоятельствах выглядел как стремление к религиозному искуплению, но под давлением плебейских трибунов было решено избрать новую коллегию военных трибунов, состоявшую в основе из плебеев: в нее вошли пять плебеев и только один патриций. Поэтому мнение Й. Яна, что в данном случае за религиозными обоснованиями прятались политические причины²¹⁴, совершенно справедливо.

Религиозные мотивы (обновление ауспий в условиях засухи, голода и мора) присутствовали и при переходе к интеррегнуму для избрания консулов на 391 г. до н. э. (Liv. V 31. 7). Вместе с тем, они, безусловно, также переплетаются с соображениями практически-политическими (невозможность нормального руководства общиной тяжелобольными консулами).

Сочетание сакральных оснований и политической игры можно усмотреть в интеррегнуме 389 г. до н. э. (Liv. VI. 1. 5). Сенат не доверил военным трибунам с консульской властью проводить выборы, ссылаясь на то, что при них город был осквернен врагами, но нельзя поручиться, что у сенаторов в данном случае не было вполне определенного политического интереса.

На первый план Тит Ливий выдвигает религиозные мотивы и для междуцарствия 387 г. до н. э., – чтобы возобновить ауспиции: «Государство наполнилось благочестием, а после недавнего поражения и вожди стали очень богобоязненны – итак, чтобы возобновить птицегадание, объявили междуцарствие» (Liv. VI. 5. 6 – перевод Н. Н. Казанского)²¹⁵ Однако описанные им предшествовавшие события позволяют судить о политической нестабильности (попытки плебейских трибунов собирать народ для обсуждения земельных законов, возбуждение плебеев из-за дележа земли вольсков), которая и могла стать глубинным поводом для интеррегнума.

Для 340 г. до н. э., наоборот, Ливий во главу угла ставит военные, а не религиозные мотивы наступления междуцарствия (Liv. VIII. 3. 4-5). Из его слов следует, что консулы получают приказ досрочно сложить свои полномочия, чтобы перед лицом серьезной военной угрозы (шла I Самнитская война, и готовились к войне против римлян латины) можно было избрать новых консулов. При этом выборы проводят не консулы, досрочно слагающие полномочия, а интеррекс. Здесь возникают два вопроса: 1. Можно ли было сенату без всякой «религиозной оболочки», исходя из чисто практических соображений, потребовать отставки консулов? 2. В чем состояли практические соображения для незамедлительной отставки консулов (учитывая, что по поводу их полководческих талантов сомнений не отмечено)? Объективные причины для скорейшего избрания новых консулов были. Новый администра-

²¹⁴ Jahn J. Op. cit. S. 61.

²¹⁵ In civitate plena religionum, tunc etiam ab recenti clade superstitionis principibus, ut renouarentur auspicia res ad interregnum rediit.

тивный год должен был начаться 1 июля²¹⁶, время военной кампании – летний период, а для дальнего похода на чужие области нужно было раньше осуществлять подготовку и выступление²¹⁷. В таких условиях смена руководства в ходе широкомасштабных военных действий была крайне нежелательна.

Таким образом, потребности проведения крупной военной операции требовали скорейшего определения командующих, которым надлежало осуществлять ее. Но на каких основаниях консулы 341 г. до н. э. Гай Плавтий и Луций Эмилий Мамерк были лишены права провести выборы новых консулов? По-видимому, и в данном случае не обошлось без религиозных обоснований. Здесь мы можем обратиться к рассуждениям Й. Яна, согласно трактовке которого, понятие империя относилось изначально к религиозно-магической сфере, также как понятие *auctoritas* первоначально включало в себя способность увеличивать магическую силу²¹⁸. Вынося постановление об ограничении империя консулов во времени (*imminutum imperium*), сенат тем самым уменьшал магическую силу консула, вера в которую в IV в. до н. э. была еще жива. В свою очередь «сакральная дисквалификация» консулов требовала обновления ауспийций путем интеррегнума. Вероятно, в коллегии авгуров были сформулированы религиозные объяснения, что ограниченный во времени и тем самым уменьшенный империй консулов не позволяет им проводить ауспийции и осуществлять руководство выборами новых магистратов.

Следует усмотреть интеррегнум формально из-за объявления авгурами нарушений при выборах консулов в 220 г. до н. э., когда два консула вынуждены были оставить должность, и избрана была другая пара (CIL.Vol. 1. P. 25). Хотя прямых указаний в источниках о руководителе выборов нет, трудно для данной ситуации представить кого-то иного в этой роли, нежели интеррекса. Х. Скаллард и А. Липпольд усматривают за этим событием борьбу группировок, по-разному ее трактуя²¹⁹.

Чисто сакральными причинами объясняет введение интеррегнума в 162 г. до н. э. Цицерон (Nat. deor. II. 11), что, впрочем, естественно в контексте трактата «О природе богов». В его изложении обстоятельства аннулирования избрания консулов этого года были следующими. Проводивший выборы Тиберий Семпроний Гракх (отец известных плебейских трибунов), сообщил в коллегию авгуров о совершенной им погрешности: он забыл провести ауспийции при пересечении померия. Авгуры обратились к сенату, сенат повелел консулам сложить полномочия, что те незамедлительно и сделали.

²¹⁶ Jahn J. Op. cit. S. 75-76.

²¹⁷ Rilinger R. Die Ausbildung von Amtswechsel und Amtsfristen als Problem zwischen Machtbesitz und Machtmißbrauch in der Mittleren Republik (342 bis 217 v. Chr.) // Chiron. München, 1978. B. 8. S. 269.

²¹⁸ Jahn J. Op. cit. S. 77.

²¹⁹ Scullard H. H. Roman politics... P. 273; Lippold A. Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulats von 264 bis 201 v. Chr. Bonn, 1963. S. 142, 272.

Религиозные обоснования введения междуцарствия встречаются также при объявлении авгурами недействительности избрания диктатора (ошибки в птицегаданиях) или неблагоприятных предзнаменованиях. Это относится, например, к 332 г. до н. э. (Liv. VIII. 17. 5.), 326 г. до н. э. (Liv. VIII. 23. 17), 216 г. до н. э. (Liv. XXII. 33. 11-12), 222 г. до н. э. (Plut. Marc. 5-6). Опять-таки, за поисками ритуальных погрешностей могли стоять политические интересы. Так, Ливий однозначно замечает, что в 326 г. за благочестивыми предложениями скрывалось недовольство тем, что диктатор был плебеем (Liv. VIII. 23. 16).

Право признания недействительности выборов магистрата по причине их огрешности коллегия авгуров использовала, как это показывает А. М. Сморгков, не по собственной инициативе, а в ответ на поставленный вопрос (к тому же все описанные традицией такие запросы заканчивались признанием огрешности выборов)²²⁰ При этом он констатирует подчиненность деятельности авгуров политической власти, но не уточняет какой именно ее структуре. Видимо, не приходится особенно сомневаться в том, что таким органом, направлявшим кассационную деятельность коллегии авгуров, был сенат. В период ранней Республики, когда *patres* определяли его решения, стремление использовать право авгуров аннулировать избрание магистратов явно преследовало пропатрицианские цели. Разумеется, это было последним средством политических интриг, но средством надежным, так как авгуры могли всегда найти ошибки в проведении птицегаданий.

Иногда Тит Ливий сообщает, что в том или ином году междуцарствие вводилось по неизвестным причинам (Liv. X. 11. 10 – 298 г. до н. э.)²²¹ Иногда же, что оно наступало «без каких-либо достойных упоминания причин» (Liv. VIII. 28. 9 – 343 г. до н. э.), но сам эти причины и объясняет: «А при междуцарствии – так что может показаться, это и было задумано – обоих консулов избрали из патрициев...» (Liv. VII. 28. 10 – перевод Н. В. Брагинской)²²² Явно, что Ливий усматривает смысл введения этого интеррегнума в избрании консулами двух патрициев.

Все рассмотренные нами ситуации характеризуются тем, что интеррегнуму предшествовал созданный каким-либо путем «вакуум власти», иначе говоря, консульские должности были вакантны. Но у Ливия есть отдельные упоминания о ситуациях, когда консулы живы и не отправлены предварительно в отставку, а выборы осуществляет интеррекс. Это случаи 355 г. до н. э. (Liv. VII. 17. 10) и 216 г. до н. э. (Liv. XXII. 33. 10). Из названных фрагментов получается, что консулы ведут военные действия, не отзываются для проведения выборов в Рим и при этом не смещаются от командования (а, следо-

²²⁰ Сморгков А. М. Определение огрешности ауспий авгурской коллегией // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 80

²²¹ *Eo anno – nec traditur causa- interregnum initum.*

²²² *Ex interregno, ut id actum uideri posset, ambo patricii consules creati sunt...*

вательно, от должности в целом), выборы же проводит интеррекс. Подвергнем эти ситуации подробному разбору.

Междущарствию 355 г. до н. э. предшествовал консульский 356 год, когда в должности находились Марк Фабий Амбуст и Марк Попилий Ленат. Ввиду внешней угрозы был назначен диктатор Гай Марций Рутил (известный как первый плебейский диктатор), который одержал военные победы и справил триумф (Liv. VII. 17 6-9). Затем Ливий сообщает: «Поскольку патриции не хотели, чтобы консульские выборы проводил диктатор или консул из простого народа, а другой консул, Фабий, был занят войной, пришлось пойти на междущарствие» (Liv. VII. 17 10. Перевод Н. В. Брагинской). Находился ли Фабий в консульской должности в период интеррегнума? Нам представляется, что нет. Во время диктатуры он вполне мог осуществлять командование в ходе военных действий (что не противоречило тому, что диктатор был высшим военачальником) и мог бы возобновить консульские полномочия в полном объеме после сложения диктаторских. Вероятнее всего, что этого не произошло по той причине, что к моменту отставки диктатора истек консульский год, поэтому и оказалось возможным междущарствие. Это подтверждается тем, что Марк Фабий Амбуст назван у Ливия в числе интеррексов (Liv. VII. 17 11), что свидетельствует о том, что он уже не занимал консульской должности (вероятно, с самого начала междущарствия), и высшая магистратура была вакантна.

В 216 г. до н. э. консулы вели военные действия и на предложение сената, одному из них прибыть в Рим для проведения выборов, ответили, что оставлять войска нежелательно и «пусть лучше выборы проведет интеррекс» (Liv. XXII. 33. 10). Однако сначала был назначен диктатор *comitiorum habendorum causa*, ушедший через четырнадцать дней в отставку из-за протеста авгуров, усмотревших нарушения при его провозглашении. Далее из сообщения Ливия следует, что был введен интеррегнум, а консулам власть продлена на год (Liv. XXII. 34. 1). Как мы можем интерпретировать это положение? На наш взгляд, исключительная ситуация «интеррегнум при действующих консулах» объясняется тем, что консулы имели пророгированный империй, то есть не вполне «полноценный» с точки зрения сакральной, а именно – для проведения ауспий (в возобновлении которых и состоял священный смысл междущарствия). К тому же, 216 г. до н. э. – это время войны с Ганнибалом, период, в котором наблюдаются аномалии в функционировании магистратур, – вспомним одновременное наличие в этом году двух диктаторов *rei gerundae causa* и *senatus legendi causa* (у второго вопреки правовым нормам отсутствовал *magister equitum*). Добавим, что С. Стэвели вообще не склонен полностью доверять реконструкции Ливием ситуации диктатуры и интеррегнума 216 г. до н. э.²²³ Рассмотренный случай, по нашему мнению, также не может свидетельствовать о том, что ведение консулами военных действий далеко от Рима

²²³ Staveland E. S. The Conduct... P. 205-206.

в период проведения выборов являлось уважительной (традицией или законом оформленной) причиной перехода к междуцарствию. Мы полагаем, что данное исключение только подтверждает правило: *interregnum* наступает при вакантности высшей исполнительной ординарной власти и отсутствии экстраординарного магистрата диктатора, поскольку суть междуцарствия состоит в «наведении мостов»²²⁴ при нарушении непрерывности власти. Поэтому мы позволим себе не согласиться с мнением Й. Яна, обобщившего эти нехарактерные и неочевидные случаи до формулировки особой причины наступления *interregnum*.

Таким образом, институт *interregnum* представлял собой чрезвычайное учреждение, призванное обеспечить восстановление преемственности верховного политического управления римской *civitas*, причинами для введения которого были именно обстоятельства нарушения этой преемственности. К их числу относится физическая смерть или досрочная отставка высших ординарных магистратов, аннулирование полномочий их (или диктатора) при обнаружении авгурами нарушений в священнодействиях во время их избрания. Это могло быть также завершение консулами административного года без своевременного проведения новых консульских выборов (что чаще всего обуславливалось продолжительной трибунской интерцессией) или сложение диктаторских полномочий без обычного порядка возобновления функционирования ординарной власти (окончание консульского года, отсутствие носителей консульского империя, непроведение диктатором выборов в результате морального давления плебейских трибунов). Довольно частыми были религиозные мотивы перехода к междуцарствию, заключавшиеся, по сути, в требовании обновления ауспиций под тем или иным предлогом. При этом нередко за сакральными обоснованиями крылись политические причины, обусловленные как патрицианско-плебейской конфронтацией, так и борьбой группировок нобилитета за доминирующее положение в государственном управлении. Поскольку рассмотренные нами случаи как урезания империя консулов во времени, так, и, наоборот, пролонгирования его служили поводом для авгуров требовать возобновления ауспиций, мы делаем вывод, что не только полное прекращение империя высших магистратов, но и его «деформации» давали основание для наступления междуцарствия. Этот вывод подтверждается также необходимостью введения *interregnum*, когда высшая ординарная магистратура была представлена одним консулом-суффектом. *Suffectus* тоже имел «неполноценный» империй, и неизбежный переход в этом случае к междуцарствию являлся, следовательно, одним из проявлений общего принципа: «деформированный» сроком действия *imperium* был сакрально ущербным, и носитель его не считался нормальным звеном в обеспечении преемственности высшей власти. Поэтому на вопрос о том, когда римское политическое, сакральное и правовое сознание допускало наступление

²²⁴ Bleicken J. Zum Begriff... S. 262.

интеррегнума, мы коротко ответим так: когда не было носителя годичного, законным образом и на законный срок полученного консульского империя, также как и не было носителя полугодичного диктаторского империя. Пути, которыми римская община приходила к такой ситуации, были различны, включали в себя как объективные, не зависевшие от воли коллектива граждан и его лидеров варианты, так и носившие явный отпечаток их субъективной деятельности. Именно отсутствие держателя консульского или диктаторского империя, облеченного им с соблюдением всех необходимых норм и ритуалов (ауспиций, куриатного закона и др.), империй которого был не ущемлен никакими действиями сената и религиозно не осквернен, и являлось главной предпосылкой введения междуцарствия в республиканскую эпоху.

Г л а в а II

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА INTERREGNUM

2.1 Сакрально-правовые нормы перехода к междущарствию:

возвращение ауспиций к *patres*

Ключевая латинская фраза, которая является принципиальной для понимания запуска политико-правового механизма междущарствия, – *auspicia ad patres redeunt* (Cic. Ep. ad Brut. I. 5. 4), – требует выяснения того, кто такие *patres*, что означает процесс возвращения ауспиций, и какие именно ауспиции к ним возвращались.

Кого следует понимать под термином *patres*, – эта проблема породила огромную литературу. Авторы, решавшие ее, анализировали понятие *patres*, главным образом, не изолированно, а вместе с такими категориями, как *conscripti*, *pedarii* и др. Но, поскольку нас в контексте изучаемой темы интересуют только *patres*, мы позволим себе ограничить представление точек зрения именно в отношении этой социальной группы.

На одном полюсе исследовательских мнений находится гипотеза, в соответствии с которой *patres* – это совокупность патрициев. Иначе говоря, – все патриции, объединенные в куриатные собрания (состав данных комиций, на взгляд сторонников этой концепции, был чисто патрицианским). У истоков такой трактовки стояли В. Беккер и Д. Шwegler²²⁵. Наиболее определенно формулировал данный подход Б. Низе²²⁶. В историографии середины 90-х гг XX в. эта точка зрения представлена в труде Т. Корнела²²⁷.

На противоположных позициях находились авторы, усматривавшие в *patres* весь сенат. Так, П. Виллемс полагал, что эквивалентом слова *patres* у греческих авторов был термин βουλή – совет (Dionys. II. 14; IV 12; VIII. 90; IX. 14; XI. 20, 62; App. B. C. I. 98). При этом П. Виллемс отмечал, что в начале Республики сенат был или исключительно, или в большинстве патрицианский²²⁸. Предлагал переводить термин *patres* как «сенаторы» (при анализе по-

²²⁵ Becker W. A. Handbuch der Römischen Alterthümer B. 2. Leipzig, 1846. S. 295-309. (Отметим все же, что на с. 316 В. Беккер видел в *patres* патрицианскую часть сенаторов); Schwegler D. U. Op. cit. B. I. S. 656.

²²⁶ Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. 3-е изд. СПб., 1910. С. 54.

²²⁷ Cornell T. J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 B. C.) London and New-York, 1995. P. 250.

²²⁸ Виллемс П. Указ. соч. С. 230.

нения *auctoritas patrum*) А. В. Захаров²²⁹ Понимал *patres*, имевших право ауспиций, как синоним слова *senatus* Э. Гьерстад²³⁰ Е Фризер также пытался найти аргументы, что интеррекс назначался всем сенатом²³¹

Третья точка зрения, являющаяся наиболее авторитетной, состоит в том, что *patres* – патрицианская часть сената. Плебеи, получив доступ в сенат, не приобрели права назначения интеррекса. Куриатные же комиции были не чисто патрицианскими. Эта теория связывается обычно с именами Й. Рубино и Т. Моммзена²³² Однако мы отметим, что в какой-то мере на ее создание повлиял и Б. Нибур, усматривавший в *patres* интеррегнума царского времени сенаторов²³³ (Б. Нибур, стремясь сначала доказать, что *patres* следует понимать как патрициев вообще, затем пришел к выводу об изменении содержания этого понятия с течением времени.) Г. Ф. Пухта трактовал *patres* как одну из двух категорий сенаторов, оформившихся после принятия плебеев в сенат, а именно как патрицианскую его часть²³⁴ Последовательно отстаивал точку зрения о том, что *patres* интеррегнума в царское время составляли весь сенат, а в республиканское – его патрицианскую часть Э. Херцог²³⁵ Видели в этой категории одновременно сенаторов и патрициев И. В. Нетушил, И. А. Покровский и Х. Вольф²³⁶ Принадлежность к сенату и патрициату как основные черты статуса *patres* определял А. Хойс, независимо от того, были ли они главами или просто членами аристократических родов (что ему казалось более вероятным)²³⁷ Представителями патрицианских *gentes* и наследственными членами сената полагал *patres* А. Момильяно²³⁸ Патрицианской частью сената безотносительно к занятию патрицианских должностей считал данную категорию Й. Ян²³⁹ Сенаторами-патрициями видят *patres* М. Хумберт²⁴⁰, Ф. Кассола²⁴¹, Ф. Виакер²⁴² и И. Линдерски²⁴³

Кроме трех названных исследовательских теорий можно выделить еще несколько, приближающихся в той или иной степени к одной из основных, но

²²⁹ Захаров А. В. Политическая терминология первых шести книг Тита Ливия // Филологическое обозрение. Т. X. Кн. 1. М., 1896. С. 100-101.

²³⁰ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation... S. 156.

²³¹ Frieser E. Op. cit. P. 329.

²³² Rubino J. Op. cit. S. 86, 90; Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 225-227.

²³³ Niebuhr B. Op. cit. S. 377.

²³⁴ Пухта Г. Ф. История римского права. Ч. 1. М., 1863. С. 57.

²³⁵ Herzog E. Das Institut... S. 505-507.

²³⁶ Нетушил И. В. Очерк... С. 165; Покровский И. А. История римского права. 4-е изд. Пг., 1918. С. 69; Wolf H. J. Op. cit. P. 3.

²³⁷ Heuß A. Zur Entwicklung... S. 80; Heuß A. Gedanken... S. 39-40. (413-414).

²³⁸ Momigliano A. Osservazioni... P. 211-215. См. об этом также: Дождев Д. В. Римская историческая традиция о *conscripti* и динамика правовых различий между патрициями и плебеями // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М., 1986. С. 125.

²³⁹ Jahn J. Op. cit. S. 15.

²⁴⁰ Humbert M. Institutions politiques et sociales de l' antiquité. Dalloz, 1984. P. 10.

²⁴¹ Cassola F. Lo scontro fra patrizi e plebei e la formazione della «nobilitas» // Storia di Roma. Vol. 1. Torino, 1988. P. 456.

²⁴² Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte. München, 1988. S. 223.

²⁴³ Lindersky J. Op. cit. P. 37.

в то же время от них отличающихся. Так Л. Ланге под *patres* понимал *pater familias gentium patriciarum*, то есть не всех патрициев, а отцов семейств патрицианских родов, часть которых была вне сената²⁴⁴

О. Классон высказал мнение, что термин *patres* первоначально относился только к патрицианским сенаторам, а позднее употреблялся для обозначения всего патрициата в противоположность всему сенату, и активно полемизировал с Т. Моммзенем, не считая убедительными его аргументы²⁴⁵. Близкой к точке зрения О. Классона была позиция Х. Кристенсена, рассматривавшего данную категорию как первоначально обозначающую весь сенат, а затем, с эпохи сословной борьбы, совокупность патрициев²⁴⁶

В. Пирогов усмотрел три значения слова *patres*. Первоначальное, «сторого-техническое», когда имелись в виду сенаторы-патриции (которые образовывали внутри всего патрицианско-плебейского сената отдельную коллегию) и два более поздних, когда с течением времени это понятие стали применять, с одной стороны, ко всему патрицианскому сословию, а с другой, – ко всему сенату²⁴⁷

Оригинальную позицию занял в трактовке проблемы А. Магделен, посвятивший ей специальную статью²⁴⁸. Признавая функцию назначения интеррекса патрицианской, он полагал, что патрициат возникает только в первые семьдесят лет Республики из бывших носителей высших должностей. Отдавая должное многим конкретным наблюдениям этого автора о переходе к междоусобице, отметим все же, что предложенная им гипотеза о времени возникновения патрициата и его исходной социальной базе столь нетрадиционна, что для многих исследователей неприемлема (в отличие от концепции «замыкания патрициата» в начале республиканской эпохи). А. Магделен видел в *patres*, к которым в период интеррегнума возвращались ауспиции, не просто патрицианских сенаторов, а исключительно тех, кто ранее занимал высшие должности (т. е. имел ауспиции в бытность свою магистратом). Разделял данный подход П.-Ш. Раноуль, полагавший, что толкование термина *patres* в значении «патрицианские сенаторы» (в противопоставлении *conscripti*) излишне широко, речь должна идти о более узкой группе, а именно, о бывших должностных лицах, занимавших магистратуры с империем²⁴⁹

В последние десятилетия в историографии проблемы наметилась тенденция совместить рациональные моменты разных теорий и синтезировать обобщения, подобные выводу О. В. Сидорович о том, что *patres* – древнейшие патрицианские сенаторы, составлявшие первоначальный сенат и являв-

²⁴⁴ Lange L. *Römische Alterthümer*... S. 220.

²⁴⁵ Classon O. *Kritische Erörterungen*... S. 52- 69.

²⁴⁶ Christensen H. *Die ursprüngliche Bedeutung der Patres* // *Hermes*. 1875. № 9. S. 215.

Пирогов В. Указ. соч. С. 212-215.

²⁴⁸ Magdelain A. «*Auspicia ad patres redeunt*»... P. 341-383.

²⁴⁹ Ranouil P.-Ch. *Op. cit.* P. 13.

шиеся главами патрицианских родов²⁵⁰ Перекликается с этим положением мнение Й. Бляйкена, характеризующего *patres* как совокупность влиятельных патрициев, руководителей патрицианских родов, заседавших в сенате²⁵¹

Действительно, у Ливия имеются совершенно определенные утверждения, что интеррекса назначают патриции (VI. 41. 6), что именно в руках патрициев находятся птицегадания (X. 8. 9), а Авл Геллий также однозначно передает формулировку: *auspicia patriciorum* (Gell. N. A. 13. 15. 4). Цицерон тоже достаточно ясно свидетельствует, что интеррекс должен был избираться патрициями из своей среды (*Cic. Dom. XIV 38*)²⁵² Не приходится сомневаться, что ауспииции возвращались именно к патрициям, но реально осуществляли государственные акты, связанные с этим, разумеется, не все патриции, а политически наиболее дееспособная их часть, вероятнее всего, патриции-сенаторы, что, впрочем, не мешало им быть самыми авторитетными главами семей патрицианских родов. Пополнение сената в 509 г до н. э. плебеями привело к тому, что они, как это показывает Д. В. Дождев, развивая теорию о замыкании патрициата в начале Республики²⁵³, в конце концов, получили наследственный патрицианский статус. Однако маловероятно, что, даже обретя его, они вошли в число тех, кто мог совершать политические акты, полагавшиеся *patres*, как группе патрициев-сенаторов, члены которой и олицетворяли непосредственно носителей ауспиций. Они, например, как отмечал еще Г. Э. Зенгер, не привлекались к объявлению *auctoritas patrum*²⁵⁴ На них, как подчеркивал Х. Вольф, никогда не было распространено и обозначение термином *patres*²⁵⁵ То, что интеррекс назначался не всем сенатом, следует из текста Диона Кассия (Cass. Dio. XL. 49. 5).

Возникает вопрос, почему право ауспиций и связанное с ним право назначения интеррекса остались в качестве привилегии патрицианских сенаторов на протяжении всей Республики, хотя с середины IV в. до н. э. мы, безусловно, можем говорить о *populus Romanus*, состоявшем из патрициев и плебеев, как важном источнике государственной власти, а с конца III в. до н. э. о консолидации гражданской общины? Нам кажется, ответом на этот вопрос может служить признание того обстоятельства, что процесс формирования римской государственности представлял собой создание политической общности на основе первоначального ее ядра в виде сакральной общины патри-

²⁵⁰ Сидорович О. В. Социальный состав римского сената в период ранней республики // Из истории античного общества. Вып. 1. Горький, 1975. С. 55.

²⁵¹ Bleicken J. Zum Begriff... S. 261-262.

²⁵² ...*auspicia populi Romani, si magistratus patricii creati non sint, intereant necesse est, cum intertex nullus sit, quod et ipsum patricium esse et a patriciis prodi necesse est* (ауспииции римского народа, если магистратами не будут избирать патрициев, неизбежно прекратятся, ведь при этом не будет интеррекса, на том основании, что тот и сам должен быть патрицием и непременно избираться патрициями).

²⁵³ Дождев Д. В. Римская историческая традиция... С. 128-129

²⁵⁴ Зенгер Г. Э. К вопросу о *patres* // Варшавские университетские известия. 1890. № 3-4. С. 32.

²⁵⁵ Wolf H. J. Op. cit. S. 3.

циев. Мы находим абсолютно верным утверждение В. Н. Токмакова, что «как бы ни расширялся гражданский коллектив в первые века Республики, сколько бы новых граждан (*cives*) ни включал, он по-прежнему находил свое истинное воплощение в изначально сложившемся коллективе гентильных триб»²⁵⁶. Добавим, что в ходе создания и усовершенствования политического организма римской *civitas* это исходное ядро было консервативным элементом, обеспечивавшим в значительной мере ее устойчивость.

Обратимся теперь к тому, что означает сам процесс возвращения ауспиций к *patres*. Имел ли место в этом случае какой-либо конкретный самостоятельный акт их передачи? Хорошо известно, что в Римской республике ауспициями наделялись высшие магистраты, имевшие империй. Передавали ли они их, сменяя друг друга? Если акт наделения империем в Риме, без сомнения, существовал, то была ли отдельная процедура наделения правом ауспиций? Представление о передаче ауспиций «по цепочке» было создано Й. Рубино, считавшим, что изначально ауспиции имели цари, которые передавали их друг другу через посредство интеррекса, а в республиканскую эпоху уходящий магистрат передавал их своему преемнику. При этом Й. Рубино то писал, что магистрат получал ауспиции в день выборов, то, – что в последний день срока полномочий своего предшественника²⁵⁷.

В историографии XX в. эта точка зрения была подвергнута критике в работах А. Хойса и А. Джованнини²⁵⁸. В самом деле, античные авторы не дают нам никаких оснований для признания наличия специального акта передачи ауспиций и тем более для того, что их подлинными носителями были только цари и магистраты. Наоборот, мы можем составить вполне четкое представление, что именно *patres* выступали естественными обладателями ауспиций, их источником, по выражению Й. Бляйкена²⁵⁹. Избранный же магистрат автоматически приобретал ауспиции как бы делегированные от «отцов», получив империй на основе *lex curiata*. Связь куриатного закона об империи и ауспиций усматривает также Р. Девелин²⁶⁰. А. Джованнини вполне определенно делает вывод, что ауспиции передавались от *patres* магистрату именно через *lex curiata*. Согласно его трактовке, первоначально куриатные комиции вручали носителям должностей как *potestas*, так и ауспиции; после создания центуриатных и трибутных собраний компетенция наделять должностных лиц *potestas* была передана им, а у куриатных комиций осталась только передача ауспиций²⁶¹. Мы не беремся судить, насколько такая трактовка может быть исторически адекватна в отношении *potestas*. В отношении

²⁵⁶ Токмаков В. Н. Куриатные комиции и военные магистратуры в раннем Риме // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 127.

²⁵⁷ Rubino J. Op. cit. S. 62, 71.

²⁵⁸ Heuß A. Gedanken... S. 413-414; Giovannini A. Magistratur... S. 416-417.

²⁵⁹ Bleicken J. Zum Begriff... S. 261.

²⁶⁰ Develin R. Lex curiata and the competence of magistrates // Mnemosyne. 1977. Vol. XXX. Fasc. I. P. 49-65.

²⁶¹ Giovannini A. Magistratur... S. 434-436.

же связи *lex curiata de imperio* и *auspicia*, то связь между ними, безусловно, имела, ибо, по нашему мнению, только наделенные империей магистраты могли совершать ауспии. Утверждение В. Н. Токмакова, о том, что «в Риме были должностные лица с ауспигиями, но без империя (например, жрецы или эдилы), но никогда наоборот»²⁶², мы разделяем в последней его части (не было должностных лиц с империей, но без ауспигий), однако сомневаемся в абсолютной корректности первой. Хотя у Цицерона неоднократно говорится о том, что авгуры совершают ауспии, мы все же склонны считать, что изначально римское сакрально-правовое сознание различало ауспии и авгурии: вторые проводились именно авгурами (даже если заключались в толковании предзнаменований на основе наблюдения за птицами), а первые – магистратами. Видимо, только в позднереспубликанское время эти различия стерлись. Что же касается наличия права ауспигий у низших магистратов, то мы пока не видим убедительных аргументов в пользу такой точки зрения. Так или иначе, наделение магистрата империей непременно означало предоставление ему права ауспигий. К тому же у Цицерона в речи о земельном законе дважды говорится (*Leg. Agr. II. XI. 27; XII. 31*), что куриатные комиции (в то время, когда единственным значимым их актом было принятие куриатного закона об империи), «остались только ради ауспигий»²⁶³. Это свидетельство не оставляет сомнений в том, что *lex curiata* принимался с целью признания за магистратом права ауспигий. Другое дело, включал ли в себя акт наделения империей отдельно оговоренное вручение ауспигий. Возможно, что этого и не требовалось, поскольку вручение империя магистрату автоматически означало наличие у него в течение срока полномочий делегированных от *patres auspices*. Мнение ряда исследователей о том, что куриатный закон был актом признания права магистрата иметь ауспии и осуществлять империй, приводит В. Н. Токмаков, отмечая, что это закон «символизировал глубинные и прежде всего религиозные воззрения римлян на куриатную организацию как носителя высшего суверенитета и единства римской общины»²⁶⁴. В целом, мы разделяем выводы А. Джованнини и полностью согласующуюся с ними формулировку В. Н. Токмакова, что «процедура *auspicatio* входила составным элементом в куриатный закон об империи»²⁶⁵.

Таким образом, никакой особой, отдельной от других известных нам процедур вручения полномочий, церемонии наделения ауспигиями магистрата не прослеживается. В свою очередь, вакантность высшей магистратуры свидетельствовала об автоматическом возвращении ауспигий к их законным обладателям. Право птицегаданий возвращалось само по себе, без политико-правовой процедуры, что вполне объяснимо как сакральным характером об-

²⁶² Токмаков В. Н. Куриатные комиции... С. 126.

²⁶³ *curiata (comitia) tantum auspicorum causa remanserunt*

²⁶⁴ Токмаков В. Н. Военная присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской республики // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 136.

²⁶⁵ Токмаков В. Н. Куриатные комиции... С. 125.

ряда, так и, главным образом, тем, что *patres* оставались обладателями ауспиций, делегирование которых прекращалось. Исходя из вышесказанного, мы не можем согласиться с А. Магделеном в его трактовке возвращения ауспиций в период интеррегнума только бывшим магистратам. Собственно говоря, его подход означает, в принципе, ни что иное, как признание именно магистратов наделенными «от природы» возможностью в такой форме узнавать волю богов. И в этом смысле позиция А. Магделена фактически приближается к отвергнутой исследователями точке зрения Й. Рубино о передаче ауспиций от магистрата к магистрату. В данном случае эта цепочка логически замыкается: если нет действующих магистратов, то ауспиции возвращаются к бывшим. Но, поскольку очевидно, что власть магистрата, его империй, дается ему не от природы, а только вручается на короткий срок общиной (в узком смысле даже ее историческим ядром – куриями), то и о наделении ауспициями можно говорить как о временном предоставлении магистрату этой функции сакральной общиной патрициев, для членов которой ауспиции были неотъемлемой естественной принадлежностью. Для магистрата и высшая власть, и ауспиции – полномочия временного характера, данные от коллективных их носителей «по природе». Этот процесс передачи властных и сакральных функций определенным лицам на определенное время можно назвать процессом их персонификации, а политико-правовые и религиозные нормы, регулировавшие как передачу, так и реализацию этих функций, оформлением этой персонифицированной власти.

Мы считаем весьма точной формулировку Г. Дулькайта о том, что в царский период высшая власть имела двойное оформление, – в качестве империя и ауспиций²⁶⁶ Продолжая данный тезис мы скажем, что, во-первых, это было не просто двойное, а двуединое оформление, а, во-вторых, что оно сохранялось в течение всего республиканского периода. Кроме того, добавим, что ауспиции были теснейшим образом связаны не только с империем, но и с таким действенным политическим инструментом, пронизывавшим всю римскую общественную жизнь, как *auctoritas patrum*. Но прежде чем говорить об *auctoritas*, выясним, какие конкретно ауспиции возвращались к *patres*. Известное нам по источникам деление ауспиций на *imperativa* (когда божественная воля специально узнавалась) и *oblativa* (когда предзнаменование являлось само по себе) для данной ситуации не принципиально, поскольку очевидно, что речь идет о тех и других, но, главным образом, о первых, так как вторые не инициировались субъектами. Другое деление ауспиций, донесенное до нас Авлом Геллием (приводящим слова Валерия Мессаллы), сводится к тому, что патрицианские ауспиции бывают *auspicia maxima* и *auspicia minora* (Gell. N. A. XIII. 15. 4). Первые совершают высшие должностные лица, а вто-

²⁶⁶ Dulckeit G. Op. cit. S. 31.

рые другие магистраты²⁶⁷ Кого понимать под другими магистратами, здесь остается некоторый простор для исследовательских размышлений. При этом главный вопрос сводится к тому, следует ли считать носителями *auspicia minora* магистратов *sine imperio* (как это делал В. М. Хвостов²⁶⁸). Мы полагаем, как уже отмечалось, что магистраты без империя не имели права общественных ауспиций. Деление птицегаданий на *maxima* и *minora* является, на наш взгляд, отражением, так сказать «большого» и «меньшего» империя магистратов при сопоставлении их полномочий друг с другом. Ауспиции преторов, так же как и их империй, будут меньшими по сравнению с консульскими, а ауспиции и империй начальника конницы меньше диктаторских²⁶⁹ То, что у Авла Геллия в числе носителей *auspicia maxima* названы преторы и цензоры, не убеждает нас отказаться от такого понимания. В отношении преторов мы не видим особых логических затруднений: претор мог иметь полномочия и ауспиции консула, заменяя его при отсутствии консула в городе (по поручению последнего). Что же касается цензоров, то мы не усматриваем у них права ауспиций, так как исходим из того, что для избранных на центуриатных комициях магистратов связь куриатного закона об империи и ауспиций, как нас убеждают древние авторы, несомненна. Цензоры же не вносили в комиции *lex curiata de imperio*, о чем совершенно четко сообщает Цицерон (Cic. Leg. Agr. II. XI. 26). Так или иначе, как бы не решался вопрос о том, какие должностные лица имели *auspicia maxima*, какие – *auspicia minora*, а какие их совсем не имели (и должны ли мы говорить о «больших» и «меньших» ауспициях не в абсолютном, а относительном смысле), в данном случае, применительно к возвращению ауспиций в условиях интеррегнума, это деление также не особенно значимо. Ибо предпосылкой перехода к интеррегнуму было отсутствие высших магистратов, а с его наступлением прекращались и функции других должностных лиц. Поэтому мы можем сказать, что в период республиканского междуцарствия к *patres* от магистратов возвращались общественные ауспиции вообще, государственные ауспиции как таковые.

Но здесь встает гораздо более важный в контексте данной проблемы вопрос, что такое *auspicia privata* и *auspicia publica* (именно применительно к ситуации междуцарствия). О частных ауспициях безотносительно к интеррегнуму упоминает Тит Ливий, например, в выражении «расстройство общественных и частных ауспиций» (IV 2.5)²⁷⁰ Не вдаваясь в анализ понятия «частные ауспиции», обратимся к интересующему нас сюжету. Тот же Ливий (VI. 41. 6), реконструируя борьбу вокруг законов Лициния - Секстия, говорит

²⁶⁷ ... *patriciorum auspicia in duas sunt divisa potestates: maxima sunt consulum, praetorum, censorum; reliquorum magistratuum minora sunt auspicia* (патрицианские ауспиции разделены по значению надвое: большие у консулов, преторов, цензоров; у остальных магистратов меньшие ауспиции)

²⁶⁸ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 45.

²⁶⁹ Об ауспициях и империи начальника конницы см. Дементьева В. В. Указ. соч. С. 83-85

²⁷⁰ ... *perturbatio auspicum publicorum privatorumque...*

от имени патрициев следующее: «ауспиции до такой степени принадлежат исключительно нам, так что не только народ никогда не выбирает патрицианских магистратов иначе, чем по проведении ауспиций, но и мы сами, без голосования народа, только по совершении ауспиций назначаем интеррекса»²⁷¹ а далее следует выражение: *et privatum auspicia habeamus, quae isti ne in magistratibus quidem habent*. Получается, на первый взгляд, что в период интеррегнума патриции использовали частные ауспиции, хотя занимались общественным делом. В историографии даже закралось подозрение, что *auspicia privata patricians* и *auspicia publica populi Romani* понятия идентичные (либо первые составляли основу вторых)²⁷² Однако И. Линдерски убедительно показал, что такое понимание основано на неверном истолковании термина *privatum* у Ливия²⁷³ В самом деле, *patres-patricii* в период междуцарствия проводили не *auspicia privata*, а сами будучи *privati*. Это можно вполне обоснованно утверждать, исходя из известного противопоставления *magistratus* и *privatus*, имевшегося в римском общественном сознании и римской конституции (и нашего отражение в данной фразе Ливия). Не занимая в условиях интеррегнума никаких должностей, патрицианские сенаторы выступали как частные лица, но решали общественную задачу восстановления преемственности управления гражданским коллективом. Следовательно, перевод приведенного выражения, вызвавшего затруднения в толковании характера ауспиций при интеррегнуме: «и даже, будучи частными лицами, имеем ауспиции, которых эти люди, разумеется, не имеют и магистратами»²⁷⁴ Таким образом, к *patres* возвращались *auspicia publica*.

Однако означало ли возвращение ауспиций переход к *patres* всей полноты высшей власти, или же их власть как коллективного носителя ауспиций ограничивалась назначением интеррекса? Исследователи задавали этот вопрос относительно междуцарствия царского времени. Э. Гьерстад, отвечая на него, отрицал, что при смерти царя его власть вместе с ауспициями возвращалась к *patres*²⁷⁵ Противоположную позицию занял Р. Рилингер, полагающий, что после смерти царя *patres* имели не только коллегиальные ауспиции, но и *regia potestas*²⁷⁶ Нам представляется, что именно такой подход позволяет концептуально осмыслить значение ауспиций. Неспроста Ливий, говоря о междуцарствии после Туллы Гостилия, пишет: *res ad patres redire* (I. 32.1).

²⁷¹ *nobis adeo propria sunt auspicia, ut non solum, quos populus creat patricos magistratus, non aliter quam auspicato creet, sed nos quoque ipsi sine suffragio populi auspicato interregem prodamus...*

²⁷² См., например: Lobrano G. *Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani* // *Studia et documenta historiae et iuris*. 1975. В. 41. Р. 270-277.

²⁷³ Lindersky J. *Op. cit.* P. 35-38.

²⁷⁴ Заметим, кстати, что в русском переводе Н. Н. Казанского передача смысла этих слов сделана адекватно: «даже частными гражданами мы совершаем птицегадания, которых плебеи не совершают даже и на своих должностях!» См.: Ливий Тит. *История Рима от основания города*. Т. I. М., 1989. С. 321.

²⁷⁵ Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation...* S. 156.

²⁷⁶ Rilienger R. *Der Einfluß...* S. 15.

Ауспиции были средством и олицетворением верховной политической власти. Учитывая консервативный характер института *interregnum* и архаическую форму его функционирования, мы полагаем, что не ошибемся, распространив представление о возвращении к *patres* не только ауспиций, но и *res* (в самом широком смысле этого слова как государственного дела) и на республиканскую эпоху.

Приведенные рассуждения не позволяют нам принять встречающиеся иногда в историографии попытки представить деление ауспиций на военные и гражданские как различавшиеся своеобразным «организационным оформлением». При таком подходе обычно понимается, что обладателями *auspicia militiae* были куриатные комиции, а к *patres* во время междоусобия возвращались *auspicia domi*.²⁷⁷ Мы же полагаем, что термины «военные» и «городские» ауспиции отражают только целевое назначение их проведения в каждом конкретном случае. Право же ауспиций включало в себя возможность осуществлять птицегадания по любому (как внешнеполитическому, так и внутривнутриполитическому) поводу. Принципиальных различий в наделении магистрата *auspicia domi* и *auspicia militiae* также не было, как не было отдельных актов наделения империем *domi* и империем *militiae*. Если понятие *imperium* кумулировало высшую исполнительную, как гражданскую, так и военную власть, то вытекавшее из него право ауспиций распространялось на обе эти сферы и не имело отдельных механизмов вручения его применительно к каждой из них. *Patres* обладали, следовательно, во время наступления *interregnum* всей совокупностью ауспиций и всей полнотой исполнительной власти (до того, как они избирали из своей среды первого *interrex*, делегируя в данном случае ему и эту власть, и ауспиции).

Теперь следует обратиться к принципиально важной для понимания главных политических устоев Римской республики проблеме соотношения магистратской власти, базировавшейся на империи (с которым были сопряжены ауспиции), и решений *patres*, выражением руководящих функций которых были *auctoritas* и опять-таки ауспиции. Реконструируя римскую политическую систему, Т. Моммзен главную роль в осуществлении полноты власти (особенно власти приказа) отвел империи. В течение многих десятилетий именно моммзеновское представление доминировало в исторических построениях. Пожалуй, только в названных работах А. Хойса и А. Джованнини были впервые сделаны выводы, что в начальный период Республики, в отличие от позднереспубликанского, политический вес и влияние *patres* в общественной жизни были существенно выше магистратского. Развивая положения этих исследователей, Б. Линке, перу которого принадлежит одна из последних монографий по проблеме становления форм политической организации римского государства, утверждает, что отправной точкой всеохватывающей

²⁷⁷ См. об этом: Versnel H. S. *Triumphus*. (An inquiry into the origin, development and meaning of the Roman Triumph.) Leiden, 1970. P. 331.

власти приказа был не неограниченный империй, а коллективное решение *patres*, чьим производным была компетенция магистрата²⁷⁸ В выборах магистрата Б. Линке усматривает не возвышение кандидата, а самоограничение *patres*, называя последних исходным пунктом для легитимизации общественной деятельности и, более того, обладателями монополии на способность к ней²⁷⁹ Мы полагаем, что для осмысления регулирующих механизмов римской общины первых двух веков республиканского периода такая характеристика является весьма глубокой.

Доказательством того, что полномочия магистрата рассматривались как вторичные по отношению к верховенству *patres*, служат примеры, когда сенат, руководимый «отцами», запрещал высшим должностным лицам проводить выборы (Liv. VI. I. 5 и др.) и, особенно, когда требовал и добивался досрочной их отставки (Liv. VIII. 3. 4-5). То, что вручали империй куриатные комиции, в основе своей главный элемент патрицианской общинной и сакральной организации, также служит подтверждением тому, что делегирование империя магистрату происходило не от имени всего гражданского коллектива (который выступал посредником при этой передаче, голосуя предварительно за магистрата в центуриатных собраниях), а от *patres*.

На наш взгляд, трактовка магистратского империя, как власти, врученной от *patres*, позволяет рассматривать для ситуации перехода к междоусобице возвращение к «отцам» и собственно этого империя. Вместе с тем, *imperiū* – это полномочия высшего должностного лица, и применение этого понятия к *patres* не вполне корректно. Но не корректно оно именно как синоним власти «отцов». Их власть была глубже по сравнению с магистратской и не может быть сведена к ней во время отсутствия ее индивидуальных носителей. Поэтому, когда мы говорим, что *imperiū* возвращался с наступлением междоусобицы к *patres*, мы имеем в виду, что делегирование его конкретным персонам прекращалось, и «отцы» могли наделять им других лиц, как бы «самоограничивая» себя в осуществлении функций руководства общиной (в реализации именно исполнительной власти).

В связи с изложением нашего понимания возвращения к *patres* в начальный момент интеррегнума не только ауспий, но и империя, следует остановиться на имеющейся в литературе точке зрения, что обладателем империя и права общественных птицегаданий был также *populus*²⁸⁰ Авторы, защищающие данный подход (в частности, П. Каталано), ссылаются на Ливия, который в двух пассажах (XXIX. 27. 2; XXX. 14. 8) упоминает об этом. У Ливия от лица Сципиона говорится: «империем и ауспиями народа римского и моими»²⁸¹ Следовательно, уточним, имеется в виду, что империй и ауспий, конечно же магистрата, но как бы даны ему от римского народа.

²⁷⁸ Linke B. Op. cit. S. 145.

²⁷⁹ Ibid. S. 146-147. 149.

²⁸⁰ См.: Versnel H. S. Op. cit. P. 331.

²⁸¹ qui populi Romani quique meam sectam imperium auspiciumque...

Второй из названных фрагментов Ливия дополнительной к этому информации не содержит: «Сифак ауспичиями римского народа побежден и взят в плен»²⁸² Действительно, если учесть эти формулировки Ливия, получается, что исходным коллективным носителем империя и ауспичий признается в данном случае римский народ, а о *patres* не упоминается. Но здесь мы должны помнить, что описаны ситуации середины и конца III в. до н. э. когда идея государственного верховенства *populus Romanus* стала идеологически важной, а значение *patres* формально-юридически уменьшилось. Мы бы даже согласились признать, что с течением времени у римлян возникло представление, что делегирование империя и ауспичий магистрату осуществляется от *populus*, если бы в период «вакуума» исполнительной власти ауспичии стали возвращаться к *populus Romanus*, а не к *patres*. Но до конца республиканской эпохи, а не только в ранний ее период, всегда «*auspicia ad patres redeunt*». И также неизменно и в период поздней Республики *lex de imperio* принимался не центуриатными комициями, которые олицетворяли весь римский народ, а куриатными собраниями. Поэтому, нам кажется, что за выражением об ауспичиях и империи римского народа у Ливия стоит не более чем отражение определенного признания в классическую Республику конституционного значения *populus*. Однако, как римская демократия может быть зафиксирована с формально-конституционной точки зрения, но не как политическая реальность Республики, точно также, по нашему мнению, римский народ мог считаться коллективным носителем империя и ауспичий, а на практике, как дело доходило до разрыва преемственности магистратской власти, право общаться с богами от имени *civitas* и предпринимать самостоятельные политические действия всегда оказывалось у *patres*. Более того, монопольное руководство *patres* общиной в период наступления междоусобицы было законным.

В понимание магистратского империя, как власти, производной от решений *patres*, органично вписывается наше представление о тесной связи империя и ауспичий, поскольку ауспичии тоже являются, как мы видели, делегированными от «отцов». В свою очередь, у *patres*, даже когда они уступали магистрату право ауспичий, оставался такой важный инструмент политического воздействия как *auctoritas*. Мы признаем факт обладания ауспичиями элементом руководства римской *civitas*, а *auctoritas patrum* ее направляющей политической силой.

Можем ли мы определить *auctoritas patrum* как правовую категорию? В. Дальхайм считает, что авторитет сената был не правовым, но социальным фактором римской конституционной жизни²⁸³ Он полагает при этом, что социальные обязанности во внутренних отношениях города-государства всегда были важнее, чем конституционно-правовые нормы. Однако нам представляется, что, хотя общественное воздействие *auctoritas* основывалось, в первую

²⁸² Syphax populi Romani auspiciis victus caputisque est...

²⁸³ Dalheim W. Op. cit. S. 347.

очередь, на *mos maiorum*, оно было вполне легитимным, ибо, по справедливому замечанию Ю. Г. Чернышева, «римские понятия *lex* и *mos* были неразрывно связаны, и право для римлян заключалось не только в юридической практике, но и в традициях, обычаях, основанных на врожденных, данных от природы представлениях об идеальной норме, о справедливости»²⁸⁴ Как отмечал Ф. Виакер, «для раннего Рима кажется нереальной модель возникновения права из обуздывания первоначально не правовой власти через государственный порядок принуждения»²⁸⁵ А. В. Дождев подчеркивал, что «понятие *more maiorum*... указывает на устойчивые древние формы правового общения»²⁸⁶ Очень конкретно по этому поводу высказался Г. Везенберг: *auctoritas patrum* есть правовое понятие²⁸⁷ Исходя из трактовки права в приведенной цитате Ю. Г. Чернышева, мы согласны с таким определением.

Auctoritas patrum представляла собой освящение авторитетом «отцов» тех или иных политических действий. Как отмечал А. В. Захаров, этот термин у Ливия означает «приказание отцов», «воля отцов», а в большинстве случаев «утверждение (со стороны) отцов»²⁸⁸ По наблюдениям И. Л. Маяк, этим термином назывались сенатские постановления в тот период, когда сенат состоял из глав патрицианских семей; когда же плебеи были допущены в сенат, сенатские постановления стали называться *senatus consultum*²⁸⁹ В зависимости от того, какое содержание вкладывает тот или иной исследователь в понятие *patres*, трактуется *auctoritas patrum* либо как одобрение всего сената, либо только патрицианской его части. Чаще всего одобрение *patres* касалось решений народных собраний по выборам магистратов или принятию законов. Известно, что изначально *auctoritas patrum* следовала за голосованием граждан, а затем стала даваться перед голосованием в комициях (*lex Publilia* 339 г. до н. э. для законов и *lex Maenia* начала III в. до н. э. для избранных должностных лиц – Liv. VIII. 12. 15; Cic. Brut. XIV 55). Авторы «Кембриджской истории» делали вывод, что ратификация со стороны *patres* всех решений народного собрания, имевшая место до принятия названных законов, свидетельствует о более важной их роли в ранний период Римской республики²⁹⁰ В. Маннино полагал, что до принятия *lex Publilia* именно сенаторы-патриции выражали свое подтверждение путем *auctoritas patrum*, а после 339 г. до н. э. это стало прерогативой всего сената²⁹¹

²⁸⁴ Чернышев Ю. Г. Теория смешанной конституции у Цицерона и система принципата // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 95.

²⁸⁵ Wieacker F. Ius. Die Entstehung einer archaischen Rechtsordnung im archaischen Rom // *Rechtswissenschaft und Rechtsentwicklung*. Göttingen, 1980. S. 43.

²⁸⁶ Дождев А. В. Римское частное право. М., 1996. С. 78.

²⁸⁷ Wessenberg G. Zur Frage der Kontinuität zwischen königlicher Gewalt und Beamten Gewalt in Rom // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. 1953. B. 70. S. 77.

²⁸⁸ Захаров А. В. Указ. соч. С. 100.

²⁸⁹ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 60.

²⁹⁰ The Cambridge Ancient History... Vol. VII. P. 450.

²⁹¹ Mannino V. L' «Auctoritas patrum». Milano, 1979. P. 142.

Идентификация *auctoritas patrum* и *lex curiata de imperio*, имевшая место в ряде работ прошлого века, за не доказанностью не закрепилась в историографии²⁹². Действительно, для полного отождествления этих политико-правовых актов серьезных оснований нет, но нам бы хотелось подчеркнуть их внутреннюю близость и единство оснований, по которым они принимались. Оба они означали, что источником высшей власти признается древняя сакральная патрицианская община и ее куриатная организация. В связи с этим приведем очень, на наш взгляд, глубокое замечание А. Джованнини: *auctoritas patrum* была через ауспиции одобрением богов²⁹³. *Patres* были *auctores* в том смысле, что они являлись обладателями ауспиций (не временными их носителями, а подлинными обладателями). В. Маннино проследил этимологию выражения *auctoritas patrum* и пришел к выводу, что его значение связано с корнем *aug*, происходящий от которого термин *auctor* служил у индоевропейских народов для обозначения лица, определявшего волю богов²⁹⁴. Религиозный характер, религиозную природу главных патрицианских привилегий подчеркивают Э. Ференчи²⁹⁵ и Т. Корнел²⁹⁶. Авторитет «отцов» основывался, таким образом, на их праве толкования божественной воли.

Итак, две важнейшие функции *patres* – брать на себя управление государством в период интеррегнума и подтверждать своим авторитетом решения гражданского коллектива в целом – базировались, как мы видим, на признании их сакральной компетенции. Возвращение ауспиций к *patres* во время междуцарствия и передача через «отцов» как бы божественной санкции политическим действиям квиритов, были двумя сторонами одного краеугольного основания римской государственной организации: исходным сувереном и носителем высшей власти признавалась патрицианская сакральная община, возглавлявшаяся *patres*. Она осталась тем цементирующим фундаментом, на котором была возведена более сложная конструкция римской *civitas*. Для первых двух веков римской Республики значение *patres* в общественной жизни было во многом определяющим, магистратская же власть при всей возрасставшей ее роли была производным элементом от их основополагающих функций. Начальный момент римского междуцарствия – возвращение ауспиций к их исконным обладателям – и поддержание непрерывности управления общиной через институт *interregnum*, в течение всей республиканской эпохи находившийся в руках *patres*, подтверждают это.

²⁹² См. об этом: Classon O. *Kritische Erörterungen...* S. 62–64.

²⁹³ Giovannini A. *Magistratur...* S. 431; Giovannini A. *Auctoritas patrum...* P. 28–36.

²⁹⁴ Mannino V. L' «*Auctoritas patrum*»... P. 1.

²⁹⁵ Ferenczy E. *From the Patrician State...* P. 28.

²⁹⁶ Cornell T. J. *Op. cit.* P. 251.

2. 2 Политико-правовой порядок назначения интеррекссов

Процедура провозглашения римского интеррекса описана в источниках применительно к царскому периоду (Liv. I. 17; Dionys. II. 57; Plut. Num. 2), хотя она, разумеется, является гораздо более поздней реконструкцией, проведенной Титом Ливием, Дионисием и Плутархом. Для республиканской эпохи политико-правовой механизм назначения междуцаря воссоздается на основе описаний в античной традиции конкретных случаев интеррегнума этого времени, политико-философских сочинений, а также использования сведений древних авторов о первом междуцарствии.

После смерти Ромула, как это следует из сообщений античной историографии, *patres-senatores* были разделены на декурии. При этом Ливий отмечает, что по десяти декуриям были распределены 100 *patres*. Это же число – 100 человек – приводится у писателей истории Августов (SHA. Vita Taciti. I. 2). Плутарх говорит о 150 патрициях, но способ разделения их на десятки и порядок очередности он не уточняет. Согласно же Дионисию, на декурии (декады) были поделены 200 сенаторов, выбранных в сенат из числа патрициев. Все ли сенаторы принимали участие в процедуре распределения по декуриям, – это остается неизвестным, так как из сведений того же Ливия следует, что при Ромуле сенат действительно достигал двухсот человек. Цицерон, рассказывая об учреждении междуцарствия после смерти Ромула, замечает только, что сенат сам, без царя попытался управлять государством (Cic. Resp. XII. 23)²⁹⁷, но не разъясняет, в полном ли составе сенат держал бразды правления. Так как в источниках нет по этому поводу определенности, И. Л. Маяк допускает понимание интеррегнума в период первых царей как формы деятельности всего сената, но более склоняется к тому, что междуцари были его исполнительным комитетом²⁹⁸.

По данным Ливия, сначала сенаторы определились, кому в какой декурии находиться, затем выбрали руководителя каждой десятки и установили очередность правления каждой декурии. Каким образом это было сделано, Ливий не детализирует, но он отмечает коллегиальность управления каждой десятки в течение пяти дней при наделении инсигниями одного ее члена. Е. Фризер в связи с этим замечал, что, хотя знаки высшей власти имел один сенатор, вся декурия обладала империем²⁹⁹. Дионисий, поскольку он говорит о двухстах участниках процедуры и тем самым определяет число декурий в два раза большим, дальнейший порядок передачи власти излагает как основывавшийся на жребии: власть по жребию получили десять декурий. Затем выигравшие жребий представители декурий образовывали новую десятичлен-

²⁹⁷ Romuli senatus...temptaret post Romuli excessum, ut ipse regeret sine rege rem publicam...

²⁹⁸ Маяк И. Л. Рим первых царей... С. 238-239.

²⁹⁹ Friezer E. Op. cit. P.302.

ную коллегию и осуществляли руководство, сменяя друг друга, а после на их место заступала таким же жребием выбранная новая декурия³⁰⁰. При этом власть на пять дней получала не вся декурия одновременно, а поочередно каждый из ее членов. Таким образом, по Ливию получается, что междуцарь избирался внутри декурий (*singulis in singulas decurias*), по Дионисию же – по жребию из числа представителей разных декурий. Многие исследователи полагали, что можно принять назначение междуцаря путем жребия³⁰¹. Однако Г. Зибер высказывал по этому поводу серьезные сомнения, считая, что жребий не был для римлян выражением божественной воли³⁰². Так или иначе, из противоречивых сообщений о порядке интеррегнума в царский период можно с уверенностью принять деление *patres-senatores* на декурии для определения интеррекса³⁰³.

Поскольку из текста Ливия следует, что власть переходила каждые пять дней от десятки к десятке, а из текста Дионисия, – от одного человека к другому, то для прохождения «полного круга» по варианту Ливия требовалось бы всего 50 дней, а по варианту Дионисия – 500. Так как срок первого интеррегнума значится у античных авторов как годичный³⁰⁴, то, если следовать трактовке Дионисия, нужно признать, что фактически править в течение этого года могли только члены восьми декурий из десяти. И. В. Нетушил предлагал считать две последние декурии запасными, на тот случай, если состав первых декурий почему-либо сокращался³⁰⁵.

Принимая за первоначальный способ междуцарствия «декуриальную систему», зададимся вопросом, сохранилась ли она при Республике? Оснований отвечать на него утвердительно у нас нет; ни один из наших источников при описании конкретных ситуаций междуцарствия республиканского времени ничего не сообщает нам о распределении по декуриям потенциальных интеррекссов. На наш взгляд, описанный античными авторами столь путано (а это уже говорит о том, что они были не слишком хорошо о нем осведомлены, и, следовательно, в республиканскую эпоху он не использовался) порядок первого междуцарствия был предназначен для длительного интеррегнума, тогда как при Республике стояла задача как можно быстрее восстановить обычный механизм руководства гражданским коллективом. Для этого, конечно, не требовалась сотня человек, и проблема установления очередности в таком масштабе не возникала.

Возвращение ауспий к *patres* в ситуации вакантности высшей ординарной магистратуры означало переход к междуцарствию; «отцы» должны

³⁰⁰ Heuß A. Zur Entwicklung... S. 81.

³⁰¹ См., например: Mommsen Th. *Römische Forschungen*... S. 21; De Martino F. *Storia*... P. 216.

³⁰² Ziber H. *Römisches Verfassungsrecht*... S. 23.

³⁰³ Rilinger R. *Der Einfluß*... S. 14.

³⁰⁴ Больше года первое междуцарствие продолжалось по сведениям Флавия Веспаска, но в его представлении сенаторы были интеррексами не обязательно по пять дней, но и по четыре, и по три дня (*SHA. Vita Taciti. I. 2-3*).

³⁰⁵ Нетушил И. В. *Очерк*... С. 61.

были собраться, чтобы определить интеррекса. Нужны ли были какие-либо условия для этого, должен был кто-то созвать их на собрание или же этого не требовалось? Известно, что в нормальных обстоятельствах, при функционировании магистратур, сенат созывался магистратом. При отсутствии высших должностных лиц *patres-senatores* должны были, по-видимому, собраться самостоятельно, без магистратского созыва. Можно, конечно, предположить, как это делал Э. Херцог, что о необходимости перехода к междуцарствию докладывал им претор³⁰⁶, но это был не созыв, а уведомление о сложившихся обстоятельствах. Поиск исходной нормы, имевшей место в царский период, безрезультатен: в источниках нет сведений, кто созывал *patres* после смерти царя. Л. Ланге считал, что сенаторов при ранних междуцарствиях созывал *tribunus celerum*, а затем *pontifex maximus* руководил комициями для избрания интеррекса³⁰⁷. Х. Вольф полагал, что вручение полномочий первому интеррексу на куриатных комициях (также как и потом на центуриатных) маловероятно, так как ауспигиями обладали только *patres*, а в комициях голосовали и *filii familias* и, вероятно, даже клиенты³⁰⁸. Не касаясь пока вопроса о необходимости созыва комиций, отметим, что, вероятнее всего, в раннереспубликанский период патрицианские сенаторы собирались по собственной инициативе при очевидной необходимости перехода к междуцарствию. Нам вполне импонируют рассуждения В. Кункеля о том, что, если сенат имел в своем распоряжении большие возможности для приведения возражающего магистрата к повиновению, для понуждения его к отставке, то магистратский вызов на собрание был для него не таким уж необходимым³⁰⁹. Эти рассуждения применимы и для патрицианской, наиболее влиятельной части сената. При отсутствии магистратов *patres* были самостоятельной, политически дееспособной частью гражданского коллектива (более того, монополистами на общественную деятельность), поэтому вполне закономерно, что ряд авторитетных исследователей признают наличие у них права собраться без магистратского вызова и руководства³¹⁰.

Однако для историков, различающих для республиканского времени *senatores* и *patres*, рассматривающих последних как сенаторов-патрициев, неизбежно встает вопрос: существовало ли постановление всего сената о переходе к междуцарствию, на основе которого *patres* и назначали интеррекса? Утвердительно на этот вопрос отвечал Э. Херцог, считавший, что потребность в интеррегнуме констатировал весь сенат, а затем уже патрицианская

³⁰⁶ Herzog E. *Geschichte...* S. 932.

³⁰⁷ Lange L. *Römische Altertümer...* S. 256.

³⁰⁸ Wolf H. J. *Op. cit.* P. 9.

³⁰⁹ Kunkel W. *Magistratische Gewalt...* S. 16-17.

³¹⁰ Herzog E. *Geschichte...* S. 54; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht...* B. I. S. 654; Siber H. *Römisches Verfassungsrecht...* S. 138; De Martino F. *Storia...* S. 417; Heuß A. *Zur Entwicklung...* S. 81.

часть его, обладавшая ауспигиями, определяла междуцаря³¹¹ О необходимости предварительного сенатусконсульта писали В. Беккер и О. Классон³¹²

Обратимся к имеющимся источникам. Асконий свидетельствует, что в период поздней Республики патриции собирались для назначения интеррекса по требованию всего сената (Asc. in Mil. 30)³¹³ Сомневаться в адекватности этого утверждения реалиям последних десятилетий Республики не приходится, учитывая к тому же, что в политическом отношении патриции к этому времени особого положения не занимали. Но так ли обстояло дело в ранне-республиканский период? У Ливия имеются два пассажа, относящихся к описанию событий V в. до н. э., из которых следует, что патриции приступали к назначению интеррекса после предварительного общесенатского решения (Liv. III. 40. 7; IV 43. 7-9). В частности, он утверждает, что в 449 г. до н. э. было предложено сенатское постановление, по которому патрициям предписывалось бы сойтись для назначения интеррекса (III. 40. 7)³¹⁴ Не перенес ли Ливий знания о близкой к нему эпохе на столь отдаленное время? Й. Ян полагал, и на наш взгляд справедливо, что порядок перехода к междуцарствию в первый век существования Республики Ливий воссоздал «по модели интеррегнума 52 г. до н. э.»³¹⁵ Если же мы признаем модернизацией трактовку Ливием необходимости сенатского постановления для собрания *patres* по поводу введения интеррегнума в период ранней Республики, то нам следует искать ответ на вопрос, когда произошли соответствующие изменения в политико-правовом механизме назначения междуцаря. Он может быть найден, исходя не из конкретных фактов принятия какого-либо закона по этому поводу (ибо их, к сожалению, установить не удастся), а из общей логики развития римских государственных структур. Логика же этого процесса такова, что усиление влияния сената на политическую жизнь *civitas* очень заметно со времен Второй Пунической войны³¹⁶ Поэтому, по всей видимости, уже с конца III в. до н. э. патриции-сенаторы не собирались для приведения в действие механизма междуцарствия без предварительного общесенатского решения. Во всяком случае, для II в. до н. э. их собрание с этой целью без сенатусконсульта трудно представить, но на II в. до н. э. приходится не более пяти из всех известных интеррегнумов.

Таким образом, если магистратский созыв *patres* для введения института *interregnum* в течение всего республиканского периода не требовался (кон-

³¹¹ Herzog E. Das Institut... S. 507.

³¹² Becker W. A. Op. cit. B. 2..., S. 300, 610; Classon O. Kritische Erörterungen... S. 44.

³¹³ tr. pl. referri ad senatum de patriciis convocandis qui interregem proderent non essent passi, cum interregem prodere obstinatores essent.

³¹⁴ ...alia sententia, asperior in speciem, vim minorem aliquanto habuit, quae patricos coire ad prodendum interregem iubebat.

³¹⁵ Jahn J. Op. cit. S. 16.

³¹⁶ Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Kriese und Niedergang einer antiken Republik. Darmstadt, 1977. S. 34-36; Hackl U. Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2. Jahrhunderts v. Chr. bis zur Diktatur Sullas. Kallmünz, 1982. S. 2; Hackl U. Krieg und Politik... S. 102.

сильский был невозможен в силу специфики ситуации, а преторский мог иметь значение не более как уведомления о вакантности высшей магистратуры), то в отношении предварительного сенатского решения на протяжении этого времени можно констатировать изменения. Ненужное поначалу в небольшом коллективе общины и при явно доминировавшем политическом весе *patres* отдельное постановление всего сената, дававшее право владельцам *auspicia* использовать свою привилегию назначения *междуцаря*, при завершении государственного оформления римской общины на исходе III в. до н. э. стало, по всей видимости, обязательным, а в период поздней Республики неуклонно соблюдалось

Междущарствие фактически начиналось с незанятости высшей ординарной магистратуры, но до процедуры назначения интеррекса (то есть до начала функционирования института *interregnum* в политическом смысле) неизбежно должен был пройти какой-то отрезок времени. Сколь велик он оказывался на практике, – об этом мы можем судить, главным образом, на основе косвенных данных. Один из писателей Истории Августов, Флавий Вописк Сиракузянин, дает нам повод считать, что всякий раз при наступлении интеррегнума, по крайней мере через два или три дня назначались междущари (*SHA. Vita Taciti. I. 4*)³¹⁷. Следовательно, можно принять в качестве обычной практики междущарствия, что от момента освобождения второго консульского места до провозглашения интеррекса проходило в нормальном случае 2-3 дня. Мы можем даже думать, что в раннереспубликанский период, когда не требовалось постановления всего сената об избрании междущаря, этот срок был еще меньше, так как *patres* вполне могли собраться в тот же день (или на следующий), когда «осиротела» высшая магистратура. В эпоху поздней Республики, естественно, требовалось еще время для вынесения сенатусконсульта, отсюда, видимо, и указанный двух – трехдневный промежуток. Более того, мы знаем по названному фрагменту Аскония, что в 52 г. до н. э. этот период затянулся на 19 дней. Но это не просто самый длительный отрезок времени, прошедший до назначения междущаря, это – фактически последний случай применения института *interregnum* (не считая маловероятного междущарствия 43 г. до н. э.), во многих отношениях уже нетипичный для определения политико-правовой нормы.

317 nec umquam ita vacua fuit hoc nomine Romana res publica ut nullus interrex biduo saltem triduove creatur. Можно, разумеется, буквально переводить эти слова в том смысле, что интеррекс назначался «хотя бы на два или на три дня» (как это сделано С. Н. Кондратьевым, см.: Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М. 1992. С. 290.). Но, учитывая, что в пятидневном сроке полномочий интеррекса особенно сомневаться не приходится, следует признать тогда, что столь поздний автор при передаче почерпнутой где-то информации о двух-трех днях, относящейся к республиканскому междущарью, неверно ее соотнос с продолжительностью нахождения у власти одного междущаря. Поэтому мы согласны с трактовкой Т. Моммзеном данных слов как отражения практики назначения интеррекса через два или, по крайней мере, три дня после начала междущарья. См.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... С. 654.

Упомянутая ситуация 52 г. до н. э. заставляет задуматься еще и над вопросом о том, могли ли плебейские трибуны препятствовать *patres* при назначении интеррекса. Дело в том, что в описании ее Аскинием содержится следующее объяснение затяжки: трибуны мешали патрициям на их сходке провозгласить междуцаря. Более того, они мешали даже провести это собрание сенаторов-патрициев.³¹⁸ Кстати, ни Плутарх (Ром. LIV), ни Аппиан (В. С. II. 23), сообщающие о событиях этого года, не отмечают данного факта. Несмотря на это, отрицать его у нас оснований нет, но он имел место, применяя выражение Т. Моммзена, в «конвульсиях конца Республики».³¹⁹ Другое упоминание о том, что трибуны мешали патрициям собраться для вручения власти интеррексу, содержится у Ливия, который, повествуя о 420 г. до н. э., говорит, что большая часть этого года была потрачена на борьбу плебейских трибунов с несколькими интеррексами, когда трибуны то препятствовали патрициям собраться для объявления интеррекса, то мешали интеррексу осуществить сенатское постановление о консульских комициях (Liv. IV 43. 8).³²⁰ Отражает ли данный фрагмент Ливия ситуацию V в. до н. э.? Могли ли тогда плебейские трибуны противопоставить себя *patres* в условиях междуцарствия, при котором прекращалось функционирование всех ординарных магистратов, а «отцы» обладали монополией на власть? Принять объяснение Ливием причин затяжки междуцарствия 420 г. до н. э. невозможно. Право делать доклад в сенате (*relatio*) плебейские трибуны получили только в конце III в. до н. э., после чего они действительно могли противостоять *patres-senatores*; до этого времени говорить о противодействии их при назначении интеррекса не приходится. Поэтому мы согласимся с Й. Яном, считавшим, что Ливий передает последующее представление о возможности трибунов чинить помехи патрициям.³²¹ Невозможность трибунской интерцессии при назначении интеррекса объясняется тем, что она распространялась на действия магистратов, а на начальном этапе междуцарствия должностных лиц не было. К тому же, следует принять во внимание, что право *veto* против назначения первого интеррекса; будь оно даже возможно в раннереспубликанский период, было для плебеев не нужно, так как, по замечанию К.-Й. Хельке-скампа, оно только вредило бы плебейскому делу, поскольку патриции удлиняли бы срок своего господства.³²² То, что трибуны по существу не могли предотвратить назначение междуцаря, отмечали Т. Моммзен, Э. Херцог, Ф.

³¹⁸ Libero L. de. Obstruction. Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70–49 v. Chr.). Stuttgart, 1992. S. 37.

³¹⁹ Mommsen Th. Römische Forschungen... S. 232.

³²⁰ Cum pars maior insequentis anni per novos tribunos plebi et aliquot interreges certaminibus extracta esset, modo prohibentibus tribunis patricios coire ad prodendum interregem, modo interregem interpellantibus ne senatus consultum de comitiis consularibus faceret...

³²¹ Jahn J. Op. cit. S. 60.

³²² Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung... S. 69–70.

Де Мартино³²³ Мы полагаем, что, во всяком случае для V-III вв. до н. э., об этом можно говорить уверенно.

Нет сомнений и в том, что для провозглашения интеррекса собирались на свою сходку *patres*. Однако, определив персональный выбор, проводили ли они избрание междуцаря через комиции? Мы уже отмечали, что участие народных собраний в этой процедуре признавал Л. Ланге. В источниках о голосовании кандидатуры интеррекса народом не упоминается. Наоборот, Ливий вкладывает в уста Алпия Клавдия Красса, внука дещемвира, следующие слова: «также и мы сами, без голосования народа, только по проведении ауспиций, объявляем интеррекса» (VI. 41. 6)³²⁴ Судя по всему, действительно процедура назначения междуцаря не предусматривала акт утверждения в комициях. Это, в свою очередь, требует объяснения, так как *interrex*, на наш взгляд, имел империй (аргументацию этого положения см. в первом параграфе главы III) и, казалось бы, должен был проводить *lex curiata de imperio*. Нам представляется, что, в отличие от избранного на центуриатных комициях магистрата (которому требовалось признание его властных полномочий со стороны древней куриатной организации, и вручение империя которому означало одновременно наделение его ауспициями), интеррекс и так уже являлся, будучи одним из *patres*, представителем курий и носителем ауспиций. Политико-правовое сознание римлян различало властные полномочия, полученные от народного собрания, и империй, порожденный патрицианскими ауспициями и существовавший в неразрывной связи с ними. Консул становился полномочным магистратом не тогда, когда был ренунцирован на центуриатных комициях, а когда получал от куриатного собрания закон о наделении империем. Интеррексу же этого не требовалось, поэтому механизм его назначения не включал в себя такой инстанции, как комиции.

Итак, для провозглашения интеррекса требовалось только и исключительно собрание *patres*. Поскольку «декуриальную систему», противоречиво описанную в источниках для царского времени, перенести на республиканскую эпоху нет оснований, то остается предположить два возможных варианта дальнейшего порядка действий. Первый – когда один из *patres*, вероятно *praefectus* сенатор, предлагал кандидатуру междуцаря, которая голосовалась (при отсутствии принципиальных возражений против нее) путем «да» и «нет». Второй вариант – когда для определения интеррекса прибегали к помощи жребия либо среди собравшихся, либо каким-то образом выделенной их части. Во втором случае могли определять жребием как одного только первого интеррекса, так и сразу нескольких в порядке очередности. Ряд исследователей трактовали назначение интеррекса как проводившееся именно по жребию (в той или иной форме)³²⁵ Нам все же первый вариант

³²³ Mommsen Th. *Römische Forschungen*... S. 232; Herzog E. *Geschichte*... S. 731; De Martino F. *Storia*... P. 217.

³²⁴ *nos quoque ipse sine suffragio populi auspicio interregem prodamus*...

³²⁵ Karlowa O. *Op. cit.* S. 45; von Lübtow U. *Das Römische Volk*... S. 190; Jahn J. *Op. cit.* S. 19; Rilinger R. *Der Einfluß*... S. 15.

представляется ничуть не менее, а даже более предпочтительным. Дело в том, что признание наличия жребия исходит только из сведений Дионисия Галикарнасского о первом интеррегнуме (II. 57). Латинские авторы никогда о применении жребия при междоусарствии не пишут. Из двух основных глаголов, которые они используют для обозначения провозглашения интеррекса – *prodere* и *creare* (Liv. III. 40. 7; V. 31. 8; VI. 41. 6; XXII. 34. 1, Cic. Leg. III. 3. 9; Cic. Dom. XIV. 38; Asc. in Mil. 29, 30) – лишь первый может нести какой-то оттенок божественного провидения, ибо применялся не только в политической, но и сугубо сакральной сфере, при назначении жрецов (Cic. Mil. X. 27; Asc. in Mil. 31). К тому же, жребий как вид дивинации далеко не всегда имел значение для римлян. Во всяком случае, Цицерон уже не считает нужным говорить об этом всерьез и информирует нас, что в его времена магистраты не прибегали к жребию (Cic. Div. II. 85-87). Конечно, в архаическое время представление у римлян о жребии как выразителе божественной воли существовало, но, по всей вероятности, по отношению не к общественной, а к частной жизни, как следует из того же трактата Цицерона «О дивинации». Таким образом, поскольку для республиканского периода упоминаний о применении жребия в период интеррегнума в источниках нет вообще (а для царского о них сообщает только греческий автор), учитывая отсутствие длительных традиций использования жребия в государственной практике римлян, в отличие от греков, мы склонны считать более вероятным выбор первого интеррекса из числа *patres* путем голосования, а не жребия.

В отношении другой формы дивинации – ауспиций – при назначении интеррекса у историков нет сомнений в ее использовании, но только для второго и последующих интеррексов. Что же касается проведения ауспиций перед провозглашением первого интеррекса, то в литературе этот вопрос изрядно запутан. Наиболее распространенной является точка зрения, что первого интеррекса избирали без проведения ауспиций, что собственно, и обусловило невозможность осуществлять с его стороны руководство консульскими выборами. В общих трудах по римской истории подобное утверждение является штампом. Задумаемся все же над тем, что мешало патрицианским сенаторам избрать первого интеррекса при надлежащих ауспициях, если они к ним автоматически возвратились при высвобождении всех мест высшей магистратуры? Разумеется, ауспициями можно было коллективно обладать, но нельзя было коллективно их проводить. Однако при этом мы не усматриваем затруднений для выделения тем или иным способом из среды *patres* с этой целью конкретного лица. Можно, конечно, сказать, что таким лицом и был первый интеррекс, но тогда не понятно, почему он назначался на такие же пять дней, как и последующие междоцари, и имел такие же права как они, за исключением того, что обычно не руководил выборами высших магистратов. О том, с чем было связано непроведение выборов первым интеррексом, следует вести речь отдельно в вопросе об интеррексе как председателе консуль-

ских комиций (см. второй параграф главы III). Сейчас же отметим, что теоретически возможной помехой проведения птицегаданий любым представителем *patres* могла быть норма, в соответствии с которой ауспиции всегда совершались бы обязательно магистратом, то есть в данных чрезвычайных условиях до назначения интеррекса проводиться не могли. Действительно, мы не сомневаемся в том, что обычно только магистраты с империем могли проводить ауспиции (полученные на основе делегирования их от *patres* на время исполнения должности). Но в начальный момент интеррегнума, когда делегирование ауспиций от их естественных обладателей прекращалось, эта норма, судя по всему, не действовала, и «отцы» могли совершать птицегадания, не являясь магистратами. О том, что при переходе к междуцарствию, когда не было магистрата с империем, *patres*, не занимая никаких должностей, были правомочны проводить птицегадания, свидетельствует Тит Ливий (VI. 41. 6). Для ситуации интеррегнума у него от лица патрициев говорится следующее: «мы, даже будучи частными лицами, имеем ауспиции, которых эти люди (плебеи), разумеется, не имеют и магистратами»³²⁶. Следовательно, в соответствии с данным источником, в период междуцарствия ауспиции могли проводиться одним из *patres*, не занимавшим никакой должности и являвшимся частным гражданином. К тому же, если бы первый интеррекс был назначаем без надлежащих ауспиций, он не мог бы проводить ауспиции по поводу своего преемника. Частые досрочные отставки консулов и диктаторов по причине ошибки в птицегаданиях перед их назначением красноречиво свидетельствуют о том, что избранный огрешно не может сам проводить ауспиции и, следовательно, провозглашать своего преемника. Процитированное нами утверждение Ливия, что патриции определяют интеррекса *auspicato* (Liv. VI. 41. 6), относящееся в принципе к каждому, в том числе и к первому интеррексу, сомнений в достоверности передаваемой информации у нас не вызывает. Проводил ауспиции для первого интеррекса один из *patres*, опять-таки, возможно, старейший сенатор, совершая их по поводу любого другого патриция-сенатора, кроме себя самого.

Итак, выбранный по совершении ауспиций на собрании патрицианских сенаторов, не нуждавшийся с правовой точки зрения в утверждении голосованием народа на комициях, *interrex* должен был по истечении пятидневного срока полномочий передать их своему преемнику. Каким образом он это осуществлял, – следующий вопрос, на который требуется найти ответ при анализе механизма функционирования института междуцарствия. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют предполагать два возможных способа процедуры на этом этапе интеррегнума. Во-первых, – простую передачу инсигний преемнику, в том случае, если *patres* изначально определили по жребию некоторый ряд лиц для последовательной смены друг друга. Во-вторых, – назначение второго интеррекса первым, если ему предоставлялось

³²⁶ ...et privatim auspicia habeamus, que isti ne in magistratibus quidem habent.

право (хотя бы формальное) определить себе преемника по собственному выбору. Возможность для того и другого толкования дает Ливий. Первый способ можно усмотреть в тех случаях, когда сообщается, что *patres* назначили нескольких интеррекссов (V 17 4; XXII. 34. 1). Второй способ, – там, где речь идет о том, что избран был один интеррекс, он назначил следующего, а тот, в свою очередь, третьего (V 31. 8)³²⁷ Исследователи чаще склоняются к реальности первого способа, исходя, главным образом, из большего практического удобства этой процедуры: не нужно каждые пять дней выносить новое решение по очередной персоне³²⁸ Р Рилингер даже полагает, что через жребий определялась сразу первая десятка междуцарей. Нам же кажется, что соображения удобства для римлян не играли важной роли, так как в механизмах государственного регулирования они исходили, в первую очередь, не из практической целесообразности, а из традиции, соответствия правовым нормам и понятиям благочестия. Римский прагматизм, на наш взгляд, должен пониматься не как стремление к примитивно-утилитарной простоте решений, а как основательная предусмотрительность, политическая дальновидность и продуманность порядка действий даже в самых экстремальных ситуациях. О том, что жребий как метод избрания должностного лица не был, на наш взгляд, римлянам особенно близок, мы уже говорили. Добавим к этому, что названные фрагменты из текста Ливия, которые могут трактоваться в пользу избрания интеррексами сразу нескольких человек, не кажутся нам такими уж бесспорными в однозначном их понимании, поскольку свидетельствуют, в основном, о том, что был ряд сменявших друг друга междуцарей, а не о том, что они были персонально названы одним решением, хотя исполняли обязанности поочередно. Таким образом, мы склоняемся к версии назначения каждого последующего интеррекса его предшественником. Это, вместе с тем не означает, что мы рассматриваем действия междуцаря по провозглашению своего преемника как абсолютно независимые от всего коллектива *patres*. Мы не считаем, что он имел в этом отношении полную свободу воли и выбирал преемника только по своему усмотрению. Вероятнее всего, без настоячивых рекомендаций со стороны других патрицианских сенаторов дело не обходилось. В пользу такой трактовки говорит, например, интеррегnum 298 г до н. э., когда Аппий Клавдий, первый интеррекс, провозгласил в качестве второго междуцаря Публия Сульпиция, бывшего, по наблюдениям Й. Яна³²⁹, «другом политических врагов» Аппия Клавдия. Возможно, что именно подспудное влияние со стороны «отцов», выступавших в данном случае как своеобразный политический орган, на выбор персоны второго и последующих интеррексов и отразилось в утверждениях Ливия о назначении ими всех междуцарей од-

³²⁷ *interrex creatur M. Furius Camillus, qui P. Cornelium Scipionem, is deinde L. Valerium Potium interregem prodidit.*

³²⁸ Jahn J. Op. cit. S. 17; Rilienger R. Der Einfluß... S. 15.

³²⁹ Jahn J. Op. cit. S. 99.

ного междуцарствия. Мы же считаем наиболее вероятной норму, признававшую формально за интеррексом право провозгласить своего преемника, тем более, что в традициях управления римской общиной было именно соблюдение такой внешней преемственности должностных лиц (например, консул провозглашал нового консула по итогам выборов в комициях, консул же называл и сменяющего его диктатора, имея возможность *de iure* выбрать его сам, но *de facto* ориентируясь на мнение сената).

Признание за интеррексом права назвать имя очередного междуцаря влечет за собой вопрос о том, нужно ли было подтвердить его решение одобрением *patres*, то есть нужна ли была в этом случае *auctoritas patrum*? Некоторые исследователи предположительно упоминали о ней для этой ситуации³³⁰. Если же видеть картину междуцарствия такой, какой мы ее попытались нарисовать, то в ее контексте дополнительное одобрение со стороны *patres* выглядит излишним. Весь институт *interregnum* – это проявление авторитета *patres*, их сакральной и политической компетенции. Весь период междуцарствия – это время монополии сенаторов-патрициев на государственную власть. Поэтому в рамках данного института и внутри этого периода несколько странным и не вполне логичным выглядело бы одобрение «отцами» собственной деятельности.

Остается, в плане исследования механизма назначения междуцарей, выяснить, кто же собственно имел право быть интеррексом. Очень авторитетное и очень ясное свидетельство Цицерона (*Cic. Dom. XIV 38*)³³¹ определяет первое и главное условие – интеррекс должен быть патрицием. Антиковеды прошлого века подчеркивали, что плебей не мог быть в роли междуцаря, но в 1928 г., как мы уже отмечали во введении, Э. Бабелон опубликовал текст: *C. Octavius sp(ectavit) id(ibus) Iun(is) Q. Met(ello) int(er)ge*³³², в котором речь идет о плебейском интеррексе 53 г. до н. э., ранее перешедшем в плебеи из патрициев, чтобы в 59 г. до н. э. получить трибунат. Это единственное известное историкам исключение из правила, сформулированного Цицероном, объяснимое как нарушением строгих традиций в последние смутные десятилетия Республики, так и, на наш взгляд, тем, что по рождению Метелл все-таки был патрицием. Кроме патрицианского происхождения, вполне естественно, что интеррекс должен был быть сенатором, ибо патриции-сенаторы избирали его из своей среды, и с их выбором, как отмечает У. Паананен, ни народное собрание ничего не могло поделать, ни ссылка на закон³³³. То, что в течение всей Республики интеррекс оставался, в принципе, кандидатом *patres*, в то время как консул был представителем

³³⁰ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. B. I. S. 658; Siber H. *Römisches Verfassungsrecht*... S. 23, 138; Riling R. *Der Einfluß*... S. 15.

³³¹ cum interrex nullus sit, quod et ipsum patricium esse et a patriciis prodi necesse est.

³³² Цитировано по: Jahn J. *Op. cit.* S. 14.

³³³ Paananen U. *Senatus populusque Romanus. Studies in Roman Republican Legislation* // *Acta Instituti Romani inlandiae*. Helsinki. 1993. Vol. XIII. P. 23.

populus, подчеркивали С. Стэвели и Ф. Виакер³³⁴ П. Виллемс полагал, что междуцари должны были быть избираемы из курульных патрицианских сенаторов³³⁵, то есть из тех, кто ранее занимал курульные должности. П.-Ш. Рануиль отмечал, что право стать интеррексами имели только бывшие магистраты с империем³³⁶ Еще более сужали круг возможных кандидатов в интеррексы А. Магделен и Р. Огилви, которые видели таковыми только бывших консулов³³⁷

С принципиально иных позиций подходит к данному вопросу Ричард Митчелл³³⁸ Он предлагает рассматривать интеррекссов не как бывших курульных магистратов и даже вообще не как политических деятелей (патрицианских или плебейских), считая это не главным. Важнейшей же характеристикой общественного положения лиц, назначавшихся междуцарями, на его взгляд, было то, что они являлись жрецами (понтификами, авгурами, салиями). Этим Р. Митчелл объясняет, почему Квинт Цецилий Метелл был назначен в 53 г. до н. э. интеррексом, несмотря на его тогдашний плебейский статус: все определил его жреческий сан. Конечно, очень заманчиво видеть в междуцарях представителей, в первую очередь, жреческих коллегий, поскольку их политическая роль была явно сакрализована. Однако вся аргументация этой точки зрения строится на сведениях (не всегда однозначных) о четырех-шести интеррексах, занимавших эту должность после 200 г. до н. э. Ссылки на то, что римская историческая информация о периоде до Второй Пунической войны ненадежна, не убеждают нас считать сведения о столь немногих, к тому же позднереспубликанских, междуцарях репрезентативными, а, следовательно, данную точку зрения достаточно аргументированной. Нам кажется, что, понимая под кругом претендентов на магистратуру интеррекса самых влиятельных представителей patres, занимавших в том числе и жреческие должности, мы менее рискуем ошибиться, чем ограничивая этот круг только членами жреческих коллегий. Мы не сомневаемся в сакральной природе патрицианской привилегии назначать интеррекса, но из этого не вытекает необходимость выбирать его исключительно из жреческой среды.

Другое дело, что подавляющее большинство всех известных интеррекссов – консуляры. Поэтому у нас, без сомнения, есть основания, в первую очередь, рассматривать именно нахождение конкретного лица когда-либо в высшей ординарной магистратуре как важную предпосылку для наделения его полномочиями междуцаря. Однако оказывается, что она имела место не во всех абсолютно случаях. Тщательный анализ сведений источников позволил Й. Яну установить, что из четырех известных по междуцарствам 53 и 52 гг. до н. э. интеррекссов только один был консуляром, а остальным троим

³³⁴ Staveley E. Stuart. The Conduct... P. 194; Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte... S. 224.

³³⁵ Виллемс П. Указ. соч. С. 227.

³³⁶ Ranouil P.-Ch. Op. cit. P. 12.

³³⁷ Magdelain A. «Auspicia ad patres redeunt»... P. 346; Ogilvie R. M. Early Rome... P. 57.

³³⁸ Mitchell R. E. Op. cit. P. 26-29.

только еще предстояло быть консулами в ближайшем будущем³³⁹ Но это исключение только подтверждает правило, тем более, что оно опять-таки относится к ситуации последних беспокойных лет Республики. Наверное, наиболее точно будет сказать, что принадлежность к кругу патрициев-сенаторов была необходимым для избрания интеррексом условием, а консульское прошлое кандидата весьма желательным. На практике стремились выдерживать и то, и другое условие, что в принципе, видимо, было не трудно сделать, так как сенат пополнялся бывшими магистратами, и среди *patres-senatores* таковых было большинство.

В роли интерреков часто выступали крупнейшие фигуры своего времени, известные политические деятели и полководцы (что свидетельствует также и о престижности магистратуры). Так, три раза был интеррексом (в 396, 391 и 389 гг. до н. э.) «рекордсмен по занятию высших магистратур в раннем Риме»³⁴⁰ Марк Фурий Камилл. Если верить античным авторам, его биографию украшали пять диктатур, шесть раз он был военным трибуном с консульской властью, один раз цензором. Будучи блестящим полководцем, он четыре раза справлял триумф. Соперничавший в славе с Камиллом Марк Манлий, консул 392 г. и известный защитник Капитолия, также успел один раз побывать интеррексом (387 г. до н. э.). Влиятельный политик 50-х гг. IV в. до н. э. Марк Фабий Амбуст, трижды консул (360, 356 и 354 гг. до н. э.), по одному разу диктатор и начальник конницы (351 и 322 гг. до н. э.) удостоивался чести быть интеррексом в 355, 351 и, весьма вероятно, в 340 г. до н. э. Шесть раз занимал консульскую магистратуру (348, 347, 343, 335, 300, 299 гг. до н. э.) и дважды магистратуру диктатора (342, 302-301 гг.) Марк Валерий Корв, междоуцарь 332 и, скорее всего, также 340 гг. до н. э. Знаменитый цензор 312 г. до н. э. Аппий Клавдий Цек, который исполнял, кроме того, и консульскую (307 и 296 гг. до н. э.), и преторскую (295 г. до н. э.) должности, назван в его элогии трижды интеррексом (CIL. Vol. 1. P. 192; Insc. It. Vol. XIII. 3. 79. P. 59). Один интеррегнум, в котором он значился среди главных действующих лиц, приходится на 298 г. до н. э., а еще два, скорее всего, должны определяться как 300 и 291 гг. до н. э. Имевший, не считая прочих должностей, двукратную диктатуру (221 и 217 г. до н. э.) и пятикратный консулат (233, 228, 215, 214, 209 гг. до н. э.) заслуженный полководец Квинт Фабий Максим, как значится в его элогии (CIL. Vol. 1. P. 193; Insc. It. Vol. XIII. 3. 80. P. 60.), был интеррексом дважды. С наибольшей вероятностью эти интеррегнумы следует отнести к 222 и 208 гг. до н. э. Луций Эмилий Павел, консул 182 и 169 гг. до н. э., был интеррексом в 162 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 194; Insc. It. Vol. XIII. 3. 81. P. 61). Трижды был интеррексом консул 61 г. до н. э. и претор 64 г. до н. э. Марк Валерий Мессалла, – в 55, 53 и 52 гг. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 201; Insc. It. Vol. XIII. 3. 77. P. 55). Одно только перечисление

³³⁹ Jahn J. Op. cit. S. 14.

³⁴⁰ Маяк И. Л. Римляне ранней Республики... С. 32.

самых ярких фигур, в послужном списке которых значились и краткие по продолжительности, но существенные по политической роли пребывания в должности интеррекса (о чем потомки помнили в числе главных заслуг государственного деятеля), свидетельствует о том, что римляне считали эту магистратуру очень важной и доверяли ее самым уважаемым гражданам.

Правовой механизм функционирования института междуцарствия основывался на постоянной смене интеррекса каждые пять дней. Эта передача власти от интеррекса к интеррексу продолжалась до выборов высших ординарных магистратов. Обычно интеррексов было не менее двух, максимальное же их количество не устанавливалось, поскольку оперативность восстановления ординарной власти зависела от политической обстановки. Анализ сведений источников о практике республиканского междуцарствия показывает, что нормальным было междуцарствие с числом интеррексов до пяти; довольно редко их количество приближалось к десятку, а выходило за его пределы в исключительных случаях. Так, об одиннадцати междуцарях говорит Ливий для 352 г. до н. э. (Liv. VII. 21. 2-4) и о четырнадцати интеррексах (максимальное количество их в донесенных источниками сведениях о продолжительности междуцарствия) для 326 г. до н. э. (Liv. VIII. 23. 17). Р. Рилингер по необъясненным им причинам называет для этих случаев 12 и 15 интеррексов соответственно³⁴¹. Возможно, он полагает, что к названному Ливием количеству междуцарей нужно добавить еще по одному, которые являлись первыми и не стремились провести выборы, а Ливий сосчитал только тех, которые могли бы провести их, но не провели. Однако прямо из текста античного историка этого не следует, поэтому мы принимаем приводимые им цифры. Простой подсчет показывает, что в первом из названных случаев *interregnum* длился 55 дней, а во втором – 70 дней. Затяжка междуцарствия в 326 г. до н. э. была особенно опасна, так как проходила в обстановке войны с самнитами. Несмотря на сложные военные условия, в течение 40 дней (приходившихся к тому же на летнюю военную кампанию) продолжалось междуцарствие в 355 г. до н. э., когда друг друга успели сменить восемь интеррексов (Liv. VII. 17-10). Длительный *interregnum*, растягивавшийся на 1-2 месяца был, в целом, не характерен для республиканской эпохи, ибо и *patres*, и весь гражданский коллектив были заинтересованы в скорейшем восстановлении обычного порядка осуществления государственной власти.

Таким образом, возникнув в период первых царей как «декуральная система», институт междуцарствия в республиканском Риме изменил механизм своего функционирования, приспособив его к новым политическим условиям и задачам. Порядок назначения интеррексов стал включать в себя ряд последовательных процедур, схематичное изложение которых в нашем рассмотрении выглядит так: собрание *patres* без магистратского созыва (и на протяжении V-III вв. до н. э. без предварительного общесенатского поста-

³⁴¹ Rilinger R. Der Einfluß... S. 20.

новления, а затем на основе сенатусконсульта) для определения первого интеррекса из своей среды путем голосования, с необходимыми ауспигиями, но без утверждения на комициях; провозглашение первым и последующими интеррексами преемника при формальном праве самому осуществить выбор, но фактически при учете мнения *patres* без специального *auctoritas patrum*; противодействие со стороны плебейских трибунов при назначении интеррекса до конца III в. до н. э. было невозможно. В целом, политический институт *interregnum* предстает перед нами как консервативный с точки зрения длительного закрепления за исходным ядром гражданского коллектива – общиной патрицианских *gentes* – прав на высшую государственную власть в целях обеспечения ее преемственности, а, следовательно, и устойчивости римской *civitas*.

Г л а в а III

INTERREX КАК НОСИТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

3.1 Характер полномочий интеррекса

Республиканское междуцарствие было призвано восстановить нормальный порядок управления римской общиной, ликвидировать образовавшееся «безвластие» в привычном для ее граждан понимании власти как наличия носителей годичного империя (консулов либо военных трибунов с консульской властью) или обладателя полугодового империя (диктатора). Вводимый на «переходный период» между полномочиями названных должностных лиц, был ли сам интеррегнум «временным правлением», то есть настоящим политическим институтом, а интеррексы – полновластными магистратами? Для понимания сути данной чрезвычайной структуры римского республиканского государственного устройства ответ на этот вопрос принципиально важен.

Начнем анализ этой проблемы с того, что попытаемся установить, был ли *interrex* единственным персонажем на политической авансцене в течение предоставленных ему пяти дней, и как обстояло дело с ординарными должностными лицами «второго плана», поскольку традиционных первых государственных мужей заведомо не было. Вопрос этот, несомненно, интересный в плане изучения полномочий интеррекса, обычно мало привлекает внимание исследователей; если они и обращаются к нему, то на уровне краткого замечания³⁴²

В случае наступления интеррегнума по окончании административного года, когда по каким-либо причинам не были проведены выборы магистратов, все очевидно: интеррекс действовал при полном отсутствии должностных лиц. Более проблематичным является выяснение политической судьбы преторов и других магистратов, если к междуцарствию прибегали до истечения административного года. Цицерон в трактате «О законах», говоря об условиях передачи власти междуцарю, называет только отсутствие консулов и диктатора (Cic. Leg. III. 3. 9). Тит Ливий при изложении конкретных ситуаций перехода к интеррегнуму обычно ограничивается также констатацией высвобождения консульских мест или прекращения диктаторских полномо-

³⁴² Liebenam W. *Interregnum*.... S. 1717; Санчурский Н. В. Римские древности... С. 82; Jahn J. *Op. cit.* S. 13.

чий (Liv. III. 7 6 – 8. 3; V 17 2-3; VI. 1. 5-8; VII. 21. 2; VIII. 17 4-5; VIII. 23. 14-17 и др.), о том же свидетельствует и Плутарх (Plut. Marc. VI. 1). Однако Цицерон в письме к Бруту сообщает: «пока будет хотя бы один патрицианский магистрат, ауспиции не могут возвратиться к отцам» (Cic. Ep. ad Brut. I. 5. 4)³⁴³, то есть интеррегнум означает отсутствие всех патрицианских магистратов. Подтверждением этому служат и слова Диона Кассия, что междуцарствие было возможно при удалении от должности всех патрицианских носителей власти (Dio. Cass. XLVI. 45. 3)³⁴⁴. Анализируя эти сведения источников, мы приходим к выводу, что предпосылкой для возникновения междуцарствия было отсутствие именно высших магистратов, но сама ситуация интеррегнума означала, что все патрицианские магистраты, лишившись консульского руководства, прекращали исполнение должностных обязанностей. Конечно, остается вопрос о том, что понимать под патрицианскими должностями, поскольку наши информаторы, и Цицерон, и Дион Кассий говорят о поздней Республике, когда паритет патрициев и плебеев в магистратурах был давно достигнут. Судя по всему, речь у названных авторов идет не о конкретных носителях (патрициях или плебеех) той или иной должности, а о тех магистратурах, которые когда-то появились как патрицианские, а потом уже в них были допущены плебеи (иначе тогда нельзя рассматривать даже консульскую магистратуру как патрицианскую, что они, со всей очевидностью, делают). Короче говоря, мы понимаем так: с наступлением междуцарствия, после гибели или отставки консулов, все остальные должностные лица автоматически прекращали исполнение обязанностей, за исключением плебейских трибунов. В принципе, сохранение трибунами полномочий в такой обстановке свидетельствует о том, что они были не вполне магистраты и стояли особняком в общей структуре государственного управления (мы бы даже сказали, что они были вне ее, но имели право оказывать на нее влияние своим вмешательством в дела магистратов). Аналогичное интеррегнуму положение, когда происходило «замирание» деятельности всех магистратов, а плебейские трибуны сохраняли свой статус, имело место при введении раннереспубликанской диктатуры³⁴⁵. Отличие же для ординарных магистратов ситуаций междуцарствия и диктатуры заключалось в том, что после сложения диктаторских полномочий, если административный год еще не истек, они возобновляли свои функции в полном объеме, по завершении же междуцарствия должен был начаться новый консульский срок; а со сменой консулов менялся и персональный состав прочих магистратур. Плебейские трибуны (с большой вероятностью мы можем предположить, что также и плебейские эдилы как их помощники) и в том, и в другом случае были не связаны, в отличие от собственно магистратов, с консульским годом, так как избирались

³⁴³ ...dum unus erit patricius magistratus, auspicia ad patres redire non possunt.

αδυνατον την μεσοβασίλειαν δι' ολίγου... κατά τα πατρία γενεσθαι, πολλων ανδρων των τας ευπατριδας αρχας εχοντων αποδημουντων.

³⁴⁵ См.. Дементьева В. В. Указ. соч. С. 93-96.

отдельно, на трибутных комициях и не были органичной частью исполнительной власти.

На наш взгляд, именно то обстоятельство, что для трибунов нет никакой «досрочной отставки» и имеют в виду Цицерон и Дион Кассий, когда подчеркивают уход в обстановке междуцарствия магистратов, уточняя, патрицианских. В том, что плебейские трибуны действуют во время интеррегнума, не оставляет нам сомнений Тит Ливий, многократно их упоминая в связи с интеррегнумом в различных местах своего труда (Liv. IV 43. 8; VII. 21. 2-3; XX. 34. 1-3 и др.), хотя характер их деятельности в период ранней Республики он мог искажать, представляя его на основе более близких ему времен Республики поздней. О взаимоотношениях плебейского трибуна с интеррексом говорит и Цицерон (Cic. Brut. XIV 55), подтверждая на сей раз уже не косвенно, а прямо сохранение трибунами своей должности в период междуцарствия. О том, какую позицию могли занимать трибуны в это время, следует вести отдельный разговор в связи с руководством интеррексом консульскими выборами, сейчас же мы только констатируем наличие плебейских защитников при интеррегнуме.

Таким образом, мы видим, что при наступлении междуцарствия ординарные магистраты прекращали исполнение должностных обязанностей, но плебейские трибуны сохраняли свой статус. Поскольку *interrex* являлся полномочным представителем *patres*, осуществлявших в период интеррегнума свое исключительное право на верховную власть, то мы не должны забывать о них в качестве политической силы (можно даже сказать оформленной в своеобразную коллегия, то есть выступавшей в качестве властного органа). То, что «отцы» имели реальное влияние на интеррекса, бывшего исполнителем их коллективной воли, говорит не только тот факт, что он был их ставленником, но и их конкретные действия, например, при интеррегнуме 352 г. до н. э., так описанные Ливием: *patres* приказали интеррексу Луцию Корнелию Сципиону общего согласия ради соблюдать на консульских комициях закон Лициния Секстия (Liv. VII. 21. 4.)³⁴⁶ Следовательно, сенаторы-патриции могли повелеть интеррексу что-либо сделать, видимо, в форме настоятельной рекомендации. Наконец, в период интеррегнума собирались комиции для проведения консульских выборов, что свидетельствует также о признании за квиритами их права на центуриатных собраниях восстановить нарушенный ряд высших магистратов. В целом, мы видим, что интеррекс действует на политической сцене не в совершенном одиночестве, но при полном отсутствии структур исполнительной власти. И мы переходим к вопросу о том, был ли сам интеррекс магистратом, а если был, то обладал ли он империем.

Мнения по этому поводу в историографии самые противоположные. Ряд авторов, как правило, не вдаваясь в детали и не занимаясь поиском аргу-

³⁴⁶ Quorum taedio patres L. Cornelium Scipionem interregem concordiae causa observare legem Licinian comitiis consularibus iussere.

ментов, констатируют, что интеррекс был магистратом с империем. Эта точка зрения была сформулирована столпами немецкого антиковедения – Й. Рубино, Т. Моммзеном, Л. Ланге, Э. Херцогом³⁴⁷. Она была принята И. В. Негушилом³⁴⁸, содержалась в работах таких видных антиковедов как К. Х. Фогель³⁴⁹, Х. Зибер³⁵⁰, У фон Любтов³⁵¹, Ф. Де Мартино³⁵², Эр. Мейер³⁵³. Иной точке зрения, об отсутствии у интеррекса империя, положил начало А. Ниссен³⁵⁴. С тех пор она периодически появляется в трудах различного характера. Так, С. Стэвели вообще отрицал, что интеррекс был магистратом³⁵⁵. Опираясь на его точку зрения в комментариях к тексту Ливия Р. Огилви, отмечавший, что интеррекс не был самостоятельным магистратом, а только представителем *patres*³⁵⁶. Р. Рилингер не признает его носителем империя³⁵⁷. Н. В. Чеканова, называя интеррекса номинальной должностью, отмечает его неправомочность и заключает: «Практически междуцари не имели никакой власти и лишь формально сохраняли ее преемственность и непрерывность»³⁵⁸.

Проанализируем внимательно информацию источников. Асконий прямо называет интеррекса М. Лепида курульным магистратом (*Asc. in Mil. 29*)³⁵⁹. Однако С. Стэвели сомневался в том, что в приведенной цитате собственно должность интеррекса названа курульной³⁶⁰. Он предполагал, что М. Эмилий Лепид в 53 г. до н. э. вполне мог быть курульным эдилом, и именно это имел в виду Асконий, когда говорил о нем как об интеррексе. Хотя наблюдения С. Стэвели не вполне нас убеждают, примем их к сведению и рассмотрим подробнее, что сообщают нам источники о полномочиях интеррекса.

Цицерон, в числе магистратов, имеющих право обращаться с речью к народу и к «отцам», называет кроме консула, претора, диктатора и его заместителя еще и интеррекса (*Cic. Leg. III. IV 10*). Это *ius agendi cum patribus et cum populo* историками римского права традиционно понимается как возможность для магистрата вносить в сенат *relationes*, а в народное собрание –

³⁴⁷ Rubino J. Op. cit. S. 93; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*... B. I. S. 637, 649; Mommsen Th. *Römische Forschungen*... S. 271; Lange L. *Römische Alterthümer*... S. 289; Herzog E. *Das Institut*... S. 512; Herzog E. *Geschichte*... S. 731.

³⁴⁸ Негушил И. В. Очерк... С. 167.

³⁴⁹ Vogel K. H. *Imperium und Fasces* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R. A. Weimar, 1950. B. 67. S. 78.

³⁵⁰ Siber H. *Römisches Verfassungsrecht*... S. 77-78.

³⁵¹ von Lübtow U. *Die lex curiata*... S. 157; von Lübtow U. *Das Römische Volk*... S. 183.

³⁵² De Martino F. *Storia*... P. 216.

³⁵³ Meyer Er. *Römischer Staat*... S. 161.

³⁵⁴ Nissen. A. Op. cit. S. 49-51.

³⁵⁵ Staveley E. Stuart. *The Conduct*... P. 194-196.

³⁵⁶ Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy*... P. 409.

³⁵⁷ Rilienger R. *Der Einfluß*... S. 18.

³⁵⁸ Чеканова Н. В. Эволюция системы триумвирата в Риме при переходе от республики к империи. Ярославль, 1992. С. 22.

³⁵⁹ ...domus M. Lepidi interregis – is enim magistratus curulis erat creatus...

³⁶⁰ Staveley E. S. *The Conduct*... P. 196 -197.

rogationes³⁶¹ Без сомнения, Цицерон причислил междуцаря не просто к магистратам, а к магистратам с империем. Реализацию права обращаться с речью мы видим у Ливия, когда интеррекс Луций Папирий Мугиллан предлагает принять внесенный ранее консулами закон об избрании дополнительно к двум городским квесторам еще двоих для ведения войны, а сенаторам – не возражать против избрания военных трибунов с консульской властью (Liv. IV 43. 12). У Паананен называется интеррекса Луция Папирия «архитектором этого решения»³⁶²

Именно из *ius agendi cum patribus et cum populo* вытекало руководство магистратом выборами должностных лиц, а выборы консулов (проведение которых являлось целевым назначением интеррекса и ими непременно заканчивался каждый интеррегнум) – прерогатива не просто магистрата с империем, а высшего магистрата, ординарного или экстраординарного. Кроме интеррекса руководить консульскими выборами могли только консул и диктатор, в один ряд с которыми это право его неизбежно ставит.

Очень важным для нас является свидетельство Ливия в сорок первой книге его труда (Liv. XLI. 9. 11). «К закону и консульскому указу добавлено было сенатское постановление: пусть всякий диктатор, консул, интеррекс, цензор, претор – нынешний или будущий, – перед которым кто-то будет отпущать кого-то на волю или возбуждать иск о чем-то восстановлении в правах свободного человека, требует от отпускающего на волю клятвенного заверения в том, что это делается не с целью перемены гражданства; а без такой клятвы отпущенье на волю не будет иметь силы.» (Перевод В. Н. Чемберджи)³⁶³ Иначе говоря, интеррекс не просто перечислен среди высших магистратов, но утверждается, что он полномочен совершать акты высшей гражданской власти.

О внесении интеррексом закона в комиции мы знаем применительно к ситуации 82 г. до н. э., когда Валерий Флакк, будучи в этой роли, внес предложение о введении диктатуры для приведения в порядок государственного управления (App. B. C. I. 98). Конечно, можно возразить, что весь этот интеррегнум был инспирирован Суллой, о чем свидетельствует Аппиан³⁶⁴ Однако факт принуждения сената со стороны Суллы к избранию междуцаря совсем не является показателем того, что при данном интеррегнуме у интеррекса были не свойственные в принципе его должности права. Ведь институт *interregnum* продолжал еще свою политическую жизнь, а не был реанимирован после смерти более века спустя, как диктатура этого времени. Поэтому далеко не все правовые нормы его функционирования могли игнорироваться, и

³⁶¹ Покровский И. А. Указ. соч. Пг. 1918. С. 75.

³⁶² Paananen U. Op. cit. P. 23.

³⁶³ Ad legem et edictum consulis senatus consultum adiectum est, ut dictator, consul, interrex, censor, praetor, qui nunc esset quive postea futurus esset, apud eorum quem qui manu mitteretur, in libertatem vindicaretur, ut ius iurandum daret, qui eum manu mitteret, civitatis mutande causa manu non mittere; in quo id non iuraret, eum manu mittendum non censuerunt.

³⁶⁴ ...τη βουλη προσεταξεν ελεσθαι τον καλουμενον μεταξυ βασιλεα..

мы, исходя из того, что знаем о полномочиях интеррекса по другим источникам, не видим ничего незаконного в законодательном предложении народному собранию со стороны интеррекса Валерия Флакка.

Мы полагаем, что по имеющимся свидетельствам источников вполне можно усмотреть у интеррекса права высшего магистрата в сфере *domi*. Естественно, что упоминания об этом немногочисленны, но для примерно сорока известных нам междоусобиц за всю республиканскую историю существования института, при такой кратковременности срока полномочий каждого интеррекса трудно от римской традиции ожидать большего. Говоря о сфере *domi*, мы понимаем под ней область гражданского управления вообще, отвлекаясь, например, от такой проблемы, как вопрос о том, включала ли она в себя судебские функции, или же они вытекали из полномочий *militiae*. Отметим только, что, как убедительно показал А. Джованнини, понятие *domi* связано, прежде всего, с представлениями о мирном положении государства, а не с конкретным городом и его границами в виде померия³⁶⁵. В его исследовании доказательно аргументирован вывод, что *romerium* не должен пониматься в качестве разделительной линии для объема полномочий магистрата.

Что касается наличия у интеррекса конкретных властных функций в сфере *militiae*, то в нашем распоряжении, по существу, одно свидетельство античных писателей. Принадлежит оно Саллюстию, который в речи Луция Марция Филиппа в сенате приводит слова о том, что в обстановке, когда Марк Лепид ведет войско на Рим, «пусть интеррекс Аппий Клавдий вместе с проконсулом Квинтом Католом и другими лицами, облеченными империем, обороняют Город и принимают меры, чтобы государство не понесло ущерба» (Sallust. Hist. I. 2. 22. Перевод В. О. Горенштейна). На языке оригинала этот текст выглядит так: *uti Appius Claudius cum Q. Catulo pro consule et ceteris quibus imperium est, urbi praesidio sint operamque dent, ne quid respublica detrimenti capiat*. Мы привели этот отрывок, чтобы обратить внимание на некоторое затруднение трактовки оборота «*ceteris quibus imperium est*». Понимать ли его в значении «с другими, как и он, имеющими империй» или же как «с другими, в отличие от него, имеющими империй»? Второй вариант, как противопоставление интеррекса Аппия Клавдия магистратам с империем, усматривал в этом выражении А. Ниссен, делая вывод, что он был *sine imperio*³⁶⁶. Для нас же вполне очевидно, что никакого противопоставления интеррекса магистратам *cum imperio* у Саллюстия нет. Дело ведь в том, что интеррексу вместе с проконсулом и другими лицами с империем предлагается командовать войсками в период обороны Рима, и у выступающего нет сомнений в правомочности этого для интеррекса. Не предлагал же в самом деле Марций усилить оборону города еще одним рядовым воином – интеррексом Аппием Клавдием. Мы, таким образом, расцениваем это свидетельство Саллюстия

³⁶⁵ Giovannini A. *Consulare imperium...* S. 1-30.

³⁶⁶ Nissen A. *Op. cit.* S. 50-51.

как показатель того, что в его эпоху представление о наличии у интеррекса права командования войсками было само собой разумеющимся.

Отмечая полномочия междущаря в гражданской и военной деите: сти, характеризующие его как магистрата с империем, не забудем о его сакральной компетенции, имея в виду неотъемлемое и безусловное право совершать ауспиции (по поводу которого источники единодушны как в отношении назначения интеррексом преемника, так и в отношении кандидатов на консульские места). «Ауспициями, – отмечает О. В. Сидорович, – была пронизана вся римская общественная жизнь, особенность которой заключалась во взаимопроникновении светской и сакральной власти»³⁶⁷ Хотя А. М. Сморгчов говорит об отделении политической сферы от сакральной как существенной черте организации римской сакральной области республиканской эпохи³⁶⁸ и десакрализации власти³⁶⁹, надо полагать, что имеется ввиду только разделение жречества и магистратуры. Религиозная компетенция магистратов сохранялась, и толкование должностными лицами воли богов по поводу важнейших государственных дел продолжало играть существенную роль в политической жизни римской общины.

Проведение птицегаданий, вполне справедливо квалифицируемое историками права как *ius auspiciorum* (то есть право общения с богами от имени римского народа) было составной частью прав магистратов с империем. Имея истоки в религиозно-магической сфере, понятие империя осталось сакрализованной категорией; харизма его обладателя включала в себя магическую силу, на которой и основывалось право узнавать волю богов. Власть, вытекающая из империя, имела характер божественного повеления. Мы разделяем формулировку А. Хойса, которая кажется нам точной и отражающей суть рассматриваемого явления: власть должностных лиц идентифицировалась с *auspicium* и под этим обозначением существовала³⁷⁰

Внешним выражением магистратской власти в Риме, как известно, были инсигнии, являвшиеся ее символами и одновременно атрибутами вполне практического и даже утилитарного назначения. Ликторы, несущие *fascēs*, – это сопровождение магистрата, которое как бы завершает его зрительный образ в нашей исторической памяти, – было, вероятно, не столь романтическим, а весьма грозным в живой памяти римлян. Как отмечает В. Ниппель, магистрат не появлялся публично без ликторов, которые были символом его власти, а не личной охраны³⁷¹ Когда появились фаски, – точно сказать трудно, поскольку античные авторы сообщают противоречивые сведения: при Ромуле (Liv. I. 8. 2; Dionys. II. 29), при Тулле Гостилий (Cic. Resp. II. XVII. 31, Plin. N. H. IX. 63. 136) или при Тарквинии (Dionys. III. 61. 2; III. 62. 1, Zon.

³⁶⁷ Сидорович О. В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 84.

³⁶⁸ Сморгчов А. М. Положение жречества в эпоху ранней республики // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 45.

³⁶⁹ Там же. С. 46.

³⁷⁰ Heuß A. Gedanken... S. 3 (376).

³⁷¹ Nippel W. Aufruhr und «Polizei»... S. 19-26.

VII. 8). В любом случае, республиканским магистратам они достались по наследству от царской эпохи. На вопрос о том, имел ли интеррекс в своем официальном сопровождении ликторов с фасками, Дионисий Галикарнасский и Тит Ливий отвечают абсолютно утвердительно (Liv. I. 17 5; Dionys. II. 57 1). При этом Ливий, считавший, что при первом интеррегнуме (после смерти Ромула) власть каждые пять дней переходила от декурии к декурии, тем не менее, замечал, что знаки власти и ликторы были у одного³⁷² Сколько было ликторов у интеррекса, – источники не сообщают нам точной цифры, поэтому приходится предполагать, что их было не меньше, чем у консула, которого он избирал, то есть 12. Еще вернее будет предположить, учитывая, что интеррекс появился в царскую эпоху как временный заместитель царя, что у него было царское количество ликторов. Их же число историки определяют, основываясь на анализе различных сведений источников, как 24 вне города и 12 в Риме³⁷³ Эта максимально возможная у римлян свита была и у диктатора. С кем уравниен был междуцарь по количеству ликторов, – с царем или консулом, – не столь важно, главное сам ряд должностных лиц, в который мы должны его поместить на основании внешних (но отражавших в римском восприятии сущностные характеристики) символов. В самом начале междуцарствия, до назначения первого интеррекса, фаски находились в роще храма Либитины, о чем пишет Асконий (Ascon. in Mil. 32)³⁷⁴

Кроме ликторов с фасками было у интеррекса курульное кресло (*sella curulis*), что так же следует из сообщения Аскония (Ascon. in Mil. 34). Поскольку же Ливий говорит вообще об инсигниях, то не приходится сомневаться, что наделен интеррекс был и остальными знаками власти – тогой-претекстой и скипетром с орлом. Если трудно представить себе высшего римского магистрата без инсигний, то еще труднее представить, что человек, облеченный этими атрибутами власти, – не магистрат.

Одно, но очень важное свидетельство эпиграфики позволяет нам считать интеррекса магистратом-эпонимом. Это уже цитированная нами надпись, относящаяся к 53 г. до н. э.: «C. Octavius sp(ectavit) id(ibus) Iun(is) Q. Mete(ello) int(er)tege»³⁷⁵, которая красноречиво говорит о том, что даже в I в. до н. э. интеррекс определял датировку по «политическому календарю».

Сказанным обуславливается наше понимание должности интеррекса как высшей магистратуры, а его – как носителя империя. Совсем не трудно увидеть генетические связи его империя с *regium impregium*, легко объяснимые происхождением института междуцарствия. Э. Корнеманн рассматривал интеррекса как одного из двух (наряду с *rex sacrorum*) прямых остатков цар-

³⁷² Decem imperitabant: unus cum insignibus imperii et lictoribus erat.

³⁷³ См., например: Werner K. Der Beginn... S. 262; von Lübtow U. Die Römische Diktatur // Der Staatsnotstand. Berlin, 1965. S. 95-96.

³⁷⁴ ...tum fasces ex luco Libitinae raptos attulit (sc. multitudo) ad domum Scipionis et Hypsaeci, deinde ad hortos Cn. Pompei, clamitans eum modo consulem, modo dictatorem...

³⁷⁵ Цитировано по: Jahn J. Op. cit. S. 14.

ской власти³⁷⁶ Конечно, «остатков» этих, явных и замаскированных, было много, в том числе и консульский империй, и империй диктатора. Идея Т. Моммзена о континуитете между царским периодом и Республикой, проявившемся, прежде всего, в наследовании республиканским устройством высшей должностной власти – империя, подтверждается примером интеррегнума и принимается нами. Другое дело, что нам кажется преувеличенным его представление о преобладающей и самодовлеющей роли основанной на империи магистратской власти в римской республиканской конституции. *Imperium* должностных лиц, что очень хорошо заметно при анализе института междоцарствия, был вторичен по отношению к функциям *patres*, общественный вес которых в политической жизни первых двух веков Республики был выше магистратского. Понимание Б. Линке компетенции магистрата как производной от решения *patres*³⁷⁷ не вступает в противоречие с нашим рассмотрением не только способа получения полномочий интеррексом, но и их характера.

Трактовка компетенции интеррекса как полномочий магистрата с империем имеет существенный контраргумент: в источниках нигде не указано, что он получал *lex curiata de imperio*. Это обстоятельство, однако, не заставляет нас отказаться от нее. Наше видение причин, по которым данный акт не проводился, сводится к следующему. Куриатный закон об империи – способ признания за магистратом, выбранным не куриями, а центуриатными собраниями, его политических и религиозных полномочий со стороны именно куриатной организации. Куриатная организация – политическое оформление древней сакральной общины патрицианских *gentes*, сохранявшая на всем протяжении республиканской эпохи значение источника империя и ауспиций. Нам близко понимание В. Н. Токмаковым курий с их собраниями как суверенной общины, а центуриатных комиций как ее военной организации³⁷⁸. Если суверенная община нуждается в специальной процедуре подтверждения высшей власти (и связанных с ней ауспиций) для лица, избранного на должность в ее военной организации, то для выделенного непосредственно от ее имени самыми влиятельными ее членами и руководителями (кем, без сомнения, и были *patres*) полномочного ее представителя в этом нет особой необходимости. Являясь одним из «отцов», к которым вернулись с наступлением интеррегнума ауспиции, а с ними и вся исполнительная власть, интеррекс и так уже был потенциальным носителем империя и ауспиций. Именно этим мы объясняем внешнее противоречие: интеррекс – магистрат с ауспициями и империем, но не получивший *lex curiata*.

От всех римских республиканских магистратов интеррекс отличался очень кратким сроком своих полномочий, пятидневная продолжительность которого (*Liv.* I. 17 5; *Dyonis.* II. 57 2; *App.* B. C. I. 98) изначально была связана, как мы видели, с пятью днями обряда *Regifugium*. Плутарх (*Plut. Num.*

³⁷⁶ Kornemann E. *Römische Geschichte*... S. 68-69.

³⁷⁷ Linke B. *Op. cit.* S. 145.

³⁷⁸ Токмаков В. Н. *Воинская присяга*... С. 134-137.

II) называет еще меньший срок – 12 часов, из которых 6 приходилось на светлое время и 6 – на ночное. Но сведения Плутарха можно трактовать и как распределение ежесуточного времени при выполнении междуцарем должностных обязанностей (которые, кстати, характеризуются Плутархом как занятия государственными делами и принесение богам установленных жертв). Судя по всему, именно столь малое время нахождения у власти не позволяло междуцарям реализовать на практике свой империй в чем-то другом, кроме созыва комиций и руководства выборами консулов. Они, видимо, и не стремились предпринимать какие-то значительные политические шаги, поскольку даже для осуществления текущих дел по подготовке выборов или назначению преемника у них было мизерное количество времени. Из замечания Цицерона мы знаем, что интеррекс, например, не имел возможности заниматься правовыми вопросами, требующими длительного времени (Cic. Ep. ad fam. VII. 11)³⁷⁹ При этом из данного письма Цицерона со всей очевидностью следует, что в период междуцарствия у интеррекса были судебные функции. А это опять-таки свидетельствует о наличии у него империя. В свою очередь, не совершив из-за краткости срока полномочий других запоминающихся дел, кроме восстановления нормального порядка государственной жизни, интеррексы не оставили в античной традиции памяти об иных своих мероприятиях.

Кратковременностью полномочий, на наш взгляд, отчасти объясняется тот факт, что интеррекс, в отличие от других римских магистратов, не давал присягу на верность законам. Мы не имеем здесь в виду сакральную клятву верности новой правовой норме, которая приносилась всеми гражданами и всеми магистратами после ее принятия. Эта процедура (характер ее подвергнут интересному анализу Л. Л. Кофановым³⁸⁰), разумеется, была обязательна для всех. Речь идет о присяге на верность законам, которая давалась магистратом после вступления в должность. То, что междуцарь ее действительно не давал, подтверждается отсутствием упоминаний о нем при перечислении в источниках должностных лиц, обязанных приносить присягу. В историографии вопроса имеется попытка Р. Митчела объяснить отсутствие присяги со стороны интеррекса тем, что все междуцаря были жрецами, для которых достаточно было религиозных обязательств перед общиной³⁸¹. Поскольку доказать неприменную принадлежность междуцарей в момент их провозглашения к жреческим коллегиям невозможно, то этот аргумент для нас не убедителен. Как нам кажется, на поверхности лежит простое объяснение данного обстоятельства: первые пять дней после избрания любой магистрат мог обходиться

³⁷⁹ Quis enim, tot interregnis, iure consultum desiderat? Ego omnibus unde petitur hoc consilii dederim, ut a singulis interregibus binas advocaciones postulent. (Кому потребуется юристконсульт при столь частом междуцарствии? Всем, кому предъявляют иск, я давал бы такой совет: просить у каждого интеррекса по две отсрочки для подготовки защиты.)

³⁸⁰ Кофанов Л. Л. Закон и обычай как инструменты власти в архаическом Риме // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 118-119.

³⁸¹ Mitchell R. E. Op. cit. P. 26-29.

без принесения присяги (Liv. XXXI. 50. 7), а этими пятью днями интеррекс исчерпывал срок полномочий. Более глубокие причины отсутствия присяги со стороны междучаря могут быть аналогичны тем, по которым не требовалось проведения для него *lex curiata de imperio*. Присяга на верность законам требовалась от магистрата, избранного на центуриатных комициях, или даже назначенного по решению сената (диктатор), но не обязательно представителя *patres*. Интеррекс же и так олицетворял собой законность исходной власти «отцов» в куриатной организации, являвшейся первоосновой формирования римского полиса.

Итак, поставив вопрос о том, имел ли интеррекс империй, мы отвечаем на него утвердительно и рассматриваем должность междучаря как высшую магистратуру чрезвычайного характера. Интеррегнум – это временный способ управления государством, а каждый интеррекс – временный правитель, в исходном смысле временный *tex*. Мы считаем возможным называть эту должность экстраординарной магистратурой, хотя в литературе предлагалось считать таковыми только не предусмотренные конституцией³⁸² Интеррегнум был, разумеется, ею предусмотрен, он являлся одним из самых древних звеньев римского государственного устройства и сохранялся до конца Республики в архаических формах. Но он был чрезвычайным по характеру целей, которые перед ним стояли и обстановке, в которой он вводился. Что касается определения Э. Херцогом интеррегнума как субстрата магистратуры³⁸³, то он, конечно, субстрат, но магистратуры ординарной. Имея сопряженные с империем ауспиции, интеррекс был не только персонафицированным хранителем властных полномочий, но и реально осуществлял их, в первую очередь, тем, что возобновлял деятельность консулата. Важность и неотложность решения этой задачи в условиях крайнего дефицита времени не позволяли интеррексу применять в иных целях свой империй. Однако, как мы видели, это отнюдь не свидетельствует о том, что компетенция интеррекса была заведомо узкой и включала в себя только одну функцию. Поэтому нам представляется принципиально неверной формулировка, встречающаяся даже в самых новейших обобщающих трудах по римскому государственному устройству, гласящая, что интеррекс был «должностью с ограниченными полномочиями»³⁸⁴ Междучарь в республиканский период был, на наш взгляд, не должностью с ограниченными полномочиями, а полномочным высшим экстраординарным магистратом с предельно ограниченным сроком полномочий.

Институт интеррегнум понимался римлянами как способ защиты своего государства от анархии, а должность интеррекса мыслилась ими, возможно даже (риснем предположить) как концентрирующая в себе в зачаточном виде компетенцию вообще всех магистратов. Если это так, то тогда кратковременный срок полномочий одного интеррекса и постоянная смена

³⁸² См., например: Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1893. С. 193.

³⁸³ Herzog E. Das Institut... S. 513.

³⁸⁴ Demandt A. Op. cit. S. 403.

междущарей вполне могут быть объяснены нежеланием и опасением сколь-нибудь долго иметь облеченного ими потенциально полновластного единоличного правителя. Долгосрочная цель *patres* во время и после изгнания царей, была, по аргументированному мнению Б.Линке³⁸⁵ не в усилении «институционализированной центральной власти», а, наоборот, в ее ослаблении. Так или иначе, римляне прибегали к междущарствию, чтобы должность интеррекса как бы породила все остальные магистратуры. Это особенно наглядно видно на примере введения интеррегнума после так называемого периода *solitudo magistratuum*, когда курульные магистраты не избирались в течение либо пяти (Liv. VI. 35. 10), либо четырех лет (Zon. VII. 24; Eutrop. II. 3), либо одного года (Diod. XV. 75). Даже если признать этот период неисторичным³⁸⁶, для нас важно само представление античных авторов о том, что реставрировать систему магистратур после длительного перерыва можно только через должность интеррекса.

Таким образом, признавая интеррекса носителем высшей государственной власти, мы можем характеризовать *interregnum* не просто как способ сохранения преемственности государственного управления и особый период, а как политический институт в полном смысле этого слова.

3.2 Проведение интеррексом консульских выборов

Римский институт *interregnum*, являясь политической структурой временного характера, состоял из двух основных звеньев, которыми были, во-первых, *patres*, выступавшие в роли коллективного носителя верховной власти и избирательной коллегии для чрезвычайного магистрата, и, во-вторых, *interrex*, сам этот чрезвычайный магистрат, сменявшийся каждые пять дней. Целью введения института междущарствия и главной задачей интеррекса в период Республики было осуществление консульских выборов для восстановления обычного порядка государственного управления. Проведение этих выборов регламентировалось (как вообще весь механизм функционирования института интеррегнума) традиционными нормами, одна из которых определяется исследователями, чаще всего, как запрет для первого интеррекса осуществлять руководство консульскими комициями. Рассмотрим для начала, что представлял собой этот запрет.

По свидетельству Аскония, не было обычая, по которому провозглашенный первым интеррекс проводил бы выборные комиции (Asc. in Mil.

³⁸⁵ Linke B. Op. cit. S. 149.

³⁸⁶ Mommsen Th. Römische Chronologie. Berlin. 1859. S. 205.

38)³⁸⁷ Тит Ливий постоянно отмечает избрание консулов во время междоусобицы под руководством второго и последующих интеррекссов (Liv. VI. 5.6; VIII. 17. 5; X. 11. 10 и др.), и это выглядит правилом политической практики. Учитывая, что институт *interregnum* появился еще до консулов, данное правило в более общем виде формулируется так: первый интеррекс не председательствовал на избирательных собраниях. Из него однако были два исключения. При первом интеррексе избрали царя Тулла Гостилия (Dionys. III. 1. 1) и диктатора Суллу (App. B. C. I. 98, 99). Поскольку одно исключение относится к реконструкции раннеархаических времен, а второе к нестандартной ситуации избрания через интеррекса диктатора, то их наличие не меняет представлений исследователей (по большей части о них не упоминающих), о том, что первый интеррекс не имел права проводить выборы. Проблема же для историков всегда состояла в том, чтобы найти не вызывавшему у них сомнения запрету приемлемое объяснение. Первым, кто попытался сделать это, был Т. Моммзен, гипотеза которого по данному поводу долгое время оставалась в историографии единственной. Она сводилась к тому, что первый интеррекс не мог провести консульские выборы, так как был назначаем без необходимых ауспиций. Второй и последующие интеррексы занимали должность после предварительных птицегаданий, проведенных их предшественниками, поэтому были правомочны сами совершать ауспиции для кандидатов в консулы.³⁸⁸ Объяснение Т. Моммзена имеет весьма уязвимые места, независимо от того, каким путем логических рассуждений мы будем идти.

В любом случае в качестве исходного тезиса мы должны принять существование следующей нормы: *patres*, к которым ауспиции возвращались с наступлением междоусобицы (Cic. Ep. ad Brut. I. 5. 4), обладая ими коллективно, коллективно проводить их не могли, – это делалось индивидуально одним из них. При первом варианте дальнейших рассуждений будем считать, что в данной роли мог выступать каждый их представитель.

В таком случае, во-первых, не понятно, почему для первого интеррекса не могли также проводиться птицегадания одним из *patres*. Если *patres* могли передать для непосредственного осуществления свое (коллективно им принадлежавшее) право ауспиций первому интеррексу, то почему они не могли поручить кому-либо их провести в отношении также и его. Во-вторых, и это главное, практика многочисленных отставок консулов, избранных огрешно с точки зрения авгуров, то есть при нарушениях в предварительных птицегаданиях, свидетельствует, что консул, избранный при неверных ауспициях, не мог провести таковые в отношении преемника. Еще более показательны сложения полномочий в подобных ситуациях диктатором *comitiorum habendorum causa*, целью назначения которого и было проведение консульских выборов, что оказывалось невозможным из-за ошибок в ауспициях перед его провозглашением. Таким образом, в Риме действовала сакрально-правовая

³⁸⁷ Non fuit autem moris ab eo qui primus interrex proditus erat comitia haberi...

³⁸⁸ Mommsen Th. Abriss... S. 104.

норма политической жизни: только объявленный после безошибочных ауспиций магистрат мог руководить выборами другого высшего должностного лица (то есть, в первую очередь, совершать в отношении его птицегадания). Отсюда следует, что, если признать назначение первого интеррекса вообще без ауспиций, то выглядит не только не логичным, но и не вполне правомерным проведение ауспиций им самим.

Возможна и иная цепочка рассуждений. *Patres* коллективные носители ауспиций, но совершать их мог индивидуально не просто один из них, а обязательно магистрат (в данном чрезвычайном случае – интеррекс). Поэтому, покуда не было назначенного междуцаря, ауспиции не совершались. Он же проводил птицегадания в отношении второго интеррекса на том основании, что являлся представителем *patres* и магистратом в одном лице. Иначе говоря, он обладал правом ауспиций не на основе делегирования этого права от *patres* (как это было в случаях избрания магистрата на центуриатных комициях и наделения его империем и ауспициями на куриатных), а, будучи одним из «отцов», являлся «по природе» естественным носителем ауспиций. Можно исходить из этого и утверждать, что в отношении первого междуцаря ауспиции не проводились, но и в данном случае гипотеза Т. Моммзена о запрете для первого интеррекса руководить избирательными комициями, зыбка. Ибо тогда не ясно, почему первый интеррекс мог провести ауспиции для преемника, но не мог этого сделать для кандидата в консулы. Основываясь лишь на отсутствии предварительных птицегаданий для первого междуцаря, это различие невозможно объяснить.

Представив два возможных варианта логических рассуждений, отметим, что мы все же склоняемся к первому из них, так как Тит Ливий определяет назначение каждого междуцаря как осуществлявшееся *auspicato* (Liv. VI. 41. 6). Причем патриции проводили ауспиции по поводу первого интеррекса будучи частными лицами, как утверждает Ливий, а не магистратами³⁸⁹, что подрывает главную посылку второго варианта рассмотрения вопроса: ауспиции мог совершать не просто один из *patres*, а непременно магистрат. Однако, по нашему мнению, независимо от того, совершались ли птицегадания в отношении первого интеррекса или нет, сам он был правомочен осуществлять ауспиции по кандидатурам на консульскую должность, ибо в принципе был наделен правом их проведения (о чем, без сомнения, свидетельствует реализация этого права при назначении преемника). Право общественных ауспиций, если оно имелось у определенного должностного лица, могло использоваться им по любому государственному поводу. Быть наделенным «наполовину» этим правом магистрат не мог.

Несмотря на слабые места в аргументации, точка зрения Т. Моммзена о том, что первый интеррекс не мог проводить консульские выборы по причине собственного назначения без ауспиций, была воспринята историками как

³⁸⁹ ...et privatim auspicia habemus...

XIX, так и XX вв. Его мнения придерживались в своих трудах Э. Херцог³⁹⁰, О. Карлова³⁹¹, И. В. Нетушил³⁹², Х. Скаллард³⁹³, Е. Фризера³⁹⁴, И. Линдерски³⁹⁵, Г. Радке³⁹⁶. Первым усомнился в правоте Т. Моммзена в трактовке рассматриваемого обычая У. фон Любтов, предложивший свое видение его причин³⁹⁷. Развивая теорию о том, что интеррегнум возник не в царский период, а после изгнания последнего царя и просуществовал год в качестве переходной ступени к республиканскому устройству (см. первый параграф главы I), он считал, что сама идея интеррегнума основывалась на большом числе интеррекссов. Будучи, в его представлении, поначалу годичной магистратурой, должность интеррекса каждые пять дней замещалась новым лицом, которых неизбежно должно было быть много (целью столь частой смены было, на его взгляд, стремление аристократии избежать узурпации власти одним из ее представителей). Эта «идея большого числа интеррекссов» была затем сохранена в собственно республиканской государственной системе, когда интеррегнум превратился в чрезвычайный способ восстановления консулата, и обусловила появление при каждом междоцарствии как минимум двух интеррекссов. Поскольку мы, вслед за античной традицией, признаем временем возникновения института интеррегнум эпоху первых царей, то не можем (как, вероятно, и другие исследователи, стоящие на данной точке зрения) принять объяснение У. фон Любтова.

Иной взгляд на решение данного вопроса высказал Й. Ян, относивший появление института междоцарствия к эпохе ранней римской архаики³⁹⁸. Отталкиваясь от связи интеррегнума с обычаем бегства царя (*Regifugium*), этот исследователь причинами запрета проведения первым интеррексом консульских выборов видел древнейшие верования. Бегство царя связывалось с фазами луны и приходилось на конец лунного года, последний месяц которого – февраль – был для римлян месяцем искупления, очищения и смерти. Интеррекс, заменявший царя на период его ритуального бегства, был как бы «господином во время смерти»³⁹⁹, а потому не имел властных полномочий (с этим, кстати, Й. Ян связывал и то, что даже в поздний период существования института междоцарствия фаски в начальный момент интеррегнума находились в роще храма богини смерти Либитины). По интерпретации Й. Яна, в дальнейшем, когда интеррегнум стал политическим институтом, сохранилось представление, что первый интеррекс не имеет должной власти, – это и проявилось в запрете для него руководить консульскими выборами. Соглашаясь с признанием исходной связи обряда *Regifugium* и института *interregnum*, мы

³⁹⁰ Herzog. E. *Das Institut...* S. 504.

³⁹¹ Karlowa O. *Op. cit.* S. 45.

³⁹² Нетушил И. В. *Очерк...* С. 167.

³⁹³ Scullard H. H. *Roman politics...* P. 49.

³⁹⁴ Friezer E. *Op. cit.* P. 301.

³⁹⁵ Lindersky J. *Op. cit.* P. 38.

³⁹⁶ Radke G. *Op. cit.* S. 53.

³⁹⁷ von Lübtow U. *Das Römische Volk...* S. 191.

³⁹⁸ Jahn J. *Op. cit.* S. 23-25.

³⁹⁹ *Ibid.* S. 24.

все-таки не видим в изложении Й. Яна реальных доказательств того, что интеррекс, назначавшийся на период ритуального бегства царя, не имел власти (хотя бы теоретически, так как для фактического ее использования у него был все же слишком короткий срок).

Не найдя в историографии действительно убедительного объяснения принципу проведения консульских выборов вторым и последующими интеррексами, но не первым, мы предлагаем посмотреть на эту проблему несколько под иным углом зрения. Обратим внимание на приведенную в цитате формулировку Аскония: не было обычая, по которому назначенный первым интеррекс руководил бы комициями. Речь идет не о том, что был обычай, запрещающий ему созывать комиции. Асконий не говорит даже, что был обычай, по которому это должен был делать второй. Поэтому, можно понять эти слова так, что первому интеррексу в общем-то не запрещалось руководить выборами, но обычно это делали его преемники. Почему нормальным являлось руководство выборными комициями со стороны как минимум второго интеррекса, – понять вовсе не трудно. За первые пять дней сложно было наметить кандидатов, согласовать их с *patres*, провести в отношении их ауспиции и созвать народные собрания. Уложиться в них интеррекс, как правило, не мог, но начинал подготовку выборов, а по истечении отпущенного ему срока назначал преемника, который либо доводил порученное до логического конца, либо опять провозглашал интеррекса. К тому же, даже если первый интеррекс успел бы в течение своего срока провести выборы консула, то все равно необходим был запас времени для вступления избранного магистрата в должность. Учитывая, что римляне по обычаю стремились провести этот акт в «торжественные дни», – календы или иды (Liv. V 11. 11), следует признать явную нехватку срока полномочий интеррекса еще на ожидание ближайшего из названных дней. После провозглашения высших ординарных магистратов интеррекс, скорее всего, мог сохранять полномочия до вступления в должность избранного консула, если ему хватало своего пятидневного срока, но назначить преемника-интеррекса, безусловно, не мог. Избранный же консул, не вступив в должность, был только в положении *designatus*. Следовательно, необходимо было, чтобы срока полномочий междуцаря хватало до официального начала консулата провозглашенного высшим ординарным магистратом лица, иначе могла создаться правовым образом никак не регулируемая ситуация, которой нужно было избежать. Поэтому первый интеррекс и не проводил по обыкновению выборы, а только их готовил. Второй междуцарь уже мог назначить избирательные комиции так, чтобы его срока хватило до вступления консулов в должность. Таким образом, на наш взгляд, именно трудности осуществления в первые пять дней интеррегнума задачи восстановления консулата, а не какой-то особый законодательный запрет, лежали в основе обычной практики проведения консульских комиций вторым и последующими интеррексами. Нам поэтому представляется, что названные два случая проведения комиций первым интеррексом были не нарушением закона (или обычая, что для римлян также правовое понятие), а теоретически

возможным, но на практике редко встречающимся стечением обстоятельств, позволяющих очень оперативно провести все процедуры, необходимые для избрания магистрата. В частности, скоротечность интеррегнума 82 г. до н. э. легко объяснима его предварительной организацией самим будущим диктатором. Добавим к сказанному, что понимание созыва выборных комиций вторым и следующими интеррексами не как запрета этого для первого, а именно как сложившейся (в силу кратковременности полномочий экстраординарного магистрата) практики, свидетельствует также в пользу того, что интеррекс не избирали по жребию сразу десятком, а предшественники назначали преемников до тех пор, пока не будет выполнена основная задача избрания ординарного магистрата.

Попутно обратим внимание на то, мог ли интеррекс провозглашать не ординарных магистратов, а экстраординарного – диктатора. Если бы такое было возможно, то это бы потенциально усиливало использование со стороны *patres* чрезвычайных структур. Дионисий сообщает о назначении диктатора через интеррекса (Dionys. XI. 20), но доверять ему в данном случае не приходится. Практика функционирования раннеримской диктатуры (V–III вв. до н. э.) не знает случая избрания диктатора во время интеррегнума⁴⁰⁰. Видимо, римская конституция не предполагала провозглашения экстраординарного магистрата через другого чрезвычайного. Этот же принцип проявился и в том, что один диктатор никогда не провозглашал другого. Однако в истории существования междоусурствия как государственного института есть уже упомянутый нами единственный пример, когда диктаторские полномочия были вручены в период интеррегнума. Таким способом к власти в междоусурствие 82 г. до н. э. пришел Сулла (App. B. C. I. 98). Но здесь мы должны принять к сведению два обстоятельства. Во-первых, диктатура Суллы была совсем не той должностью, что магистратура с тем же названием в период ранней Республики. Во-вторых, сулланская диктатура вводилась на основе специального закона, предложенного интеррексом Валерием Флакком. После принятия этого закона процедура могла быть двойкой. Либо в *lex Valeria*, как считал Л. Ланге⁴⁰¹, оговаривалось, что диктатора мог назначить интеррекс, и после этого Валерий Флакк провел назначение, либо этот закон уже назвал Суллу диктатором, – так видел развитие событий М. Кроуфорд⁴⁰². Следовательно, объявление диктатора в период интеррегнума в любом случае произошло на основе конституционных изменений. В период же до первого века до н. э. требование обычая – интеррекс может провозглашать только ординарных магистратов – неукоснительно соблюдалось.

Интеррекс должен был выбрать консулов, по выражению Цицерона, надлежащим образом (Cic. Leg. III. 3. 9). Однако источники ничего не сообщают нам о том, отличались ли чем-либо выдвижение кандидатур при интеррегнуме и сам акт избрания от таковых при руководстве выборами ординар-

⁴⁰⁰ См. Деметрива В. В. Указ. соч. С. 64.

⁴⁰¹ Lange L. *Römische Alterthümer*... S. 152–153.

⁴⁰² Crawford M. *The Roman Republic*. New-Jersey. 1978. P. 152.

ным магистратом. Исследователям поэтому остается исходить из того, что процедура голосования была одинакова при любом руководителе комициями. Но даже признание этого факта не снимает вопроса о том, имел ли интеррекс больше влияния на исход выборов, чем другие председатели народных собраний, – консул или диктатор. В свою очередь, от решения этого вопроса зависит представление о том, мог ли интеррекс быть действенным инструментом в сословной и политической борьбе. В отсутствии сведений о самом порядке руководства выборами со стороны интеррекса историки могут проводить анализ названной проблемы, оперируя лишь данными о результатах таких выборов. Мысль о том, что интеррекс при консульских выборах имел особые prerogatives, была впервые высказана Д. Шwegлером⁴⁰³ Дальнейшую разработку она получила в трудах С. Стэвели, полагавшего, что интеррекс мог на выборах предложить только двух кандидатов, а народное собрание их либо подтверждало, либо отклоняло⁴⁰⁴ Противоположную позицию отстаивал Й. Ян, считавший, что влияние интеррекса на результат выборов было меньшим, чем у консула, так как интеррекс оставлял должность уже после выборов одного магистрата⁴⁰⁵ Однако Р. Рилингер усмотрел в том же самом факте ухода интеррекса после выборов первого консула иной характер его влияния на исход выборов⁴⁰⁶

Руководил ли интеррекс выборами только одного консула (а второго избирали уже под руководством ранее провозглашенного коллеги) или же двоих, – источники сообщают как о том (Liv. XXII. 35. 2; Plut. Marc. VI. 1), так и другом (Liv. III. 8. 2; III. 55. 1; IV. 7. 10; Dionys. IX. 69. 1) вариантах. В частности, Ливий для ситуации выборов через интеррекса консула Теренция Варрона совершенно определенно утверждает, что избран был единственный консул, в руках которого было провозглашение коллеги на комициях⁴⁰⁷ Аналогично сообщает Плутарх об избрании при интеррегнуме консулом Марцелла, который, вступив в должность, провел выборы коллеги Гнея Корнелия⁴⁰⁸ Мы, следовательно, должны признать возможными тот и другой варианты. Правда, Т. Моммзен полагал, что избрание в междоусобицу 216 г. до н. э. одного консула Теренция нужно считать исключением⁴⁰⁹, а С. Стэвели называл это сообщение Ливия фикцией⁴¹⁰ Тем не менее, в источниках зафиксирован и вариант назначения через интеррекса только одного консула. Приняв его, Й. Ян объяснял, каким образом Помпей в 52 г. до н. э. был избран консулом без коллеги. Интеррекс ушел после выборов одного консула, а именно Помпея, который уже сам не считал возможным проводить избрание

⁴⁰³ Schwegler D. U. Op. cit. S. 150.

⁴⁰⁴ Staveley E. S. The Conduct... P. 193-207.

⁴⁰⁵ Jahn J. Op. cit. S. 26.

⁴⁰⁶ Rilienger R. Der Einfluß... S. 17-24

⁴⁰⁷ C. Terentius consul unus creatur, ut in manu eius essent comitia rogando collegae.

⁴⁰⁸ ...δια των καλουμένων μεσοβασιλεων υπατος αποδεικνυται Марκελλος, και παραλαβων την αρχην αποδεικνυσιν αυτω συναρχοντα Γναιον Κορηλιον.

⁴⁰⁹ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... B. I. S. 659.

⁴¹⁰ Staveley E. S. The Conduct... P. 206.

сотоварища⁴¹¹ Р. Рилингер, в свою очередь, дает трактовку причин, почему считалось достаточным для интеррекса избрать только одного ординарного магистрата. Исследователь полагает, что это сложилось исторически, так как первоначально интеррекс проводил избрание одного царя, а с переходом к Республике также поначалу единственного существовавшего тогда высшего магистрата (на его взгляд, это был *praetor maximus* или *dictator*)⁴¹²

Нам представляется, что независимо от того, одного консула или обоих провозглашал на выборах интеррекс, его руководство обеспечивало для *patres* осуществление их интересов. Избрание из их среды первого интеррекса создавало в период ранней Республики последующую цепочку пропатрициански настроенных междоцарей и, тем самым, такого же руководителя выборами. В его руках была возможность отклонить неугодного кандидата после проведения ауспий, он мог ограничить список претендентов двумя кандидатурами, и тогда избрание их почти наверняка состоялось бы (оно могло не состояться только в случае массового отказа от подачи голосов). В распоряжении интеррекса был, таким образом, обычный набор способов влияния на исход выборов: *rationem non habere, nomen non accipere, in suffragium revocare, non renuntiare* (Liv. IV 7 9., X. 15. 10-12; XXIV 8. 20; XXVI. 22. 5; XXVII. 6. 2, Val. Max III. 8. 3). К тому же добавим влияние его авторитета (который несомненно имелся у представителя *patres-senatores*, поскольку интеррексами были выдающиеся политические деятели, полководцы, влиятельные сенаторы-консуляры) и условия чрезвычайной политической ситуации, которые сами по себе заставляли граждан не особенно раздумывать и соглашаться на предложенные кандидатуры. В одном известном случае 291 г до н. э. интеррекс Луций Постумий Мегелл, председательствовавший на выборах, был сам избран консулом (Liv. XXVII. 6. 8). Фактов «самопровозглашения» руководителей комиций известно, в общей сложности, всего шесть⁴¹³. Два раза консулом был избран диктатор, проводивший выборы (350 и 210 гг.), три раза избирались на должности консулы, руководители выборов, ставшие децемвирами (451 г до н. э.), консулом (215 г до н. э.) и претором (294 г до н. э.). Следовательно, на экстраординарных руководителях приходится половина таких случаев, что характеризует, в какой-то мере, их возможности воздействовать на голосующих. При интеррегнуме 351 г до н. э. второй интеррекс, Марк Фабий, провел избрание консулом первого интеррекса, Гая Сульпиция, а тот, в свою очередь, доизбрал патриция Квинция (Liv. VII. 22. 1-3.).

Говоря о выборах консулов под руководством интеррекса, Тит Ливий обычно использует выражение: *interrex... consules creat*, что свидетельствует о решающем влиянии междоцаря при избрании высшего ординарного магистрата, характеризуемом Ливием через этот оборот как назначение консулов интеррексом и отсутствие важной роли у комиций в данном акте. Можно со-

⁴¹¹ Jahn J. Op. cit. S. 26.

⁴¹² Riliŋger R. Der Einfluss... S. 18.

⁴¹³ Riliŋger R. Die Ausbildung... S. 261.

гласиться со С. Стэвели, что интеррекс делал выбор ординарного магистрата, а *populus* ратифицировал этот выбор⁴¹⁴. Мнение же Э. Гьерстада, мы поддерживаем в той части, где он говорит об интеррексе как решающем факторе избрания магистратов, но считаем его утверждение о том, что народ при назначении выбранных им магистратов не принимал участия⁴¹⁵, все же излишне категоричным. Приведенный тезис С. Стэвели кажется нам более корректным. А. Джованнини (рассматривая, правда, не ситуации интеррегнума), отмечает, что неверно считать, будто бы народное собрание вообще не обладало инициативой при избрании магистратов, оно было полномочно дать свой вотум также для не-кандидатов⁴¹⁶. Это действительно имело место (Liv. X. 9. 10; X. 22. 1-9), однако для периодов междуцарствий, в условиях избрания в сжатые сроки (если не сказать в спешке) вероятность выдвижения магистрата от центурий меньше, чем при обычной ситуации. Тем более, что за руководителем выборами оставалось право *non renuntiare* в отношении такого кандидата. Как известно, законом начала III в. до н. э. (*lex Maenia de patrum auctoritas*) было введено для кандидатов предшествовавшее выборам одобрение со стороны *patres*. Непосредственную цель этого закона К.-Й. Хелькескамп видит в том, что поле действий и политической игры руководителя выборами ограничивалось⁴¹⁷. Но для проведения выборов интеррексом это опять-таки было не принципиально, поскольку он и до принятия этого закона, несомненно, ставил на голосование кандидатуры, устраивавшие *patres*.

Если был провозглашен один консул (а он, избранный стараниями интеррекса, тоже, вероятнее всего, в раннереспубликанское время представлял патрицианские интересы), и междуцарь передавал ему право руководства выборами коллеги, то этот консул также мог оказать серьезное влияние на исход выборов, ибо, ко всему прочему, он мог их задерживать, т. е., по словам Р. Рилингера, «заставить время работать на себя»⁴¹⁸. Избрание преторов и низших магистратов в любом случае проводил не интеррекс, а один из провозглашенных консулов (Liv. XXII. 35. 5; Cass. Dio. XXXIX. 32. 2); влияние междуцаря на подбор их кандидатур было весьма опосредованным, а потому не столь значительным.

Поскольку нет сомнений в том, что интеррекс был креатурой *patres*, естественно предположить, что в V-IV вв. до н. э. патриции стремились использовать переход к междуцарствию при решении задач сословной борьбы. Сначала это был метод достижения своих интересов при затяжке избирательной кампании по причинам межсословных противоречий, особенно когда речь шла об избрании военных трибунов с консульской властью, а после принятия законов Лициния - Секстия, – способ обойти требование о паритете патрициев и плебеев в консулате. Об этом красноречиво свидетельствуют

⁴¹⁴ Staveland E. S. *The Conduct...* P. 197, 200. На его мнение опирался, комментируя Ливия, Р. Огилви: Ogilvie R. M. *A Commentary on Livy...* P. 409-410.

⁴¹⁵ Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation...* S. 156.

⁴¹⁶ Giovannini A. *Magistratur...* S. 424.

⁴¹⁷ Hölkeskamp K. - J. *Die Entstehung...* S. 193.

⁴¹⁸ Rilling R. *Der Einfluß...* S. 23.

наши источники, сообщая либо прямо о патрицианских (или сенатских) интересах, либо косвенным образом, повествуя о ситуации, предшествовавшей междуцарствию. Так, Дионисий, рассказывая об интеррегнуме 482 г. до н. э., мотивирует переход к нему взаимными несогласиями консулов и плебейских трибунов (Dionys. VIII. 90). Ливий для ситуации 413 г. до н. э. отмечает, что в основе перехода к интеррегнуму лежали опасения сената, что народ изберет в военные трибуны с консульской властью плебеев; интеррегнум же позволил одержать им победу (Liv. IV. 50. 7, 8). В 389 г. до н. э. военным трибунам также не доверили проводить выборы магистратов и пошли на междуцарствие (Liv. VI. 1. 5). Стремление патрициев провести на консульских выборах двух своих кандидатов Ливий констатирует для интеррегнума 355 г. до н. э., замечая, что в конце концов им это удалось (Liv. VII. 17. 11-13). Конфликт по поводу соблюдения законов Лициния - Секстия Ливий считает глубинным поводом к междуцарствию 352 г. до н. э. (Liv. VII. 21. 1-3). Подозревает Ливий желание патрициев провести своих представителей на оба консульских места в качестве главной причины перехода к интеррегнуму в 343 г. до н. э. (Liv. VII. 28. 10)⁴¹⁹ Вопреки желаниям плебеев прибегли к междуцарствию в 326 г. до н. э. (Liv. VIII. 23. 17). Цицерон сообщает нам, что Аппий Клавдий, находясь в должности интеррекса, отверг *contra leges* в народном собрании консула из плебеев (Cic. Brut. XIV. 55). Трудно сказать, в каком именно году это произошло, так как в элгии Аппия Клавдия говорится, что он трижды был интеррексом⁴²⁰ А. Джованнини определяет под вопросом 298 г.⁴²¹, этот год считает возможным также Ф. Кассола⁴²², но Ливий для этого года называет Аппия Клавдия первым интеррексом и отмечает, что выборы проводил второй – Публий Сульпиций (Liv. X. 11. 10). Й. Ян склонялся к отнесению этого события к 300 г. до н. э.⁴²³, а Р. Рилингер – к началу 291 г. до н. э.⁴²⁴ Наконец, отметим еще описание Ливием интеррегнума 216 г. до н. э., а именно его слова о том, что междуцарствие имело целью передачу патрициям руководства выборными комициями (Liv. VII. 28. 10)⁴²⁵ Поскольку сословная борьба к этому времени была уже в прошлом, то возникает вопрос о достоверности такой характеристики. Й. Ян не без оснований полагал, что Ливий перенес элементы сословной борьбы на время, когда действовали другие политические силы⁴²⁶ Однако, на наш взгляд, даже признание данной трактовки анахронизмом не меняет представлений о том, что у Ливия было убеждение в принципиальной возможности использования междуцарствия как средства патрицианской политики, хотя хронологически он не всегда уместно об этом сообщал.

⁴¹⁹ Ex interregno, ut id actum uideri posset, ambo patricii consules creati sunt...

⁴²⁰ CIL. Vol. I... P. 192; Degraasi A. Inscriptiones Italiae... Vol. XIII. 3. 79. P. 59.

⁴²¹ Giovannini A. Magistratur... S. 420.

⁴²² Cassola F. I gruppi... P. 13.

⁴²³ Jahn J. Op. cit. S. 99.

⁴²⁴ Rilienger R. Die Ausbildung... S. 262.

⁴²⁵ ...interregnum iniretur, ut in patrum potestate comitia essent...

⁴²⁶ Jahn J. Op. cit. S. 121.

Приведенные примеры создают картину применения интеррегнума отчасти как проводника патрицианских сословно-политических интересов. Поэтому вполне закономерно, что многие историки, касавшиеся римского междоусарствия, так или иначе об этом упоминали. Выгодным патрицианской партии называл интеррегнум Э. Херцог⁴²⁷, средством сохранения патрициями монополии на политическую власть – С. Стэвели⁴²⁸, способом политической борьбы за консулат – Й. Ян⁴²⁹, ударным инструментом патрицианской сословной политики – К.-Й. Хелькескамп⁴³⁰. Что же касается сравнения этого инструмента с использованием в аналогичных целях диктатуры и собственно консула-председателя избирательных комиций, то еще Т. Моммзен отмечал, что сенат имел большее влияние на выборы, если ими руководил интеррекс, чем при руководстве со стороны консула или диктатора, так как интеррекс всегда был патрицием, в то время как консул или диктатор могли быть и плебеями⁴³¹. В. Пирогов считал, что патриции надеялись «посредством междоусарствия вернее иметь в своих руках выборы, чем при помощи диктатуры»⁴³². С. Стэвели подчеркивал, что интеррекс был в более сильной позиции по сравнению с консулом или диктатором, чтобы осуществлять интересы патрициев, поэтому руководство выборами интеррексом было для плебеев более невыгодным, чем диктатором⁴³³. Й. Ян, наоборот, отдавал предпочтение в смысле влияния на исход выборов диктатору⁴³⁴. Мы думаем, что патриции могли больше полагаться, в надежде осуществить свои политические желания, на экстраординарных руководителей выборов (интеррекса и диктатора), чем на ординарных. Дело здесь заключалось даже не столько в особых «технических» возможностях чрезвычайных руководителей, сколько в самих обстоятельствах, вызывавших к жизни их магистратуры и облегчавших давление на избирателей, а также в авторитете их самих и стоящих за их спиной *patres-senatores*. Сравнение же интеррекса и диктатора друг с другом в качестве руководителей выборов крайне затруднено, и предпочтение интеррексу как выразителю патрицианских интересов в акте избрания консулов можно отдать только на том основании, которое предложил Т. Моммзен: междоусарствие всегда гарантированно был ставленником *patres*. Да еще, пожалуй, можно принять во внимание изложение Ливием позиции плебейских трибунов в 352 г. до н. э., из которого следует, что они соглашались на диктатуру и не хотели интеррегнума (Liv. VII. 21. 2).

Принимая определение интеррегнума как «ударного инструмента патрицианской сословной политики», остановимся на выяснении того, когда он наиболее активно и эффективно применялся. Для начала приведем статисти-

⁴²⁷ Herzog E. Das Institut... S. 503-504.

⁴²⁸ Staveley E. S. The Significance... P. 33.

⁴²⁹ Jahn J. Op. cit. S. 28.

⁴³⁰ Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung... S. 68.

⁴³¹ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht... B. I. S. 657.

⁴³² Пирогов В. Указ. соч. С. 212.

⁴³³ Staveley E. S. The Conduct... P. 200.

⁴³⁴ Jahn J. Op. cit. S. 53.

ку, относящуюся ко всему периоду существования республиканского политического института *interregnum*.

От 509 г до н. э. до принятия законов Лициния - Секстия (367 г до н. э.) мы насчитываем, вслед за Й. Яном, около 15 междуцарствий⁴³⁵. Поскольку после выхода в свет работы Й. Яна в зарубежной историографии принято датировать интеррегнумы годом избранных в его ходе консулов, мы будем придерживаться этой датировки, хотя в отечественной литературе часто встречается и датировка по предшествовавшей консульской паре. В соответствии с названным принципом определения дат междуцарствия, они приходятся на 509, 482, 462, 451, 449, 444, 420, 413, 401, 396, 393, 391, 389, 387, 370 гг до н. э. Из них интеррегнумы 451, 401, 393 могут быть названы гипотетическими, поскольку сведения о них в источниках противоречивы или не вполне ясны, а датировка проблематична. Р. Палмер предлагает за этот период времени свою цифру междуцарствий – десять⁴³⁶. Нам подсчеты Й. Яна кажутся более полными, и подтверждение большей части возможных интеррегнумов достаточно убедительным. Если даже вычесть из называемого им числа междуцарствий не вполне точно установленные, останется 12 интеррегнумов, приходящихся на первый этап существования Республики, до того времени, как плебеи получили доступ в консулат. В справочнике Т. Броутона значится под вопросом еще междуцарствие 463 г. до н. э.⁴³⁷, факт которого, видимо, все же следует исключить. От 366 г до н. э. до 326 г до н. э. насчитывается 7 междуцарствий: 355, 352, 351, 343, 340, 332, 326 гг до н. э. За период от 325 г. до н. э. до 293 г. до н. э. (до конца первой декады Тита Ливия) можно насчитать только 4 междуцарствия: 320, 300, 298 и 291 гг до н. э. Затем, за семидесятилетний период, до 222 г до н. э. не удастся (в отсутствии такого важного для статистических подсчетов источника, как труд Ливия) установить ни одного интеррегнума. Междуцарствия 222 г. до н. э.⁴³⁸ и 220 г до н. э. – это интеррегнумы накануне Второй Пунической войны, в течение ее еще не более двух – 216 г. до н. э. и, принимаемый Й. Яном, но, на наш взгляд, маловероятный, 208 г до н. э. На весь второй век до н. э. приходится лишь 4 междуцарствия: 175, 162, 152, 109 гг. до н. э. Из них интеррегнум 109 г. до н. э. можно только предполагать. Й. Ян называл еще интеррегнум 106 г до н. э., но мы не можем ни подтвердить его, ни опровергнуть, так как никаких источников его информации о междуцарствии этого года не обнаружили, а сам автор о них не упоминает. Наконец, в первом веке до н. э. было 5 довольно точно констатируемых (82, 77, 55, 53, 52 гг. до н. э.) и один гипотетический (43 г. до н. э.). В целом, получается, что за всю историю существования республиканского интеррегнума, мы знаем примерно о сорока случаях

⁴³⁵ Jahn J. Op. cit. S. 56-64.

⁴³⁶ Palmer R. Op. cit. P. 301.

⁴³⁷ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. Op. cit. Vol. 1. P. 35.

⁴³⁸ Хотя иногда этот интеррегнум считается проблематичным, все же, на наш взгляд, о нем можно говорить уверенно, поскольку Плутарх сообщает: δια τῶν καλούμενων μεσοβασίλεων ὑπατος ἀποδεικνύται Μάρκελλος ... (Plut. Marc. VI. 1). С высокой вероятностью определяет междуцарствие для этого года А. Липпольд: Lippold A. Op. cit. S. 107-108.

его применения. В справочнике Т. Броутона за период от конца царской эпохи до 52 г. до н. э. значится 29 интеррегнумов (в том числе и те, которые автор определяет под вопросом)⁴³⁹ Однако за много десятилетий, прошедших после первого его издания, исследователями проделана значительная работа по установлению фактов междоусобия, что позволяет сейчас называть цифру на десяток большую.

Вернемся теперь к интеррегнумам эпохи сословной борьбы. Больше всего междоусобий приходится на IV в. до н. э. В этом веке, по наблюдениям Р. Рилингера, не известны регулярные руководители выборами, – только чрезвычайные (диктаторы и интеррексы), и все они были патрициями⁴⁴⁰ Их руководство обеспечивало преимущественно избрание патрицианских высших магистратов, но в 396 г. до н. э. по итогам интеррегнума была избрана коллегия военных трибунов с консульской властью, состоявшая из пяти плебеев и одного патриция (Liv. V 17–18). Возможно, что это был тот случай, когда интеррекс покинул должность после провозглашения первого трибуна (патрицианского), а тот уже проводил избрание коллег. Не исключено, что, наоборот, предварительно было решено избрать из плебеев большинство военных трибунов (Liv. V 17 5). В результате интеррегнумов, вводившихся после принятия законов Лициния – Секстия до 326 г. до н. э., для 355, 351 и 343 гг. до н. э. в консульских фазах значатся избранными два патриция⁴⁴¹ Для 352 и 340 гг. до н. э. – по одному патрицию и плебею, но источники единодушны, что патрицианский консул был провозглашен первым. Для 332 г. до н. э. источники расходятся в том, какой консул (патриций или плебей) был избран первым⁴⁴², но, вероятнее, что патриций, так как его первым называет Ливий (Liv. VIII. 17 5). Переломным в этом отношении был 326 г. до н. э., когда под руководством интеррекса Луция Эмилия первым был провозглашен консулом плебей Гай Петелий (Liv. VIII. 23. 17). Исследователи уже обращали внимание на то, что это, безусловно, принципиальное событие⁴⁴³ После него количество междоусобий убывает (за 32 года, от 325 г. до н. э. до 293 г. до н. э., их всего три, тогда как за предыдущие 40 лет – семь). Нетрудно усмотреть в этом тенденцию, характеризующую снижение роли интеррегнума как средства патрицианской политики. Мы связываем это с общим процессом сословной борьбы: ее острота пропадает к 340 г. до н. э. Ливий для 342 г. до н. э. сообщает о плебисцитах Гenuция, по которым запрещалось занимать магистратуру ранее, чем через десять лет, и разрешалось избирать двух консулов из плебеев (Liv. VII. 42. 2). Как бы ни относиться к достоверности сообщений об этих плебисцитах (Ливий говорит о них не очень уве-

⁴³⁹ Broughton T. R. S. / Patterson M. L. Op. cit. Vol. 1. P. 3, 23, 35, 36, 53, 71, 76, 88, 93, 97, 99, 124, 126, 127, 135, 142, 146, 153, 174, 183, 233, 259, 291, 442; Vol. 2. P. 68, 89, 217, 229, 236. Т. Броутон отмечает междоусобия 509, 482, 463, 462, 444, 420, 413, 396, 391, 389, 387, 355, 352, 351, 340, 332, 326, 320, 298, 291, 222, 216, 208, 162, 82, 77, 55, 53, 52 гг. до н. э.

⁴⁴⁰ Rilienger R. Der Einfluß... S. 19.

⁴⁴¹ CIL. Vol. 1. P. 21.

⁴⁴² Degrassi A. Inscr. It. Vol. XIII. P. 107, 412.

⁴⁴³ Jahn J. Op. cit. S. 89; Rilienger R. Der Einfluß... S. 20.

ренно), острое соперничество за высшую ординарную магистратуру патрицианской и плебейской верхушки убывает. К этому же времени была утрачена привилегия патрицианских консулов назначать диктатора.

В начале III в. до н. э. междуцарствия становятся еще более редкими. Патриции в это время, судя по тексту Ливия (Liv. X. 24. 4), еще имели большинство в сенате, но плебейские консуляры в нем становились все более влиятельной группой⁴⁴⁴. Тогда же плебеи получают доступ в коллегию авгуров (lex Ogulnia 300 г. до н. э.), что свидетельствует о признании их компетентности в сфере экспертизы ауспиций (иначе говоря, этим было подтверждено также их право на империй высшего магистрата, учитывая неразрывное единство империя и ауспиций, которое существовало в римском общественном сознании). Институт *interregnum* как инструмент сословной политики становится неактуальным, – это косвенно подтверждается продолжительностью междуцарствий: если до 326 г. до н. э. имели место длительные их периоды, то в 325 – 216 гг. они ограничивались двумя – тремя интеррексами. Следовательно, на первый план при переходе к *interregnum* выходят задачи именно скорейшего восстановления ординарной власти, а не решение вопросов межсословных противоречий. Таким образом, изменения как количества междуцарствий, так и числа интеррекс в них, отражает логику борьбы патрициев и плебеев, что, в свою очередь, является показателем использования данного чрезвычайного института в этой борьбе.

Рассмотрение применения института *interregnum* как орудия сословной политики включает в себя еще один вопрос: возможна ли была трибунская интерцессия по отношению к действиям междуцаря в ходе проведения им консульских выборов. Плебейские трибуны не могли реально повлиять на назначение интеррекса, но могли ли они протестовать против его действий? Источники уверенно и однозначно отвечают на этот вопрос положительно (Liv. VII. 17 12-13; VII. 21. 3; XXII. 34. 1-2; Cic. Brut. XIV 55). Интересно, что, например в 355 г., раздоры начались при втором интеррексе, то есть собственно тогда, когда дело дошло до выборов. То, что мы знаем о конфликте этого года плебейских трибунов с интеррексом через сконструированную Ливием речь междуцаря Марка Фабия, не меняет признания достоверности самого конфликта. Как отмечал К.-Й. Хелькескамп, хотя эта речь, конечно, фикция, это ни в коем случае не говорит против аутентичности сообщения о трибунском сопротивлении⁴⁴⁵. Трибуны настаивали, главным образом, на соблюдении закона Лициния - Секстия, и именно их протесты приводили к затягиванию междуцарствия. Эти политические столкновения при избрании под руководством интеррекса ординарных магистратов сами по себе свидетельствуют о стремлении патрициев использовать *interregnum* как тактическое средство противостоять плебейам в их в борьбе за консулат. Объяснение тому факту, что плебейские трибуны не могли возражать против провозгла-

⁴⁴⁴ Rilinger R. Der Einfluß... S. 23.

⁴⁴⁵ Hölkeskamp K.-J. Die Entstehung... S. 68.

шения интеррекса, но оказывали сопротивление ему, кажется нам достаточно простым. Их право запрета распространялось на действия должностных лиц, но не на *patres* как коллективных носителей власти в начальный период междуцарствия. С провозглашением же интеррекса появлялся магистрат, действия которого можно было опротестовать.

Фиксируя межсословные столкновения в период интеррегнумов, мы не можем не обратить внимание на то обстоятельство, что, несмотря на открытые стремления противоборствующих сил достичь своих интересов, при крайнем обострении ситуации стороны шли на компромиссы. В междуцарстии 352 г. до н. э. *patres* приказали интеррексу Луцию Корнелию Сципиону *concordia causa* соблюдать закон Лициния - Секстия (Liv. VII. 21. 4). Даже если патриции одерживали верх в ходе выборов, проводившихся междуцарем, то, учитывая накаленную обстановку, патрицианские консулы шли на уступки плебейцам. Так было в 413 г. до н. э., когда в начале консульства пришедших к власти через интеррегнум (*patres* боролись тогда против избрания военных трибунов с консульской властью из плебеев) патрицианских магистратов Авла Корнелия Косса и Луция Фурия Медуллина было принято сенатское постановление в интересах плебеев (Liv. IV 51. 2). Можно рассматривать как компромисс и избрание в период интеррегнума 396 г. до н. э. коллегии военных трибунов с консульской властью из пяти плебеев и одного патриция (Liv. V 18. 2), независимо от того, предварительно ли достигли такого согласия, или провозглашенный первым трибун из патрициев избрал плебейских коллег.

Наряду с применением интеррегнума в качестве тактического средства решения стратегических задач патрицианской сословной политики он использовался как инструмент во внутripатрицианской борьбе. Этой стороне уделен достаточное внимание Й. Ян⁴⁴⁶. Так, он рассматривал для IV в. до н. э. противоборство двух политических группировок: Фабии - Валерии - Манлии с одной стороны, и Эмилии и Папирии с другой. В 40-е гг. IV в. до н. э. (348 – 343 гг. до н. э.) руководящие позиции прочно удерживала первая группа родов, что проявлялось и в ситуациях интеррегнума. При междуцарствии 343 г. до н. э. консулами были избраны Марк Валерий Корв и Авл Корнелий Косс. Во время интеррегнума 340 г. до н. э. интеррексами были Марк Валерий и Марк Фабий (Liv. VIII. 3. 5). Под Марком Валерием можно понимать как Марка Валерия Корва, бывшего консулом кроме указанного 343 г. до н. э. также в 348 и 346 гг. до н. э., так и Марка Валерия Публикола, консула 355 (избранного тогда под руководством интеррекса Марка Фабия Амбуста) и 353 гг. до н. э. Марк Фабий может быть отождествлен с Марком Фабием Амбустом, который в качестве интеррекса в 355 и 351 гг. до н. э. привел к консульской магистратуре двух патрициев. Это мог быть и Марк Фабий Дорсуон, консул 345 г. до н. э. Так или иначе, Марк Фабий, будучи вторым интеррексом в 340 г. до н. э., провел в консулы представителя своей группировки

⁴⁴⁶ Jahn J. Op. cit. S. 77-80.

Тита Манлия Торквата. Но ему, как отмечал Й. Ян, не удалось снова укрепить господство представляемых им *gentes*. Пришедший ему на смену в консулате Эмилий Мамерцин прервал прежнее прочное доминирование Фабиев - Валериев - Манлиев. 339 г до н. э. Й. Ян называл поворотным в римской истории, поскольку в этом году закончилось занятие консулата членами политически сближенных родов; закон, по которому разрешалось занимать магистратуру только через десять лет, вступил в силу с победой на выборах Эмилия⁴⁴⁷. Закрепление руководящих позиций *gens Aemilia* удалось приостановить их политическим противникам в интеррегнум 332 г до н. э. Став пятым интеррексом, Марк Валерий Корв провозгласил консулом Авла Корнелия Косса, своего коллегу по консулату 343 г до н. э. (Liv. VIII. 17. 5). Реванш Эмилии взяли в междоусловии 326 г., когда, будучи четырнадцатым интеррексом, Луций Эмилий Мамерцин, помог прийти к власти представителю рода Папириев, политически дружественного Эмилиям (Liv. VIII. 23. 17). Развязка интеррегнума 320 г. до н. э. кажется, на первый взгляд, странной. Интеррекс Марк Валерий Корв провозгласил по итогам выборов консулами Квинта Публилия Филона и Луция Папирия Курсора (Liv. IX. 7. 15), первый из которых был обязан своим возвышением Эмилию Мамерцину, а родовое имя второго говорит само за себя. Объясняя такой результат выборов, Й. Ян отмечал, что, во-первых, римские политические группировки не были «жесткими образованиями», во-вторых, тяжелая обстановка войны с самнитами (а избранные консулы ранее прославились именно в военных действиях с самнитами) поколебала внутриполитический расклад, в-третьих, влияние интеррекса на исход выборов все же было не абсолютным⁴⁴⁸. Результатом следующего интеррегнума, имевшего место в 300 г. до н. э.⁴⁴⁹, стало избрание консулом Марка Валерия Максима, бывшего диктатором в предыдущем году (Liv. X. 5. 14). Приведенные факты свидетельствуют об использовании интеррегнума противоборствующими группировками патрицианских *gentes* до конца IV в. до н. э.

Исследователи усматривают проявления борьбы внутри правящей элиты и в известных нам междоусловиях III в. до н. э. Например, дискуссионными являются обстоятельства перехода к интеррегнуму в 220 г до н. э.: строятся самые различные предположения о складывании тех или иных союзов римских родов. Дело в том, что в этом году к власти поочередно пришли две пары консулов: сначала Валерий Левин и Муций Сцевола, а затем, видимо после интеррегнума, Ветурий и Лутаций (Insc. It. 13. 1. 46-47). Возможно, что одним из интеррекссов был Квинт Фабий Максим. Х. Скаллард видел в отставке первой пары консулов попытку подорвать господство Эмилиев Сципионов⁴⁵⁰; А. Липпольд полагал, что первоначально избранные консулы

⁴⁴⁷ Jahn J. Op. cit. S. 79.

⁴⁴⁸ Ibid. S. 94.

⁴⁴⁹ Ливий не знает наверняка, был ли интеррегнум в 300 г. до н. э., но Й. Ян полагал, что сообщение об интеррегнуме этого года восходит к Валерию Анциату, который имел подробные знания о роде Валериев.

Jahn J. Op. cit. S. 99.

⁴⁵⁰ Scullard H. H. Roman politics... P. 273.

Валерий и Муций не находились в состоянии вражды с Эмилиями и Сципионами, однако мог сложиться союз между Ветурием и эмилианско-сципионской группировкой⁴⁵¹. Й. Ян не усматривал оснований для этого союза⁴⁵². Поскольку мы не занимаемся просопографическим исследованием, для нас важно не выяснение расстановки сил в подобных политических интригах, а сама констатация факта, что междуцарствие играло определенную роль в борьбе за власть внутри римского нобилитета. Отметим еще трактовку Й. Яном ситуации интеррегнума 216 г. до н. э. Он видит в ней противоборство сторонников и противников стратегии и тактики Квинта Фабия⁴⁵³. Та часть сенаторов, которая требовала наступления, хотела добиться этого через диктатуру. Большинство же сенаторов, соглашаясь на оборонительную тактику Фабия, делали ставку на интеррекса. Фабия устраивало междуцарствие, и его политические сторонники внесли такое предложение в сенат. Когда же все-таки прибегли к диктатуре, Фабий подговорил влиятельных авгуров признать выборы диктатора огрешными. Возможно, в деталях такой трактовки событий 216 г. до н. э. есть определенная произвольность построений, но нам кажется несомненным введение и диктатуры, и интеррегнума в период Второй Пунической войны в целях политических комбинаций.

Мы полагаем, что использование интеррегнума в качестве инструмента осуществления как патрицианских интересов в противовес плебейским, так и решения вопросов внутривнутрипатрицианского соперничества имело место параллельно, периодически пересекалось и дополнялось одно другим. Противопоставлять же одно другому, на наш взгляд, бесперспективно, а рассматривать применение интеррегнума как средства исключительно внутривнутрипатрицианской борьбы (без большого значения для взаимоотношений с плебейской элитой), что иногда делалось в литературе⁴⁵⁴, нам не позволяют античные авторы.

Еще один сюжет, имеющий отношение к рассмотрению проблемы проведения интеррексом консульских выборов, – сроки вступления в должность избранных им магистратов, и возможные изменения продолжительности их административного года.

Тит Ливий сообщает о сроках вступления в должность избранных интеррексом консулов по-разному. Иногда это «торжественный день» – *dies solemnis* – календы или иды (Liv. V 11. 11; V 32. 1); иногда будничный: *ante diem tertium idus Sextiles* (Liv. III. 8. 3). Периодически Ливий говорит, что консулы тут же вступили в должность (Liv. III. 55. 1) или сделали это в самый день избрания (Liv. IX. 8. 1). При этом уточнение Ливия о том, что о немедленном вступлении консулов в должность постановили *patres*, наводит на мысль, что в обычном порядке было все же дождаться ближайшего «праздничного» дня. Если учесть, что все дни перед календами и большинство из

⁴⁵¹ Lippold A. Op. cit. S. 142, 272.

⁴⁵² Jahn J. Op. cit. S. 116.

⁴⁵³ Ibid. S. 121.

⁴⁵⁴ См об этом подробнее: Hökeskamp K.-J. Die Entstehung... S. 67.

предшествовавших идам считались днями комиций, то, в любом случае, от избрания до вступления нового консула в должность проходило немного времени. Но, как мы уже отмечали, очень велика была вероятность, что пяти дней первого интеррекса не хватит на выдвижение кандидатов, подготовку комиций, их проведение и ожидание подходящего дня для официального вступления консула в должность. Нужно было организовать избрание консула так, чтобы руководивший выборами интеррекс мог в течение одного-двух дней после этого сложить полномочия. Возможно, что иногда именно по этим «техническим» причинам цепочка интеррексов удлинялась, чтобы не поставить государство в нерегулируемую правовым образом ситуацию: полномочия интеррекса кончились (преемника назначить он не может, если консул избран), а консула не начались. Одновременное нахождение в должности интеррекса и высшего ординарного магистрата также не предусматривалось. После того, как консул вступал в должность, интеррекс должен был уйти (Liv. VI. 1. 9); судя по всему, независимо от того, оставалось ли какое-то количество времени от его пятидневного срока или нет. Видимо, уже вступив в должность, избранный при междуцаре консул в течение следующих пяти дней проводил *lex curiata de imperio*. Итак, вероятнее всего, избранные под руководством интеррекса высшие ординарные магистраты официально приступали к исполнению обязанностей обычно в *dies sollemnis*, но от этого правила иногда при необходимости могли и отступить. Ибо лучше было нарушить его, чем лишить гражданскую общину органов управления, непрерывность которого и должен был поддерживать интеррегнум.

Сложнее обстоит дело с выяснением того, как влияло междуцарствие на сроки административного римского года, учитывая, что далеко не всегда мы можем определить согласование консульского года с календарным. Автор первой (и по существу единственной по этому вопросу) специальной статьи, вышедшей более ста лет тому назад, Г. Унгер полагал, что интеррегнум отодвигал срок вступления в должность консулов следующего года на время своей продолжительности⁴⁵⁵. Сведения Цицерона об интеррегнуме 53 г. до н. э. когда Клодий отказался от занятия претуры, поскольку из-за продолжительного междуцарствия время его полномочий становилось бы очень кратким (Cic. Mil. IX. 24), дают представление о том, что в поздней Республике период исполнения должности избранных интеррексом консулов сокращался на время междуцарствия. Но как влиял интеррегнум на консульский год в ранней Республике, ведь в ее эпоху не было твердо фиксированной календарной даты начала консульского года? Мы знаем, что в конце V в. до н. э. существовал день начала должности высших одинарных магистратов – декабрьские иды, как об этом сообщает Ливий (Liv. V 9. 3)⁴⁵⁶, называя это обычным сроком (Liv. V 11.11), но повествуя далее о вступлении в должность трибунов с консульской властью 401 г. до н. э. не в этот день, а в ок-

⁴⁵⁵ Unger G. F. Op. cit. S. 283-333.

⁴⁵⁶ ...Idus Decembres, sollemnem ineundis magistratib.. diem...

тябрьские календы. В 391 г. срок вступления военных трибунов с консульской властью – квинтильские календы (Liv. V 32. 1). Вероятно, эта дата начала административного года существовала как минимум до 367 г. до н. э., так как до этого времени большая часть триумфов высших магистратов (а их справляли в конце срока полномочий) приходилась на май или июнь. Вместе с тем, с большой долей уверенности можно определить, что в 341 г. до н. э. не было твердой календарной привязки начала консульского года. В этот год, как нам рассказывает все тот же Ливий (Liv. VIII. 4-5), по желанию сената консулы досрочно ушли в отставку с тем, чтобы новые консулы раньше начали подготовку к войне с латинами. Как заметил Й. Ян, желание сената было бы бессмысленным, если бы через отставку консулов нельзя было бы перенести на более ранний срок вступление в должность следующей пары высших магистратов⁴⁵⁷. В 329 г. до н. э. консулы вступают в должность опять-таки в квинтильские календы (Liv. VIII. 20. 3). По мнению Т. Моммзена, а он был крупным специалистом и по римской хронологии, перед Второй Пунической войной консулы начинали свой срок в майские календы, что также выясняется по триумфальным датам⁴⁵⁸. Со Второй Пунической войны – в мартовские иды⁴⁵⁹, а со 153 г. до н. э. – в январские календы⁴⁶⁰. Судя по всему, дата вступления консулов в должность определялась (при нормальном порядке выборов через предшественника, т. е. при отсутствии интеррегнума) прекращением полномочий предыдущих высших магистратов; долгое время в Римской республике она была плавающей. Как же обстояло дело в ситуации интеррегнума? Расчеты Й. Яна показывают, что провозглашенный в междуправление 222 г. до н. э. консул Клавдий Марцелл был в должности меньше календарного года⁴⁶¹. Следовательно, при введении междуправления отсчет нового консульского года так же как бы начинался, но интеррегнум на период своей продолжительности сокращал время нахождения у власти избранных в течение его консулов. То есть, и при календарно нефиксированном «плавающем» дне вступления консулов в должность, административный год начинался не по окончании междуправления, а после прекращения империи консулов-предшественников. Передвигали же по календарю дату начала консульского года не сами интеррегнумы, а преждевременные отставки предыдущих консулов. При этом не происходило «передвижки по календарю» даты окончания срока полномочий избранных консулов, они прекращались через год после абдикации магистратов предшествующего года. Иначе говоря, «календарное смещение» после интеррегнума происходило не для всего годичного периода нахождения консульской пары у власти, а только для дня вступления в должность. Во всяком случае, для периода III - I вв. до н. э. такое наблюдение на основе анализа отдельных фактов, сообщаемых источниками,

⁴⁵⁷ Jahn J. Op. cit. S. 30.

⁴⁵⁸ Mommsen Th. Römische Chronologie... S. 100.

⁴⁵⁹ Целлер М. Указ. соч. С. 132.

⁴⁶⁰ Unger G. F. Op. cit. S. 330.

⁴⁶¹ Jahn J. Op. cit. S. 31.

сделать можно. Что касается более раннего времени, то весьма трудно сказать об этом что-либо конкретное.

Итак, подводя итоги рассмотрению вопроса о проведении интеррексом консульских выборов, отметим кратко следующее. Мы полагаем, что первый интеррекс не руководил обычно консульскими комициями не по причине законодательного запрета, а в силу малой возможности уложиться в отпущенный ему срок. Иначе говоря, не было запрета для первого интеррекса, но была сложившаяся практика проведения выборов его преемниками. Роль интеррекса как председателя избирательных собраний была велика, он мог влиять на их исход, используя не только обычный набор способов, но и условия чрезвычайной ситуации, а также значительный личный авторитет и *auctoritas* представляемых им *patres*. Это, в свою очередь, обусловило применение института *interregnum* как в сословной борьбе (особенно до последней трети IV в. до н. э.), так и во внутреннем соперничестве правивших патрицианских группировок или при противоборстве мнений среди политической элиты. Право трибунской интерцессии, отсутствовавшее в период интеррегнума в отношении *patres*, существовало в отношении действий интеррекса также, как в отношении ординарных должностных лиц. Допускалось избрание под руководством интеррекса только одного консула, но чаще он обеспечивал комплектование всей высшей магистратуры. Избранные по итогам интеррегнума консулы вступали в должность, как правило в *dies solemn*, но, как исключение, могли делать это и в другой день. Междоцарствие сокращало срок полномочий избранных под руководством интеррекса консулов на время своей продолжительности.

Проведением выборов и вступлением в должность избранных консулов (или военных трибунов с консульской властью) завершалось функционирование института междоцарствия, предотвращавшего анархию, обеспечивавшего преемственность и непрерывность власти в соответствии с конституционными основами Римской республики и являвшегося одним из факторов ее стабильного существования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт междуцарствия, возникший, согласно античной традиции, в царский период и просуществовавший фактически до конца Республики, является своеобразным отражением основополагающих черт государственно-правового сознания римлян и, соответственно, их политической организации. В нем в концентрированном виде нашли выражение идеи непрерывности осуществления власти в гражданской общине, преемственности полномочий должностных лиц, незыблемости договора с миром богов. Этот чрезвычайный институт наглядно демонстрирует и римский прагматизм (проявившийся в данном случае в продуманности до мелочей и отлаженности механизма государственной власти, где были предусмотрены рычаги управления даже для самой неординарной ситуации), и римский консерватизм (выразившийся здесь в сохранении на протяжении пяти веков практически неизменной, при том весьма архаической, формы междуцарствия). При этом институт *interregnum* не был во времена Республики рудиментарным органом. Это была отнюдь не декоративная, а действенная политическая структура. Не формальная дань традиции, а насущные потребности государственной жизни лежали в основе ее использования, по мере необходимости, в течение столь длительного времени.

Далеко не часто, а наоборот, очень редко римлянам приходилось прибегать к *интеррегнуму*; около сорока известных нам его случаев в республиканский период, конечно, не исчерпывают всех, реально имевших место, но вполне определенно свидетельствуют о том, что этот институт предназначался именно для исключительных ситуаций.

Действительно, политическая ниша для междуцарствия создавалась только при отсутствии носителей высшей ординарной власти, к тому же без введения диктатуры. Гибель обоих консулов, сложение ими полномочий при тяжелой болезни, окончание административного года без своевременного проведения консульских выборов (по причине трибунской интерцессии против действий председателя избирательных комиций, если он был высшим ординарным должностным лицом, или морального давления на него, если он был чрезвычайным магистратом) создавали «вакуум исполнительной власти», который и ликвидировался при помощи *интеррегнума*. Сакральные причины также считались достаточными для перехода к междуцарствию при условии нарушения священной процедуры избрания должностных лиц или необходимости обновления ауспий в обстановке стихийных бедствий. Политические и религиозные основания введения *интеррегнума* часто переплетались (что естественно при столь сильном, как в Риме, взаимопроникновении этих сфер); к тому же не обходилось и без намеренной «благочестивой маскировки» политических целей, когда иных способов, кроме действия через авгуры, не оставалось. Сенат мог «организовать *интеррегнум*», заставив консулов досрочно сложить полномочия: уменьшение во времени действия

империя консулов влекло за собой их «сакральную дисквалификацию» и невозможность для них проводить выборы своих преемников. При консулах, не оставивших должности досрочно и не перешагнувших рубеж административного года, как бы далеко они не находились от Рима и какими бы важными делами не были отвлечены, междуцарствие, на наш взгляд, было невозможно. «Конституционное поле», в рамках которого римляне всегда, даже в самых чрезвычайных и критических обстоятельствах, пребывали при решении государственных дел (что, в первую очередь, и обеспечивало устойчивость *civitas*), представляло собой совокупность законов, обычаев, традиций. Все они вместе взятые позволяют считать необходимым условием наступления междуцарствия именно отсутствие высших магистратов в должности вообще, а не просто их временный отъезд из города в период, отведенный для избирательной кампании. При этом подчеркнем, что переход к междуцарствию исключался, если носители империя, где бы они не находились, имели его полученным на законный административный срок, то есть, с одной стороны, их полномочия не были пролонгированными (в результате пророгации империя), а с другой стороны, они не были консулами-суффектами. Любые «деформации империя» делали его «сакрально неполноценным», что неизбежно вело к восстановлению преемственности власти чрезвычайным путем. В этом проявилась, на наш взгляд, неразрывная связь империя и ауспиций как двуединого оформления магистратской власти. В этом нашло выражение, по нашему мнению, и то обстоятельство, что империй и ауспиции предоставлялись магистрату как бы делегированными через посредство всего гражданского коллектива от исконных обладателей права руководства общиной и права общения с богами в государственных делах, т. е. от *patres*. Иначе говоря, неизбежность перехода к междуцарствию при наличии носителей «ущербного» империя (а таковым был в глазах римлян, судя по всему, и пророгированный империй), хорошо объясняется именно в контексте понимания этой власти как производной от государственной компетенции *patres*, а следовательно, предоставленной куриатной организацией.

Проведенное построение исторической модели римского междуцарствия убеждает нас в правоте тех исследователей, которые рассматривают процесс формирования римской *civitas* как складывание гражданского коллектива на основе первоначального ядра в виде сакральной общины патрициев. *Patres* как основные для периодов междуцарствий действующие (коллективно и индивидуально) лица сохранили свое значение до конца Республики, ибо именно к ним всегда возвращались ауспиции при вакантности высшей исполнительной власти. Специального акта возвращения ауспиций (которые, безусловно, должны быть определены как *auspicia publica* во всей совокупности – *domi* и *militiae*) не требовалось, просто автоматически прекращалось их делегирование магистратам.

От момента наступления интеррегнума до назначения первого интеррекса проходило при Республике нормально два-три дня: *patres* собирались для его избрания без магистратского созыва, а в период ранней Республики и

без специального сенатского постановления, которое в классической и поздней Республике имело место. В раннереспубликанское время не могла также осуществляться трибунская интерцессия против назначения интеррекса. Голосования в комициях кандидатуры междуцаря не требовалось на протяжении всего длительного хронологического отрезка существования данной чрезвычайной должности. Если в царский период для назначения интеррекса использовалось распределение *patres-senatores* по декуриям, то в эпоху Республики такая система не сохранилась. Нам представляется наиболее вероятным, что первого интеррекса *patres* определяли путем голосования предложенной, возможно старейшим сенатором, кандидатуры. Жеребьевка (одного или сразу нескольких в порядке очередности) менее реальна. Мы полагаем также, что первого междуцаря назначали после предварительных ауспиций, иначе он не мог бы проводить таковые для своего преемника. В начальный момент междуцарствия, когда уже не функционировали ординарные магистратуры, но еще не был назначен чрезвычайный (интеррекс), ауспиции мог проводить любой представитель *patres*, который был хотя и частным лицом, но принадлежал к кругу «естественных обладателей» права общественных птицегаданий. Выбор преемника, судя по всему, формально зависел от предыдущего интеррекса, но фактически за его выбором стояло коллективное мнение *patres*, чем, собственно, объясняется ненужность одобрения очередной персоны путем *auctoritas patrum*. Для того, чтобы занять должность интеррекса, требовалось патрицианское происхождение и статус сенатора, а также было весьма желательно в предшествовавшей карьере иметь консулат. Принадлежность на момент провозглашения к той или иной жреческой коллегии как необходимое и достаточное условие для занятия данной должности представляется нам недоказанной; ее можно рассматривать только как дополнительное преимущество определенной персоны при выборе интеррекса. Чаще всего удавалось оперативно завершить междуцарствие, и число интеррексов не превышало пяти; в исключительно редких случаях междуцарей было свыше десятка, и 50 – 70-ти дневные интеррегнумы воспринимаются как необычайно долгие по продолжительности.

Во время интеррегнума, при вакантности консулата, остальные магистраты прекращали исполнение должностных обязанностей, но плебейские трибуны сохраняли свои главные функции. *Patres* выступали коллективным распорядительным органом, а комиции созывались с обычной целью избрания новых консулов. В начальный период междуцарствия наступал вакуум именно исполнительной власти, но он существовал только до назначения первого интеррекса. Когда начинала функционировать должность междуцаря, эта пустота заполнялась, ибо интеррекс был, по нашему убеждению, магистратом с империем. Его должность ни в коем случае не была номинальной, а полномочия не были ограничены правовым образом одной узкой функцией. Конечно, интеррекс был посредником между носителями высшей ординарной власти в случае нарушения ее обычной преемственности, но осуществить такое посредничество, связать два звена разорвавшейся цепи,

мог только равный с ними по объему полномочий, хотя и чрезвычайный по характеру магистрат. Междуцарь имел империй, распространявшийся на сферу *domi* и сферу *militiae*, но крайне редко успевал полифункционально его использовать. Интеррекс обладал также сопряженным с империем правом ауспиций; как и другие магистраты *cum impregio* он был облечен инсигниями высшей власти. Междуцарь был персонифицированным носителем тех основных функций управления римской общиной, которыми «от природы» были наделены *patres*. Они «порождали» из своей среды интеррекса, передавая в одни руки полноту своей власти для быстрой и эффективной ее реализации. Тот, в свою очередь, должен был «породить» все остальные конституционные структуры ординарной исполнительной власти, кумулируя ее в себе в полном спектре, но как бы в «зачаточном виде». Потенциально огромные полномочия, предоставленные одному человеку, требовали определенных гарантий безопасности для общины от возможных амбиций их обладателя, что и достигалось предельно кратким сроком наделения ими. Этого срока у одного интеррекса не хватало даже для осуществления главного целевого назначения, проведения консульских выборов. Мы полагаем, что никакого правового запрета для первого интеррекса руководить выборами высших ординарных магистратов не было, но это было нереально осуществить в пятидневный промежуток времени. Если даже срока полномочий первого интеррекса хватало бы для подготовки и проведения выборов, избранный консул не успевал бы вступить в должность, так как по обычаю требовалось для этого дождаться календ или ид. Отсюда и возникла практика руководства выборами вторым или последующими междуцарями.

Интеррекс мог осуществлять руководство выборами как одного, так и обоих консулов. Председательствовавший в избирательных комициях интеррекс проводил в жизнь политические цели *patres*, располагая как обычным набором методов влияния на результат выборов, так и используя обстановку чрезвычайной политической ситуации и своей авторитет. В эпоху борьбы плебеев за политическое равноправие патриции практиковали переход к междуцарствию для достижения корпоративных целей, стремясь первоначально не допустить избрание коллегии военных трибунов с консульской властью, а затем обойти закон Лициния - Секстия о паритете сословного представительства в консулате. Руководство выборами со стороны экстраординарного магистрата было для патрициев более предпочтительным в плане осуществления их сословных интересов, чем такое руководство со стороны ординарного должностного лица. Из двух чрезвычайных председателей избирательных собраний – диктатора и интеррекса – несколько более надежно в этом отношении было использовать последнего. Трибунская интерцессия, отсутствовавшая в период междуцарствия на коллегиальные решения *patres*, могла иметь место против действий интеррекса, так как право запрета со стороны плебейских трибунов, применялось именно по отношению к действиям магистратов, к числу которых относился и междуцарь. Роль интеррегнума как ин-

струмента патрицианской сословной политики заметно снижается с последней трети IV в. до н. э.

Параллельно с использованием интеррегнума как орудия пропатрицианской политики, его стремились применять в своих интересах и противоборствовавшие политические группировки сначала внутри патрициата, а затем, с III в. до н. э., внутри правившей патрицианско-плебейской элиты.

Экстраординарная должность интеррекса после завоевания Римом Италии и создания муниципий вводилась также и в них при аналогичной ситуации вакантности высших магистратур, и только в конце Республики восстановление обычного порядка управления в муниципиях стало осуществляться не через междущаря, а через префекта⁴⁶²

Междущарствие как особый политический период характерно не только для Римского государства. Древний мир знал аналогично определяемые ситуации как для восточных, так и античных обществ (Египет, Вавилон, Спарта). Наиболее известно из других междущарствий персидское, обозначаемое греческим термином *ανομία*. Сопоставлению аномии с интеррегнумом посвятил свою статью Ханс Фолькман⁴⁶³. Анализ двух вариантов «безвластия» привел Х. Фолькмана к констатации появления пятидневного срока в том и другом случае из особенностей календарей. Обряд бегства римский царей, от которого многие современные исследователи выводят срок полномочий интеррекса, приходился, как мы видели, на период последних дней года, с 24 по 28 февраля. Персы разработали календарь по образцу египетского, имевшего 12 месяцев по 30 дней и 5 дополнительных праздничных дней. А так как еще раньше к празднованию Нового года они приурочивали торжества по случаю коронации новых владык, то вполне вероятно, что праздник обновления царской власти также стал совмещаться с этими пятью днями. Если у римлян увеличение февраля на 5 дней (первоначально год заканчивался 23 февраля, праздником *Terminalia*) следует отнести к ранней царской эпохе, то время заимствования персами египетского календаря определяется менее надежно. По мнению Х. Фолькмана, персы в конце V в. до н. э. были как минимум знакомы с египетским календарем. Более того, автор считает возможным сведения Геродота (III. 80. 1) о пятидневной смуте перед занятием трона Дарием II связать с отражением факта смены календаря, которая в таком случае могла произойти около 430 г. до н. э. Так или иначе, получается, что хронологически появление интеррегнума и установление пятидневной аномии отстоят друг от друга довольно далеко, но Х. Фолькман считает это вторичным. Главное, на его взгляд, то, что у многих народов было распространено переходное время, наступавшее после смерти царя, которое могло различаться по продолжительности. У римлян и персов его пятидневный срок был обусловлен развитием календаря.

⁴⁶² Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. B. 1. 3. Auf. Darmstadt, 1957. S. 169-170.

⁴⁶³ Volkman H. *Das römische Interregnum...* S. 76-83.

Соглашаясь (с некоторыми оговорками) с Х. Фолькманом, что повод и продолжительность римского и персидского междоцарствий идентичны, отметим, тем не менее, серьезные, на наш взгляд, различия между интеррегнумом и аномией.

Очевидно, что если персидская *ανομία*, как ее характеризует Секст Эмпирик (Adv. Rhet. 33), это, хотя и легальная, но анархия, то *interregnum* - чрезвычайный политический институт, который временно заменяет обычные органы власти, но само его наличие исключает анархию. То есть, «политическое содержание» междоцарствия в римском и персидском вариантах различно. Далее, если принять за время появления аномии V в. до н. э., то получается, что синхронно эти варианты междоцарствия существовали в тот хронологический отрезок, когда в Риме установилось республиканское управление, и *interregnum* означал не способ восстановления царской власти, а обеспечение преемственности власти высшей республиканской магистратуры консулата. При этом определяющим было представление, что в любой ситуации должны существовать органы управления, регулирующие жизнь *civitas*. У персов же, наоборот, доминировала вера в то, что именно царь олицетворяет порядок, а при его смерти начинается хаос. Иначе говоря, если интеррегнум символизировал поддержание государственного порядка, то аномия - наступление хаоса. Х. Фолькман нашел подобное персидскому положение (когда должностные лица слагали власть, не соблюдали иерархию и тем самым изображали предшествовавший новому порядку хаос) и при смерти вавилонского царя. Вероятно, эта аналогия уместна. Что же касается трактовки Х. Фолькманом отставки римских должностных лиц (преторов, эдилов, квесторов) как предпосылки и условия (создание своеобразного хаоса), а не как следствия интеррегнума, то она представляется нам не вполне адекватной историческим реалиям.

Обратим внимание еще на одну особенность интеррегнума. Он был, в представлении римлян, необходим для того, чтобы сохранить покровительство общине со стороны богов, преемственность ауспий. У персов аномия, вполне вероятно, олицетворяла определенный кратковременный «разрыв» общения с богами, поэтому, например, священный огонь при смерти царя гасили, а при вступлении на трон преемника опять зажигали (Diod. XVII. 114. 4). Представление об огне как средстве общения с богами прослеживается еще в древнейшей индоиранской традиции, к тому же огонь у персов символизировал победу сил добра над силами зла, в борьбе которых люди участвовали вместе с божествами. Следовательно, то, что в момент смерти царя огонь тушили, свидетельствует о различии в римском и персидском понимании взаимоотношений с богами в период междоцарствия.

Таким образом, на наш взгляд, поводом наступления и пятидневным сроком сходство интеррегнума и аномии ограничивается. При этом уточним, что то и другое у двух народов не тождественны. Отсутствие царя - предпосылка только для раннего римского интеррегнума (для республиканской эпо-

хи - вакансии всех мест в высшей ординарной магистратуре). Пять дней в римском интеррегнуме - это не продолжительность всего междуцарствия, это время полномочий одного интеррекса (Liv. I. 17. 5; Dionys. II. 57 2; App. B. C. I. 98), число которых могло превышать десяток, у персов же это - весь срок «беззакония». Более значимы, по нашему мнению, различия, нежели сходства между интеррегнумом и аномией. Эти различия относятся к существенным характеристикам римского и персидского междуцарствий и заключаются как в политическом, так и в сакральном их содержании.

Междуцарствие – элемент политической жизни не только государств древности; в средневековое и новое время западноевропейские монархии переживали периоды, к которым также применим этот термин. Их изучению была посвящена специальная монография Генриха Трипеля, изданная в конце XIX в.⁴⁶⁴ Для нас в ней прежде всего представляет интерес тезис автора, что европейский интеррегнум XIV-XIX вв. имеет своим прототипом римский, то есть междуцарствие этого времени - проявление римского наследия в государственной практике западной цивилизации⁴⁶⁵ Особенно обращает на себя внимание то, что автор данной книги понимал смысл слова *interregnum* как «нерегулярное правление между двумя регулярными», а не только в узком буквальном значении, как правление «между двумя царями». На такое толкование термина в историографии нового времени, без сомнения, повлиял римский республиканский интеррегнум.

Междуцарствие в Риме, – рассмотренное не только как особый период, но и как своеобразный политический механизм, имевший свою правовую базу, – являлось чрезвычайным институтом наряду с другими римскими экстраординарными структурами. Но, в отличие от остальных, применявшихся либо только в ранней Республике, либо только в Республике поздней, *interregnum* сохранялся на протяжении всей республиканской эпохи, будучи стабилизирующим фактором существования римской *civitas* в условиях нарушения нормального течения ее государственной жизни.

⁴⁶⁴ Triepel H. *Das Interregnum*. Leipzig. 1892.

⁴⁶⁵ *Ibid.* S. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголепов Н. Учебник истории римского права. М., 1907
2. Вегнер В. Рим. История и культура римского народа. Спб., 1902.
3. Виллемс П. Римские государственные и правовые древности. Киев, 1890.
4. Возникновение германского антиковедения. XVIII - первая половина XIX в. Казань, 1991.
5. Дементьева В. В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V-III вв. до н. э.). Ярославль, 1996.
6. Доватур А. И. Античные сборники писем Цицерона // Письма Марка Туллия Цицерона. М., 1994. Т. 1. С. 403-412.
7. Дождев Д. В. Римская историческая традиция о *conscripti* и динамика правовых различий между патрициями и плебеями // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. М., 1986. С. 123-131.
8. Дождев В. В. Римское частное право. М., 1996.
9. Захаров А. В. Политическая терминология первых шести книг Тита Ливия // Филологическое обозрение. 1896. Т. 10. Кн. 1. С. 55-101.
10. Зенгер Г. Э. К вопросу о *patres* // Варшавские университетские известия. 1890. № 3-4.
11. Кагаров Е. О царской власти в древнем Риме. Воронеж, 1910.
12. Копп У. Римские древности. М., 1868.
13. Коптев А. В. *Princeps et dominus*: К вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 182-190.
14. Кофанов Л. Л. Закон и обычай как инструменты власти в архаическом Риме // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 117-120.
15. Кофанов Л. Л. Роль коллегии авгуров в разработке римского архаического права // IVS ANTIQVVM. Древнее право. М., 1997. № 1 (2). С. 8-23.
16. Лабруна Л. Некоторые размышления о современной юридической историографии в связи с так называемой «римской демократией» // ВДИ. 1995. № 1. С. 131-139.
17. Маяк И. Л. Взаимодействие властей в раннем Риме: источниковедческие заметки к трактату Цицерона *De re publica* // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 28-33.
18. Маяк И. Л. Значение воинской службы для воспитания идеального гражданина (эпоха ранней Республики) // Античность и средневековые Европы. Вып. 3. Пермь, 1996. С. 122-127.
19. Маяк И. Л. К вопросу о понимании термина *civitas* в современной науке // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Тезисы юбилейной конф. Ярославль, 1995. С. 173-174.
20. Маяк И. Л. Римляне ранней Республики. М., 1993.

21. Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского полиса. М., 1983.
22. Маяк И. Л. Римские боги в сочинении Авла Геллия // ВДИ. 1998. № 1. С. 263-271.
23. Маяк И. Л. О переводе термина *tribunus plebis* // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М. 1997. С. 66-70.
24. Маяк И. Л. *Populus, cives, plebs* начала республики // ВДИ. 1989. № 1. С. 66-81.
25. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. М., 1877.
26. Негушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894.
27. Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. 3-е изд. СПб., 1910.
28. Пассек Е. В. Пособие к лекциям по истории римского права. Юрьев, 1906.
29. Пирогов В. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878.
30. Покровский И.А. История римского права. 4-е изд. Пг., 1918;
31. Проблемы методологии изучения античного мира (Доклад Бюро Российской Ассоциации антиковедов) // Методология и методика изучения античного мира. Докл. конф. 31 мая - 2 июня 1993 г. М., 1994. С. 1-21.
32. Пухта Г. Ф. История римского права. Ч. 1. М., 1863.
33. Савельев В. А. Римское частное право. М., 1995.
34. Санчурский Н. Римские древности. М., 1995.
35. Сидорович О. В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 69-96.
36. Сидорович О. В. Социальный состав римского сената в период ранней республики // Из истории античного общества. Вып. 1. Горький, 1975. С. 52-63.
37. Сморгачев А. М. Определение огрешности ауспиций авгурской коллегией // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 78-85.
38. Сморгачев А. М. Положение жречества в эпоху ранней республики // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 42-46.
39. Токмаков В.Н. Воинская присяга и «священные законы» в военной организации раннеримской республики // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 125-147.
40. Токмаков В. Н. Куриатные комиции и военные магистратуры в раннем Риме // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 121-130.
41. Токмаков В. Н. Методика изучения эволюции понятия «популюс» в раннем Риме (VI-V вв. до н. э.) // Методология и методика изучения античного мира. Докл. конф. М., 1994. С. 48-53.
42. Токмаков В. Н. Некоторые аспекты генезиса консульской власти в конституции Рима ранней Республики // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 34-42.
43. Федорова Е.В. Ранняя латинская письменность VIII - II вв. до н. э. М., 1991.

44. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1983.
45. Хвостов В.М. История римского права. М., 1919.
46. Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1894.
47. Чеканова Н. В. Эволюция системы триумvirата в Риме при переходе от республики к империи. Учебное пособие. Ярославль, 1990.
48. Чернышев Ю. Г. Теория «смешанной конституции» у Цицерона и система принципата // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1996. № 1. С. 95-101.
49. Abbot F.F. A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963.
50. Arangio-Ruiz V. Storia del diritto romano. Napoli, 1940.
51. Arangio-Ruiz V. Instituzione de diritto romano. Napoli, 1946.
52. Barcelo P. Altertum. 2. Auf. Grundkurs Geschichte. B.1. Weinheim, 1994.
53. Beloch K. J. Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege. Berlin und Leipzig, 1926.
54. Becker W. A. Handbuch der Römischen Alterthümer. B. 1. Leipzig, 1844; B. 2. Leipzig, 1846.
55. Behrends O. Der römische Gesetzesbegriff und das Prinzip der Gewaltenteilung // Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzesbegriff. Göttingen, 1987. S. 34-122.
56. Bermann U. Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin, 1833.
57. Bleicken J. Die Verfassung der römischen Republik. 6. Auf. Paderborn München - Wien - Zürich, 1993.
58. Bleicken J. Gedanken zum Untergang der Römischen Republik. Stuttgart, 1995.
59. Bleicken J. Geschichte der Römischen Republik. 4. Auf. R. Oldenbourg Verlag. München, 1992.
60. Bleicken J. Lex Publica. Gesetz und Recht in der Römischen Republik. Berlin - New-York, 1975.
61. Bleicken J. Staat und Recht in der Römischen Republik. Wiesbaden, 1978.
62. Bleicken J. Staatliche Ordnung und Freiheit in der Römischen Republik. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1972.
63. Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocation // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar, 1959. B. 76. S. 324-377.
64. Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. Auspicium - potestas - imperium. Göttingen, 1981.
65. Broughton T.R.S. / Patterson M.L. The magistrats of the Roman republic. Vol. 1-2. 1951-1952; Vol. 1-3. Scholars Press reprint, 1986.
66. Cassola F. I gruppi politici Romani nel III secolo a. C. Trieste, 1962.
67. Cassola F. Lo scontro fra patrizi e plebei e la formazione della «nobilitas» // Storia di Roma. Direzione di Arnaldo Momigliano e Aldo Schiavone; Giulio Einaudi editore. Vol. 1. Torino, 1988. P. 451-481.
68. Christ K. Die Römer. Eine Einführung in ihre Geschichte und Zivilisation. 2. Auf. München, 1984.

69. Christensen H. Die ursprüngliche Bedeutung der Patres // *Hermes*. 1875. B. 9. S. 196-216.
70. Cornell T. J. *The Beginnings of Rome Italy and Rome from The Bronze Age to The Punic Wars (c. 1000 -264 B. C.)*. London and New-York, 1995.
71. Dahlheim W. *Die Antike. Griechenland und Rom von den Anfängen bis zur Expansion des Islams*. 2. Auf. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1994.
72. De Martino F. *Intorno all' origine della repubblica romana e della magistrature // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin - New York, 1972. P. 217-249.
73. De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli, 1958.
74. De Francisci P. *Civiltà Romana*. Roma, 1939.
75. De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959.
76. Demandt A. *Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt*. Berlin, 1995.
77. *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. (Hg. M. Jehne). Stuttgart, 1995.
78. De Sanctis G. *Storia dei Romani. "La Nuova Italia"* Editrice Firenze, 1956.
79. Develin R. *Lex curiata and the competence of magistrates // Mnemosyne*. 1977 Vol. XXX. Fasc. 1. P. 49-65.
80. Drexler H. *Politische Grundbegriffe der Römer*. Darmstadt, 1988.
81. Dulckeit G. *Römische Rechtsgeschichte*. München und Berlin, 1952.
82. Ehrenberg V. *Polis und Imperium*. Zürich und Stuttgart, 1965.
83. Ferenczy E. *From the patrician state to the patricio-plebeian state*. Budapest, 1976.
84. Ferenczy E. *The Rise of the Patrician-Plebeian State // Acta antiqua scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1966. B. 14. Fasc. 1-2. P. 113-139.
85. Ferenczy E. *Zur Verfassungsgeschichte der Frührepublik // Beiträge zur alten Geschichte und deren Naehleben. Festschrift für Franz Altheim*. Berlin, 1969. B. 1. S. 136-50.
86. Flach D. *Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar*. Darmstadt, 1994.
87. Flaig E. *Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik des römischen Republik*. Stuttgart, 1995. S. 77-127.
88. Fornara Ch. W. *The Nature of History in Ancient Greece and Rome*. Berkeley - Los Angeles - London, 1983.
89. Friezer E. *Interregnum and patrum auctoritas // Mnemosyne*. 1959. Series IV Vol. XII. P. 301-329.
90. von Fritz K. *The Reorganisation of the Roman Government in 366 B.C. and the so-called Licinio-Sextian Laws // Historia*. 1950. B.1. P. 3- 44.
91. Gabba E. *Dionysius and The History of Archaic Rome*. Berkeley, 1991.
92. Gabelmann H. Thomas Schäfer. *Imperii insignia, Sella curulis und fasces. Zur Repräsentation römischer Magistrate*, Mainz, 1989. // *Gnomon*. 1993. B. 65. S. 239-247.

124

93. Giovannini A. *Auctoritas patrum* // *Museum Helveticum*. Basel, 1985. Vol. 42. Fasc. 1. P 28-36.
94. Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel, 1983. (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. Heft 16.)
95. Giovannini A. *Les origines des magistratures romanes* // *Museum Helveticum*. Basel, 1984. Vol. 41. Fasc. 1. P 15-30.
96. Giovannini A. *Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts* // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. S. 406-436.
97. Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit* // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. B.1. 1. Berlin- New-York, 1972. S. 136-188.
98. Gjerstad E. *The Origins of the Roman Republic* // *Entretiens sur l' antiquite classique*. 1967 Vol. 13. P 1-30.
99. Crawford M. *The Roman Republic*. New Jersey, 1978.
100. Guarino A. *Storia del Diritto Romano*. Quinta Edizione. Napoli, 1975.
101. Hackl U. *Krieg und Politik im republikanischen Rom* // *Klassisches Altertum, Spätantike und frühes Christentum*. Würzburg, 1993. S. 95-105.
102. Hackl U. *Senat und Magistratur in Rom von der Mitte des 2. Jahrhunderts v. Chr. bis zur Diktatur Sullas*. Kallmünz, 1982.
103. Hanell K. *Das altrömische Eponyme Amt*. Lund, 1946.
104. Herzog E. *Das Institut des Interregnums in System der römischen Staatsverfassung* // *Philologus. Zeitschrift für das Klassische Alterthum*. Göttingen, 1876. B. 34. S. 498-515.
105. Herzog E. *Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung*. B. 1. Leipzig, 1884.
106. Heuß A. *Eugen Täubler Postumus* // Heuß A. *Gesammelte Schriften in 3 Bänden*. B. 3. Stuttgart, 1995. S. 1891-1929.
107. Heuß A. *Gedanken und Vermutungen zur frühen römischen Regierungsgewalt*. Göttingen, 1983. (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. 1. Philologisch - Historische Klasse, 1983. S. 376-454.)
108. Heuß A. *Näheres zu Niehbur* // Heuß A. *Gesammelte Schriften in 3 Bänden*. B. 3. Stuttgart, 1995. S. 1625-1657
109. Heuß A. *Theodor Mommsen als Geschichtsschreiber* // Heuß A. *Gesammelte Schriften in 3 Bänden*. B. 3. Stuttgart, 1995. S. 1744-1802.
110. Heuß A. *Römische Geschichte*. Braunschweig, 1977; *Gesammelte Schriften in 3 Bänden*. B. 2. *Römische Geschichte*. Stuttgart, 1995.
111. Heuß A. *Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R.A. Weimar, 1944. B. 64. S. 57-133.
112. Hölkeskamp K.-J. *Die Entstehung der Nobilität*. Stuttgart, 1987
113. Hölkeskamp K.-J. *Oratoris maxima scaena: Reden vor dem Volk in der politischen Kultur der Republik* // *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik des römischen Republik*. Stuttgart, 1995. S. 11-49.

114. Hölkeskamp K.-J. Senat und Volkstribunat im frühen 3. Jh. v. Chr. // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 437-457
115. Hopkins K. Burton G. Political succession in the Late Republic (249-50 B.C.) // Hopkins K. Sociological studies in Roman History. Vol. 2. Death and Renewal. Cambridge, London, New-York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1983. P. 31-119.
116. Humbert M. Institutions politiques et sociales de l'antiquité. Dalloz, 1984.
117. Huschke Ph. E. Das Alte Römische Jahr und seine Tage. Breslau, 1869.
118. Ihne W. Forschungen auf dem Gebiet der römischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main, 1847
119. Ihne W. Römische Geschichte. B. 2. Leipzig, 1870; B. 4. Leipzig, 1876.
120. Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1970.
121. Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. B. 1. Leipzig, 1885.
122. Kaser M. Römische Rechtsgeschichte. 2. Auf. Göttingen, 1978.
123. Kornemann E. Römische Geschichte. B. 1. Die Zeit der Republik. Stuttgart, 1970.
124. Kunkel W. Kleine Schriften. Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974.
125. Kunkel W. Magistratische Gewalt und Senats Herrschaft // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin - New York, 1972. S. 3-22.
126. Kunkel W. Römische Rechtsgeschichte. Köln, 1956.
127. Lange L. Römische Alterthümer. B. 1. Berlin, 1876.
128. de Libero L. Obstruktion. Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden Republik (70-49 v. Chr.). Stuttgart, 1992.
129. Liebenam W. Interregnum // Pauli / Wissowa Real-Encyclopädie der klassischen Alterthumswissenschaft. B. IX. Stuttgart, 1916. S. 1713-1720.
130. Lindersky J. The Auspices and struggle of the Orders // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. P. 34-48.
131. Linke B. Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995.
132. Lippold A. Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulats von 264 bis 201 v. Chr. Bonn, 1963.
133. Lobrano G. Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani // Studia et documente historiae et iuris. 1975. B. 41. P. 245-277
134. von Lübtow U. Das Römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt am Main, 1955.
135. von Lübtow U. Die lex curiata de imperio. // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. 1952. B. LXIX. S. 154-171.
136. von Lübtow U. Die römische Diktatur // Der Staatsnotstand. Berlin, 1965. S. 91-137
137. Magdelain A. «Auspicia ad patres redeunt» // Magdelain A. Jus imperium auctoritas. Etudes de droit Romain. Roma, 1990. P. 341-383.

138. Magdelain A. Cinq jours epagomenes a Rome // *Revue des Etudes Latines*. 1962. Vol. 40. P 201-227
139. Magdelain A. Praetor Maximus et Comitatus Maximus // *Rivista internazionale di diritto romano e antico*. Napoli, 1969. B. XX. P 257-286; Magdelain A. Jus imperium auctoritas. *Etudes de droit Romain*. Roma, 1990. P 313-339.
140. Mannino V "Auctoritas patrum" Milano, 1979.
141. Marquardt J. *Römische Staatsverwaltung*. B.1. 2. Auf. Leipzig, 1881; 3. Auf. Darmstadt, 1957
142. Merrill E.T. The Roman Calendar and the Regifugium // *Classical philology the univ. Of Chicago press*. 1924. Vol. XIX. P 20-39.
143. Meyer Ed. *Kleine Schriften*. Halle, 1910.
144. Meyer Er. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich und Stuttgart, 1961.
145. Michels A. K. The Calendar of the Roman Republic. Princeton, New Jersey, 1967
146. Millar F. The Political Character of the classical Roman Republic. 200-151 B.C. // *The Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. LXXIV P. 1-19.
147. Mitchell R. E. Patricians and Plebeians. The origin of the Roman State. Ithaca and London, 1990.
148. Momigliano A. Osservazioni sulla distinzione fra patrizie e plebei // *Entretiens sur l'antiquite classique*. 1967. Vol. 13. P 197-222.
149. Momigliano A. Praetor Maximus e questioni affini // Momigliano A. Quarto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Roma, 1969. P 403-417
150. Mommsen Th. *Abriss der römischen Staatsrecht*. Leipzig, 1893.
151. Mommsen Th. *Römische Chronologie*. Berlin, 1859.
152. Mommsen Th. *Römische Forschungen*. B. 1-2. Berlin, 1864-1879.
153. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. B. 1. Leipzig, 1871; B. 2. Leipzig, 1874.
154. Mustakallio K. Death and Disyrace. Capital Penalties with Post Mortem Sanctions in Early Roman Historiography. Helsinki, 1994.
155. Müller R. Polis und Res publica. Studien zum antiken Gesellschafts- und Geschichtsdenken. Weimar, 1987.
156. Neumann K. J. *Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte*. Strassburg, 1910.
157. Niebuhr B. *Römische Geschichte*. B. 1. Berlin, 1833.
158. Nippel W. Aufruhr und «Polizei» in der römischen Republik. Stuttgart, 1988.
159. Nippel W. Public order in Ancient Rome. Cambridge, 1995.
160. Nissen A. Beiträge zum römischen Staatsrecht. Strassburg, 1885.
161. North J.A. Democratic Politics in Republican Rome // *Past and Present. Journal of historical studies*. 1990. № 126. P 3-21.
162. Ogilvie R. M. Commentary on Livy. Oxford, 1965.
163. Ogilvie R. M. Early Rome and Etruscans. Oxford, 1976.
164. Paananen U. Legislation in the comitia centuriata // *Acta Instituti Romani Finlandiae*. Helsinki, 1993. P. 9-73.

165. Palmer R. E.A. *The Archaic Community of the Romans*. Cambridge, 1970.
166. Philipp G.B. Politische Wortstudien // *Gymnasium*. 1959. B. 66. S. 97-127
167. Radke G. *Fasti Romani. Betrachtungen zur Frühgeschichte des römischen Kalenders*. Aschendorf-Münster, 1990.
168. Ranouil P. Ch. *Recherche sur le patriciat (509-366)*. Paris, 1975.
169. Richard J.-C. *Les origines de la plebe romaine. Essai sur la formation du dualisme. patricio - plebeien*. Roma-Paris, 1978.
170. Rilinger R. *Der Einfluß des Wahlleiters bei den römischen Konsulwahlen von 366 bis 50 v. Chr.* München, 1976. (*Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte*. B. 24.)
171. Rilinger R. *Die Ausbildung von Amtswechsel und Amtsfristen als Problem zwischen Machtbesitz und Machtmißbrauch in der Mittleren Republik (342 bis 217 v. Chr.)* // *Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*. B. 8. München, 1978. S. 247-312.
172. *Roma tra oligarchia e democrazia*. Napoli, 1989.
173. Rosenstein N. *Imperatores victi Military defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic*. Berkeley, 1990.
174. Rubino J. *Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte*. Cassel, 1839.
175. Schäfer Th. *Imperii insignia. Sella curulis und fasces. Zur Repräsentation römischer Magistrate*. Mainz, 189.
176. Schneider H. *Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Kriege und Niedergang einer antiken Republik*. Darmstadt, 1977
177. Schwegler D. U. *Römische Geschichte*. B. 3. Tübingen, 1858.
178. Scullard H. H. *A history of the Roman Word from 753 to 146 B. C.* London; New York. 1964.
179. Scullard H. H. *Roman politics. 220-150 B. C.* Oxford, 1951.
180. Siber H. *Römisches Recht in Grundzügen für die Vorlesung*. B. 1-2. Darmstadt, 1968.
181. Siber H. *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Lahr, 1952.
182. Siniscalco P. *Res publica e populus nel De civitate Dei (XI. 21 e XIX. 21 ss) di Agostino D' Ippona* // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. М., 1996. № 1. С. 178-181.
183. Soltau W. *Römische Chronologie*. Freiburg, 1889.
184. Staveley E. S. *The Conduct of Elections during an Interregnum* // *Historia*. 1954/55. P. 193-207
185. Staveley E. S. *The Constitution of the Roman Republic* // *Historia*. 1956. B. V P. 74-122.
186. Staveley E. S. *The Nature and Aims of the Patriciate* // *Historia*. 1983. B. 32. P. 24-57
187. Staveley E. S. *The Significance of the consular tribunate* // *The Journal of Roman Studies*. 1953. B. 43. P. 30-36.

188. Stiehl R. Die Datierung der Kapitolinischen Fasten. Tübingen, 1957.
189. The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridg, 1928.
190. Tränkle H. Der Anfang des Römischen Freistaats in der Darstellung des Livius // *Hermes*. 1965. B. 93. S. 311-337
191. Triepel H. Das Interregnum. Leipzig, 1892.
192. Unger G. F. Interregnum und Amtsjahr // *Philologus. Zeitschrift für das klassische Alterthum*. Göttingen, 1884. B. IV S. 281-333.
193. Versnel H. S. Triumphus (An inquiry into the origin development and meaning of the Roman Triumph). Leiden, 1970.
194. Vogel K. H. Imperium und Fasces // *Zeitschrift der Savigny- Stiftung. R. A.* 1950. B. 67. S. 62-111.
195. Volkmann H. Das Römische Interregnum und die persische Anomia // *Reinische Museum für Philologie*. Frankfurt am Main, 1967 B. 110. S. 76-83.
196. Vogt J. Römische Geschichte. 4. Auf. Basel - Freiburg - Wien, 1959.
197. Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München - Wien, 1963.
198. Wesenberg G. Praetor Maximus // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A.* 1947. B. LXV S. 319-326.
199. Wesenberg G. Zur Frage der Kontinuität zwischen königlicher Gewalt und Beamten Gewalt in Rom // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A.* 1953. B. 70. S. 58-92.
200. Wieacker F. Jus. Die Entstehung einer archaischen Rechtsordnung im archaischen Rom // *Rechtswissenschaft und Rechtsentwicklung*. Göttingen, 1980. S. 33-52.
201. Wieacker F. Römische Rechtsgeschichte. München, 1988.
202. Wissowa G. Asconius // *Pauli / Wissowa Real-Encyclopädie*. B. 2. Stuttgart, 1896. S. 1524-1527.
203. Wolf J. G. Die literarische Überlieferung der Publikation der Fasten und Legisaktionen durch Cnaeus Flavius. Göttingen, 1980.
204. Wolf H. J. Interregnum und auctoritas patrum // *Bullettino dell' Istituto di diritto Romano*. Milano, 1961. Vol. 64. (Terza serie. Vol. III.) P. 1-14.

Указатель античных имен

- Анний Милон**, Тит, 28
Анк Марций, 32
Аппиан, 30, 37, 72, 86
Асконий Педиан, 28, 70, 72, 85, 89, 97

Валерии, 107, 108
Валерий Анциат, 108
Валерий Корв, Марк, 79, 107, 108
Валерий Левин, 108, 109
Валерий Максим, Марк, 108
Валерий Мессалла, Марк, 26, 79
Валерий Потит, Луций, 6
Валерий Публикола, Марк, 107
Валерий Флакк, 86, 87, 98
Ветурий Филон, Луций, 108, 109

Ганнибал, 50
Геллий Авл, 8, 29, 56, 60
Генуций, Луций, 105
Геродот, 117
Гораций Барбат, Марк, 6

Диодор Сицилийский, 30
Дионисий Галикарнаасский, 29, 32, 34, 36, 37, 67, 68, 74, 89, 98, 102

Евтропий, 30

Кальпурний Пизон, 28
Кассий Дион (Дион Кассий Кокце-ян), 30, 56, 83
Квинкий (Пен, Тит?) (Цезон? Гай?), 100
Квинкий, Тит, 45
Клавдий Марцелл, Марк, 30, 99, 111
Клавдий, Аппий, 87
Клавдий Красс, Аппий, 73
Клавдий Цек, Аппий, 26, 28, 32, 76, 79, 102
Клавдий Тацит, Марк, 29

Клодий Пульхр, Публий, 110
Корнелий, Гней, 99
Корнелий Косс, Авл, 107, 108
Корнелий Сципион, Луций, 84, 107
Корнелий Сулла, Луций, 36, 86, 94, 98
Ксенофонт, 27

Ливий, Тит, 27, 28, 32, 37, 44, 46, 47, 49, 50, 56, 61, 63, 67, 68, 70, 72-76, 80, 82, 84, 86, 89, 94, 95, 99, 102, 104-106, 109-111
Лициний Мазер, Гай, 28
Лициний Столон, Гай, 43, 60, 84, 101, 102, 104-107, 116
Лукреций Спурий, 36
Лутаций, 108
Лутаций Катул, Квинт, 87

Манлии, 107, 108
Манлий Капитолийский, Марк, 79
Манлий Торкват, Тит, 45
Манлий Торкват, Тит, 108
Марций Рутил, Гай, 50
Марций Филипп, Луций, 29, 87
Муций Сцевола, 108, 109

Нума Помпилий, 32, 33

Овидий Назон, Публий, 30

Папирии, 107, 108
Папирий Курсор, Луций, 108
Папирий Мугиллан, Луций, 86
Плавтий Гай, 47
Петелий, Гай, 105
Плиний Старший, 8
Полибий, 16, 17
Помпей, Гней, 30, 89, 99
Помпей Фест, Секст, 8
Помпоний Аттик, Тит, 46

130

Попилий Ленат, Марк, 50
 Постумий Мегелл, Луций, 100
 Плутарх, 30, 37, 67, 72, 90, 91, 99
 Присциан, 28
 Публилий Филон, Квинт, 108

Ромул, 9, 30, 32, 33, 36, 37, 67, 88, 89

Саллюстий Крисп, Гай, 28, 87
 Секстий Латеран, Луций, 43, 60, 84,
 101, 102, 104-107, 116
 Секст Эмпирик, 118
 Семпроний Гракх, Тиберий, 48
 Сервий Туллий, 34
 Сифак, 64
 Сульпиций Петик, Гай, 100
 Сульпиций, Публий, 76, 102
 Сципионы, 108, 109

Тарквиний Приск, 88
 Тарквиний Суперб, 9, 32, 39
 Теренций Варрон, Гай, 99
 Теренций Варрон, Марк, 30
 Требаций Теста, Гай, 28
 Тулл Гостилий, 32, 61, 88, 94

Туллий Цицерон, Марк, 8, 28, 32, 44,
 58, 67, 74, 77, 83-86, 91, 98, 102,
 110

Фабии, 107, 108
 Фабий Амбуст, Марк, 50, 79, 100,
 107
 Фабий Дорсуон, Марк, 107
 Фабий, Марк, 106
 Фабий Максим, Квинт, 26, 32, 79,
 108, 109
 Флавий Вописк Сиракузянин, 29, 68,
 71
 Фурий Камилл, Марк, 79
 Фурий Медуллин, Луций, 107

Цецилий Метелл, Квинт, 77, 78, 89

Эмилии, 107-109
 Эмилий Мамерцин, Луций, 108, 109
 Эмилий Лепид, Марк, 85
 Эмилий Лепид, Марк, 87
 Эмилий Павел, Луций, 26, 32, 79

Юлий, Гай, 46
 Юний Брут, Марк, 28, 83

Указатель латинских терминов

- Auctor**, 66
auctoritas, 48, 62, 64
auctoritas patrum, 12, 24, 54, 56, 59, 64, 66, 77, 81, 101, 112, 115
auspicato, 73, 75, 95
auspicium, **auspicia**, 45, 57, 53, 58, 75, 88, 95
auspicia domi, 62, 114
auspicia imperativa, 59
auspicia maxima, 59, 60
auspicia militiae, 62, 114
auspicia minora, 59, 60
auspicia oblativa, 59
auspicia patriciorum, 56, 60
auspicia privata, 60, 61
auspicia publica, 60, 61, 114

Cives, 3, 12, 13, 57
civitas, 3, 10, 12, 18, 20, 25, 51, 57, 64, 66, 70, 81, 114, 118, 119
comitia, 72, 84, 102
concordia causa, 107
conscripti, 53, 55
consul, **consules**, 49, 86, 89, 100, 102
consul designatus, 97
consul suffectus, 57
contra leges, 102
cursus honorum, 3, 13

De facto, 77
de iure, 77
dictator, 86, 89, 100
dictator comitiorum habendorum causa, 50, 94
dictator rei gerundae causa, 50
dictator senatus legendi causa, 50
dies sollemnis, 109, 110, 112

Fasces, 14, 15, 88
filii familias, 69

Gens Aemilia, 108

gentes, 81, 90, 108

Imperium, 9, 13, 51, 62, 63, 87, 90
imperium domi, 13, 14, 62, 87, 116
imperium imminutum, 48
imperium militiae, 13, 14, 62, 87, 116
imperium regium, 89
in suffragium revocare, 100
interregnum 3, 5, 7, 9, 24-26, 28, 31, 35, 41, 44, 45, 49, 51, 53, 62, 66, 70, 71, 77, 80, 86, 91, 93, 94, 96, 102, 104, 106, 112, 115, 118, 119
interrex, 37, 70, 72-77, 82, 84, 85, 91, 94, 100
ius agendi cum patribus et cum populo, 85, 86
ius auspicorum, 88

Lex, 65
lex curiata de imperio, 57, 58, 60, 64, 66, 73, 90, 92, 110
lex Licinia Sextia, 35, 84
lex Maenia, 65, 101
lex Ogulnia, 106
lex Publilia, 65,
lex Valeria, 98
lex Valeria Horatia, 35
lictiores, 15

Magister, 13
magister equitum, 50
magister populi, 7, 37
magistratus, 61, 74, 85
magistratus cum imperio, 43, 87, 116
magistratus sine imperio, 60, 87
maximus, 8
mos, mores, 65
mos maiorum, 11, 12, 65

Nomen non accipere, 100
non renuntiare, 100, 101

132

Pater familias gentium patriciarum, 55
 patres, 3, 12, 13, 14, 23, 53-57, 61-64,
 66, 68, 69, 71, 73, 75, 77, 78, 80, 81,
 84, 85, 90, 92, 93-95, 97, 98, 101,
 103, 107, 109, 112, 114-116
 patres-senatores, 67, 68, 79, 100, 103,
 115
 patricii, 49, 61, 70, 77, 102
 pax deorum, 31
 pedarii, 53
 pomerium, 14, 84
 pontifex maximus, 69
 Poplifugia, 39
 populus, 11, 12, 61, 63, 78, 101
 populus Romanus, 11, 13, 56, 63, 64
 potestas, 57
 potestas regia, 61
 praetores, 8
 praetores minores, 8
 praetor maximus, 6-8, 35, 37, 100
 praefectus urbis, 36

 Rationem non habere, 100
 Regifugium, 39-41, 90, 96

relatio, relationes, 72, 85
 res, 61, 62
 res privata, 11
 res populi, 11
 res publica, 11, 13, 19, 67, 87
 rex sacrorum, 34, 37, 39, 41
 rogationes, 86

Securis, 15
 sella curulis, 14, 80
 senatores, 69
 senatus, 54, 67, 70
 senatus consultum, 65, 72, 86
 solitudo magistratum, 93
 solium, 14, 15

Terminalia, 38, 117
 toga praetexta, 14
 tribunus celerum, 69

Veto, 72
 viatores, 15
 virgae, 15

Указатель греческих терминов

Ανομία, 117, 118
 αρχη, 99
 αντιβασιλευς, 31
 βουλη, 53, 86
 ἑντερρηξ, 31
 μεσοβασιλεια, 31, 83

μεσοβασιλειος αρχη, 31
 μεσοβασιλευς, 31, 99, 104
 μεταξυ βασιλευς, 31 86, 99
 πολεμος, 11
 στρατηγος υπατος, 6

Zusammenfassung

DAS RÖMISCHE REPUBLIKANISCHE INTERREGNUM ALS POLITISCHES INSTITUT

Im ersten Paragraph des Kapitels «DIE ENTSTEHUNG DES INSTITUTES DAS *INTERREGNUM*» analysiert der Autor der Monographie die Konzeptionen des Ursprungs des römischen Interregnums. Die Frage über die Zeit der Entstehung des Interregnums ist ein Diskussionsproblem. Es gibt verschiedene Standpunkte über seine Erscheinungszeit als das politische Werkzeug des staatlichen Lebens der Römer. Die Mehrheit der Historiker beziehen die Entstehung des Interregnums auf die königliche Epoche. U. Von Lübtow, F. De Martino haben die Konzeption das *interregnum* als eine Zwischenform geschaffen, die das Jahr nach der Vertreibung Tarquinius Superbus existierte. V. Dementieva unterstützt diese Hypothese nicht.

Zum Problem über die Zeit der Entstehung des Interregnums gehört die Frage über die Erklärung des fünftägigen Termins der Amtszeit des Interrex. Th. Mommsen und L. Lange haben die Meinung ausgesprochen, daß die Amtsdauer des einzelnen Interrex mit der Swurfrist der Beamten verbunden wurde. Aber V. Dementieva unterstützt den Standpunkt über das ursprüngliche Zusammenfallen in der Zeit das *Regifugium* und das *interregnum*, den E. T. Merrill, A. Magdelain, Er. Meyer, J. Jahn und andere schützten. Die Vollmachtsfrist des Interrex hatte auf Grund die Ritualen der römischen Frühzeit. Es zeugt, seinerseits, davon, daß eine Ursprungszeit des Interregnums die Periode der ersten Könige war.

Im zweiten Paragraph werden die Voraussetzungen für das Eintreten des Interregnums während der Republik formuliert. Das Interregnum war vorhanden nur bei der Abwesenheit der Träger der höchsten ordinären Macht, dazu ohne Einleitung der Diktatur. Das Verderben beider Konsuln, die Addition ihre Vollmächte bei der schweren Krankheit, die Endung des administrativen Jahres ohne termin-gemäße Durchführung der Wahlen der Konsuln schufen «der Vakuum der vollziehenden Macht», der mit Hilfe des Interregnums abgeschafft wurde. Die religiösen Gründe waren gültig für das Eintreten des Interregnums vorbehaltlich der Übertretung der heiligen Prozedur der Beamtenwahl oder der Notwendigkeit der Erneuerung der Auspizien in der Bedingung der Naturkatastrophen. Die politischen und religiösen Gründungen der Einleitung des Interregnums wurden oft kombiniert; dazu maskierte der Senat absichtlich die politischen Zwecke, handelnd mit Hilfe der Auguren. Der Senat konnte «das Interregnum organisieren». Die Konsuln wurden zum vorfristigen Abschied gezwungen. Die Verkleinerung in der Zeit der Imperuimsaktion der Konsuln zog «die Religiösdiskualifizierung» und die Unmöglichkeit die Wahlen der eigenen Nachfolger zu leiten. Bei den Konsuln, die das Amt vorfristig nicht verließen, selbst wenn sie sich weit von Rom befanden, nach Meinung von dem Autor dieser Monographie, das Interregnum war unmöglich. Eine notwendige Bedingung für das Eintreten des Interregnums war die Ab-

wesenheit den höchsten Magistraten in den Posten im allgemeinen, und nicht nur ihre zeitweilige Abreise aus der Stadt im Laufe der Konsulwahlen (wie meinte J. Jahn). Das Vorhandensein nur den Konsul mit dem Imperium nach der Prorogation oder den Konsul-Suffectus führte zum Interregnum auf. Die Unvermeidlichkeit des Überganges zum Interregnum bei Vorhandensein den Träger «des minderwertigen Imperiums» wird gut im Kontext des Verständnisses dieser Macht als die Befugnisse, die vom staatlichen Kompetenzbereich der *patres* bekommen sind, erklärt.

Im zweiten Kapitel «DER RECHTLICHE MECHANISMUS DES FUNKTIONIERENS DES INSTITUTES DAS *INTERREGNUM*» werden die religiösen und rechtlichen Normen am Anfang des Interregnums und die Ordnung der Einsetzung des Interrex untersucht.

Der Anfang des Interregnums klärt sich von den Quellen vom Ausdruck „*auspicia ad patres redeunt*». Autor analysiert verschiedene Konzeptionen, die der Fragen gewidmet sind, was das Fachwort *patres* bedeutet (die Gesamtheit der Patrizier, den ganzen Senat, die patrizischen Senatoren, die Väter der Familien der patrizischen gentes etc.). V. Dementieva glaubt, daß die Auspizien zu den Patriziern zurückkehrten, aber real die Staatsangelegenheiten, die mit der Auspizien verbundenen waren, verwirklichten die Patrizier-Senatoren. Die Erhaltung innerhalb der ganzen republikanischen Epoche des Rechtes der Auspizien am Anfang des Interregnums und des Rechtes der Festsetzung den Interrex bei den patrizischen Senatoren erklärt der Autor von den Besonderheiten des Prozesses der Formierung des römischen Staates. Dieser Prozeß, seinerseits, wird in die Monographie so behandelt: die Bildung der politischen Gemeinschaft auf Grund ihres ursprünglichen Kernes als Religionsgemeinde der Patrizier.

Die Rückkehr der Auspizien zu den *patres* bei der Vakanz der höchsten Magistratur betrachtet der Autor als die automatische Rückkehr zu den gesetzlichen Besitzern; die besondere Prozedur wurde dabei nicht gefordert. Die *patres* delegierten die Auspizien den Magistraten auf Zeit ihrer amtlichen Vollmachten auf Grund *lex curiata de imperio*. Es wird die Aufmerksamkeit auf die Verbindung *auspicia* und *imperium* gerichtet.

In der Frage, welche Auspizien kehrten zu den *patres* zurück, der Autor macht den Schluß, daß es *auspicia publica* in ihre Gesamtheit, nicht nur in der Sphäre *domi*, sondern auch in der Sphäre *militiae*, waren. (Die Standpunkte, die in der Historiographie existieren, daß es *auspicia privata* oder nur *auspicia domi* waren, V. Dementieva unterstützt nicht.) Sie spricht auch die Meinung aus, daß während des Eintretens des Interregnums zu den *patres* zusammen mit der Auspizien auch ganze Fülle der vollziehenden Macht zurückkehrte.

Anläßlich des Standpunktes, daß als Besitzer des Imperiums und *auspicia publica* auch *populus Romanus* war, der Autor bemerkt, daß das römische Volk als Träger der Auspizien formal gelten durfte, aber in der Praxis, jedes Mal, wenn der Bruch der Kontinuität der magistratische Macht war, hatten sich die *patres* das Recht mit den Göttern im Auftrage *civitas* zu verbinden und das Recht, die politischen Aktionen zu unternehmen.

Der Autor der Monographie unterstützt und entwickelt auch den Standpunkt (den A. Heuß, A. Giovannini, B. Linke aussprachen), daß der Kompetenzbereich des Magistrats als ein abgeleitetes Element von den staatlichen Funktionen *patres* war. Die Prozedur der Ernennung des Interrex, die im zweiten Paragraph dieses Kapitels der Autor beschreibt, bestand aus einigen Elementen. V. Dementieva meint, daß sich die *patres* für die Ernennung des Interrex gewöhnlich innerhalb von zwei - drei Tagen nach dem Anfang des Interregnums ohne magistratische Einberufung, nach der eigenen Initiative versammelten. Im Laufe der frühen Republik wurde die vorläufige Verordnung des Senates nicht gefordert, und während der Epoche der späten Republik wurde sie übernommen. Die Volkstribunen durften in V-III Jh. v. Ch. gegen die Festsetzung des Interrex protestieren nicht, ihr Protest war vorhanden nur am Ende der Republik. Die Wahl des ersten Interrex war, wahrscheinlich, auf Grund der Abstimmung, nicht durchs Los. Die Prozedur der Ernennung des Interrex sah die Behauptungen auf die Volksversammlung während ganzer langwierigen Periode der Existenz dieses außerordentlichen Amt nicht vor. Der Interrex bedürfte sich der *lex curiata de imperio* nicht, da er, als einer der *patres*, der Vertreter der Kurien und der Träger der Auspizien schon war.

Der Autor motiviert den Standpunkt, daß die *patres* den ersten Interrex nach der Durchführung der Auspizien ernannten, anders dürfte er nicht, die Auspizien in Beziehung zu dem eigenen Nachfolger leiten. Das formale Recht der Wahl der Person des zweiten Interrex gehörte erstem, aber real berücksichtigte er die Empfehlungen seitens anderer Patrizier-Senatoren. Der besonderen Bestätigung durch *auctoritas patrum* war es nicht erforderlich, da ganzes Institut *interregnum* bedeutete das Monopol der *patres* auf die staatliche Macht. Eine notwendige Bedingung für die Wahl des Interrex war seine Zugehörigkeit zu Patrizier-Senatoren, der ehemaligen Konsulat des Kandidaten war sehr wünschenswert. Als Interrex waren oft die größten politischen Personen und die Heerführer. Es ist nicht beweiskräftig, nach der Meinung vom Autor, die Behauptung, daß der Interrex bei der Festsetzung ein Mitglied eines Priesterkollegium wie die notwendige und ausreichende Bedingung für dieses Amt sein sollte. Die Zugehörigkeit zum Priesterkollegium kann man nur als zusätzlicher Vorteil der bestimmten Person bei der Bestellung des Interrex betrachten.

Im dritten Kapitel «DER INTERREX ALS TRÄGER DER HÖCHSTEN STAATLICHEN MACHT» wird den Charakter der Vollmächte des Interrex analysiert. Der Interrex war, nach der Überzeugung des Autors dieser Monographie, der Magistrat mit dem Imperium. Sein Posten war keinesfalls nominell, und die Vollmächte wurden auf rechtliche Weise von einer enger Funktion nicht beschränkt. Der Interrex hatte das Imperium, das sich auf die Sphäre *domi* und die Sphäre *militiae* erstreckte, aber äußerst selten hatte er die Möglichkeit es vielfältig zu benutzen. Der Interrex verfügte auch über das Recht der Auspizien, die mit dem Imperium verknüpft waren. Wie auch andere Magistrate *cum imperio* hatte er die Insignien der höchsten Macht. Die potentiell gewaltige Macht wurde einem Menschen gewährt, deshalb wurden die bestimmten Garantien der Sicherheit der Ge-

meinde von der möglichen Ambition des Besitzers dieser Macht gefordert, was wurde durch den kurzen Amtstermin erreicht.

V Dementieva glaubt, daß kein rechtliches Verbot für den ersten Interrex war, die Wahlen der höchsten ordinären Magistrate zu leiten. Doch war die Wahlen in den fünftägigen Zeitraum nicht real zu organisieren. Selbst wenn die Frist der Vollmächte des ersten Interrex für die Vorbereitung und die Durchführung der Wahlen ausreichend war, dennoch, würde der erwählte Konsul nicht dazukommen, den Posten zu betreten, da es nach dem Brauch dafür erforderlich ist, der feierlichen Tage (die Kalenden oder Iden) zu erwarten. Deshalb hat eben die Praxis der Leitung der Wahlen durch den zweiten oder nachfolgenden Interrex entstanden. Nichtdurchführung der Wahl durch den ersten Interrex war, wie V Dementieva beweist, nur die gewöhnliche Praxis (mit einigen Ausnahme), aber kein Verbot.

Der Interrex durfte die Wahlen wie einen, als auch beider Konsuln leiten. Während der Abstimmung in den Komitien verwirklichte der Interrex die politischen Zwecke der *patres*, dabei verfügte er nicht nur die gewöhnlichen Methoden des Einflusses auf das Ergebnis der Wahlen, als auch benutzte die Bedingung der außerordentlichen politischen Situation und die eigene Autorität. Zur Zeit des Kampfes der Plebejer für die politische Gleichberechtigung strebten die Patrizier ursprünglich, die Wahl die Konsulartribunen nicht zuzulassen, und dann das lici-nisch-sextischen Gesetz über die Parität der Repräsentation im Konsulat umzugehen. Die Volkstribunen waren berechtigt, das Verbot auf die Aktionen des Interrex zu verhängen. Die Rolle des Interregnums hat sich als das Werkzeug der patrizischen Politik in das letzte Drittel IV Jh. v. Ch. zusehends verringert.

Politische Gruppierungen (zuerst innen der Patrizier, und dann, seit III. Jh v Ch., innen der Nobilität) strebten auch, das Interregnum in den eigenen Interessen zu verwenden.

Das Interregnum diente, nach Meinung von dem Autor der Monographie, als stabilisierender Faktor der Existenz der römischen *civitas* unter Umständen der Übertretung des normalen Ablaufes ihres staatlichen Lebens.

Дементьева Вера Викторовна

**Римское республиканское междоусобие
как политический институт**

Компьютерный набор, верстка С.Д. Глызин

Свидетельство о регистрации № 012730 от 11 июля 1994 года.

Издательство «ИНФО-МЕДИА»

**117802, Москва, Федеративный пр-т 17, корп. 7, офис 25,
тел./факс 302-75-63 доб. 142**

Подписано в печать 7.09.98г. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс, Прагматика. Усл.печ.8,5 л.

Тираж 550 экз. Заказ 1653.

Отпечатано в типографии ОАО «Внешторгиздат»,
Москва, ул. Илимская, 7.

